

СТОЛИЦА

В огне
брод
есть!

№25 (83) 1992 г. Цена 5 руб.

иллюстрированный еженедельник

Автомобиль делового человека в автосалоне ДЖЕНСЕР

Genser

Выставка-продажа автомобилей

В магазине салона имеются:

- моторные, трансмиссионные масла;
- охлаждающие жидкости;
- многоцелевые минеральные масла;
- средства антикоррозионной защиты кузова;
- средства по уходу за пластмассовыми, резиновыми, текстильными поверхностями;
- средства по уходу за стеклами;
- средства по уходу за колесными дисками;
- средства по уходу за двигателем.

“POWER-BANK” –

многоцелевой портативный переносной источник питания электроэнергией

**Внешний вид Вашего автомобиля
отражает успехи Вашего бизнеса!**

**Сохранить этот вид на достойном уровне
поможет автокосметика фирмы “САРАМБА”**

Максим СОКОЛОВ

ДВА ПРЕЗИДЕНТА,

ИЛИ ШЕКСПИР ПО-РУССКИ

Как в декабре 1991 года Б.Н.Ельцин, отстраняя М.С.Горбачева от власти, действовал совершенно в духе героинь «Короля Лира», за что и заслужил похвалу («Перепер он нам Шекспира на язык родных осин»), так полгода спустя Борис Николаевич вновь стал перепирать — того же автора, на тот же язык и на том же материале. 2 июня пресс-служба президента России сообщила, что публичные речи и интервью президента СССР «нельзя расце-

нить иначе, как попытку нагнетания политического напряжения, в сущности как дестабилизацию социально-политической обстановки в стране». А ввиду явной «опасности и нетерпимости таких заявлений» и «в целях сохранения в стране стабильности Б.Н.Ельцин вынужден будет принять необходимые и законные шаги». Стиль и тон заявления вызвал сильную изжогу даже у достаточно лояльных президенту РФ членов парламентской группы «Реформа», и на

следующий день они поинтересовались у Ельцина, что все это должно значить и какая муха его, Бориса Николаевича, укусила. Президент РФ выразился в том духе, что был не совсем прав и покаялся: «Но, Боже, как играют страсти моей послушной душой!» — и обещал оставить президента СССР в покое. На следующий день, 4 июня, у говорливого Михаила Сергеевича отняли стремительный члено-

Окончание на с. 3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Л.Баткин:

...Интересно, кто тот умник, который подал эту роскошную футбольную идею, наглядевшись на кадры американской хроники, запечатлевшие Рейгана или Буша играющими в гольф и делающими утренние пробежки.

6

В.Скурлатов:

Мы, как это было в Америке, наделим каждого дееспособного россиянина исходной стартовой собственностью.

А.Янов:

Но, чтобы сделать это, нужна политическая база. Линкольн мог сделать это только потому, что в Америке уже существовала демократия.

12

Г.Распутин:

Говорю вам, кто о народе слово возьмет, тот хозяином будет! А нынче, когда все зашевелилось, многие к народу полезли: хороший, мол, пригожий мужичок. Я люблю тебя, и я, и я! Так и трещат! И тут-то самое страшное. Хозяев много появилось.

15

2 ЭКОНОМИКА

Е.Петухова:

От бесправного и раздавленного чиновничьим беспределом мелкого предпринимателя нечего ждать серьезной озабоченности состоянием большого народного хозяйства.

20

Э.Дорожкин:

Польша, Россия, Чехо-Словакия, Албания. Раньше их объединяла плановая экономика. Теперь пытается объединить экономика рыночная. Стихийная. Непонятная. Зовущая. Есть в этом стремлении к рынку удачи, есть поражение.

22

3 ЖИЗНЬ

В.Бухтияров:

Мы были первыми на рынке недвижимости, кто потеснил «черный» бизнес жилья, с его беспощинными, в обход государства, операциями. Наш имидж на этом рынке сильно пострадал.

30

А.Митрофанов:

Владыки не устояли перед главным мирским соблазном эпохи — приватизацией. В списке 9 жилых домов. Бывших доходных домов церквей, монастырей, подворий. Но их обитателям от этого вряд ли станет легче. Для них Церковь — захватчик, агрессор.

36

Г.Леонова:

Кто-то умный уже сказал: «Хочешь настоящую любовь за деньги? Покупай собаку».

43

4 КУЛЬТУРА

Ю.Богомолов:

Вот что такое последние картины Никиты Михалкова: славянофильство в экспортном исполнении. Исполнение качественное. Продукт имеет товарный вид и вполне конкурентоспособен на Западе в отличие от наших машин и фильмов, включая те, что созданы по западным технологиям.

50

А.Солнцева:

Теперь, когда, ностальгируя, мы вновь начали «ловить кайф» от эстетики прошлых лет, нам только дай повод повспоминать и порадоваться безмятежной цельности советского искусства.

53

В.Матлин:

«Позор! Нацисты! Позор!» — гремело под мраморными сводами. И вдруг, уже у самого лифта, Севка сбросил с себя руку Шворца и резко повернулся к нам. Лицо его было искажено, губы дрожали.

60

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации. № 003.895

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Григорий Вайсман
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов

Отдел экономики и науки: Елена Колесникова

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусства: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни: Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 378
Geneva 1211 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 19.06.1992 г.
Тираж 156.300

Над номером работали:
В.Цыбульский, А.Тамиров, Р.Катеева

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 2270

Окончание. Начало на с. 1

воз марки «ЗИЛ», оставив, правда, «Волгу», но затем ельцинская канцелярия и в самом деле успокоилась и «необходимые и законные шаги по сохранению стабильности в стране» свелись, таким образом, к тому, что теперь президент СССР пользуется экипажем с меньшим количеством лошадиных сил.

Реакция общественности на малоаппетитную историю была двоякой. С одной стороны, аналитики, специализирующиеся на прогнозах, стали просчитывать шансы на возвращение М.С.Горбачева к власти, указывать, что захлебывающаяся реформа, возможно, вызовет к власти отошедшую пока что в сторону бывшую союзную номенклатуру, которая востребует Михаила Сергеевича на предмет того, чтобы конвертировать его популярность на Западе в источник моральной, а главное — материальной поддержки пост-ельцинского режима. С другой стороны, публицисты, специализирующиеся на мнениях, выразили глубокую обеспокоенность новыми манерами российского демократического руководства, отметив, что если уж самому Михаилу Сергеевичу хотя бы заткнуть рот, то что же с нами, грешными, будет.

И прогнозы, и беспокойства представляются все же не вполне адекватными. Прогнозисты явно преувеличивают готовность союзной номенклатуры, группирующейся вокруг А.И.Вольского с его союзом «Обновление», вступать в дружбу с М.С.Горбачевым: во-первых, вошедшие в рынок парработники вряд ли сохранили о непосредственном и неудачливом президенте СССР столь приятное воспоминание, чтобы снова звать его на престол, а во-вторых, вряд ли они (в отличие от самого Михаила Сергеевича, а также, очевидно, и Бориса Николаевича) питают иллюзии касательно популярности его в широких массах и соответственно — способности легитимизи-

ровать новый режим. Что же до любви западного мира к М.С.Горбачеву, то, отнюдь не разделяя мнения, что во время своих последних западных турне президент СССР являл собою в глазах Запада сугубое посмище, не следует и преувеличивать западную готовность вновь отдаться чарующей горбамии. Похоже, что отношение богатых стран к Михаилу Сергеевичу, скорее, сводится к приятно-сентиментальному воспоминанию — «тебя ж, как первую любовь, гниющий Запад не забудет». Из чего, впрочем, никак не следует, что окажет материальную поддержку.

Что же до свободолобцев, то их беспокойство кажется несколько чрезмерным. Оценивая перспективы на будущее, дошлые правительственные чиновники приватно сообщают, что в экономике в ближайшее время будет в самом деле твориться черт знает что и что с этим уже смирились, но специальных планов затыкать кому-то рот наверху не наблюдается: в желании сохранить главное достижение перестройки, т.е. гласность, нынешние начальники народа вроде бы едины с общественностью. Но даже если придворные слухи лакируют действительность, в свободолобивых рассуждениях есть еще одно слабое место: они базируются на исходном положении — «если уж Горбачева не помиловали, то кого же помилуют?».

Между тем июньская история с М.С.Горбачевым как раз в этом отношении довольно парадоксальна. Ельцинская канцелярия относится к инвективам М.Г.Астафьева, С.Н.Бабурина и В.В.Аксючица в духе дантовско-карломарксовского завета *Sequi il tuo corso e lascia dir le gente*, т.е. «своей дорогою ступай, подают да отстанут».

Если такое отношение к мелкой сошке еще более или менее понятно, если даже объяснить философическое отношение к красноречивому Р.И.Хасбулатову мудрой убежденностью в том, что Руслана Имрановича сколько ни хами, все равно не

перехамишь, то остаются, например, А.В.Рущкой или военный министр П.С.Грачев, которые в своих публичных острокритических высказываниях, во-первых, идут существенно дальше мягко-лояльного М.С.Горбачева, а во-вторых, в отличие от вольного стрелка Михаила Сергеевича, все-таки входят в президентскую команду и, казалось бы, должны несколько блюсти лояльность к патрону. Выходит, к М.С.Горбачеву *de facto* предъявляются требования существенно более высокие, нежели те, которым должны соответствовать члены президентской команды, и уж тем более — рядовые граждане.

Иначе говоря, нынешний Цезарь рассматривает М.С.Горбачева в качестве жены Цезаря, которая должна быть вне подозрений. Такой странный семейно-политический статус президента СССР, конечно, явно отличается от статуса, допустим, академика А.Д.Сахарова (хотя стиль ельцинских угроз, напротив, трогательно воспроизводит памятные по 70-м годам сообщения ТАСС, что гр-ну Сахарову А.Д. «строго указано на недопустимость в будущем» и т.д.). Высокий сан и бывшие заслуги до поры до времени защищали академика, и ему лишь «строго указывали» на те его деяния, за которые более рядовой гражданин давно мотал бы свои семь плюс пять. М.С.Горбачев же, напротив, оказывается куда больше поражен в правах сравнительно с рядовыми гражданами обновленной России. На каком-то достижении демократии все пока могут и успокоиться.

ДЕЛО СТАЛИНА ЖИВЕТ. НО ПОКА НЕ ПОБЕЖДАЕТ

12 июня у стен Останкинской телерадиокомпании произошли столкновения коммунистических и патриотических демонстрантов с милицией. К счастью, в этот раз обошлось без жертв. Травмы получили лишь несколько человек. Но примечательно, что, кажется, впервые «красные колонны» шли в бой по приказу своих вождей. 23 февраля, когда также произошли столкновения участников оппозиционной манифестации с силами правопорядка, все выглядело более стихийно. Тогда цепи милиции рвали, чтобы возложить венки к могиле Неизвестного Солдата. Сейчас — для того, чтобы «покончить с гидрой сиониз-

ма в Останкинском телецентре», — и разница, что ни говори, весьма существенная. Накануне один из лидеров «Трудовой России» в приватной беседе заявил автору статьи, что движение теряет популярность и единственная надежда — вызвать власти на ответные жесткие действия.

Похоже, эта программа принята к выполнению. Апофеоз «трудороссов» (опять-таки не без помощи переполнившихся демократов) пришелся на 17 марта. Тогда на «Всенародное вече» на Манежной площади пришло чуть ли не 100 тысяч человек. Многие всерьез надеялись, что этот день станет переломным: Сажи Умалатова войдет в Кремль и восстановит Советскую власть, а президент Макашов водрузит красный флаг. Но этого не произошло. Вече разошлось и вряд ли соберется снова. Союзные депутаты, проводившие VI съезд, переругались с коммунистами, а генерал Макашов категорически отказывается принять президентское кресло из рук «Трудовой России».

Коммунистическая массовка редет и ожесточается. Сейчас уже вполне оче-

видно, что «Трудовой России» не повторить судьбу «Демократической России». Хотя популистские социальные и патриотические лозунги на фоне полного развала экономики в стране, очевидно, должны были привлекать массу сторонников.

Однако постепенно выяснилось, что рост «Трудовой России» идет не «вверх» и даже не «вширь», а «вниз». В сферу ее влияния попадали не структуры власти, а все более люмпенизированные массы.

Убогость движения быстро вышибала из него коммунистических интеллектуалов (впрочем, не слишком многочисленных), отпугивала левяющие профсоюзы и ворчащую интеллигенцию. Зато у «большевиков образца 1992 года» появились новые союзники. 12 июня на площадке возле Останкинской телебашни, пока коммунистические вожди клеймили демократов, ведущих страну к катастрофе, рядом шел митинг «Союза русской молодежи» и «Русской партии». «Не хотим толкаться с жидами в автобусе, троллейбусе и метро. Не будем с ними здороваться. Этим мы оскверняем наше арийское нача-

ло», — надрылся молодой ублюдок. Но ни такие выступления, ни продающиеся по соседству газеты со свастикой и портретом Гитлера коммунистических вождей почему-то не коробили. Ну а массовка... свободно фланировала между «красными» и «коричневыми» ораторами.

В коммунистическом городе под стенами «Останкино» на видном месте был вывешен «Приказ Верховного главнокомандующего генералиссимуса Сталина от 9 мая 1992 года». Чудом оживший или вешающий прямо из гроба генералиссимус приказывает «генералу Макашову принять капитуляцию химерического СНГ. Анпилову, Алкснису и Умалатовой водрузить над Кремлем красный флаг, а народу стереть с лица земли так называемый «Белый дом».

Однако выполнить этот приказ генералиссимуса, очевидно, скоро будет нелегко. Товарищ Сталин сможет послать в бой лишь сотню визжащих и плюющихся бабушек во главе с первым секретарем МГК РК РП Виктором Ивановичем Анпиловым, но не более.

Евгений КРАСИЛЬЩИКОВ

Советы бывалых: КАК ИЗБЕЖАТЬ РАЗОРЕНИЯ

Не всегда понятно, чем руководствуются наши средства массовой информации, когда определяют: какое событие подать «крупным планом», а какое — тихо, мелко, под сурдинку. Попробуйте сейчас, по прошествии нескольких дней, вспомнить: что в стране произошло важного 11 июня, а что — 12-го? Ну, про 12-е, наверное, многие вспомнят: первый День независимости и, конечно, митинг коммунпатриотов у Останкинского телецентра. Уверен, что насчет 11-го многие пожмут плечами — да разве чего было?

А было вот что: парламент России принял-таки наконец программу приватизации. Программу, которая касается — и весьма ощутимо — буквально каждого. События в Кремле и Останкино практически совпали во времени. Ораторы оппозиции клеймили правительство за «ограбление народа» в то самое

время, как правительством без всякой пропагандистской помпы отставило программу наделения народа собственностью.

Подозреваю, что на накал останкинских страстей повлияло еще то, что 5 июня поправки оппозиции к Закону о приватизации были в основном парламентом отвергнуты. Тогда Комитетом ВС по промышленности и энергетике, а также депутатом В.Исаковым были предложены поправки к закону, расширяющие права на приватизацию госпредприятий коллективов этих предприятий и резко сужающие возможности участия в приватизации всевозможных «посторонних». В число их автоматически попадала половина населения страны, и, если бы поправки Исакова были приняты, доля этой половины в приватизируемом имуществе снизилась бы в 10—15 раз! Очень интересно выяснить: отчего такой профессиональный печальник за всех бедных и ограбленных, как В.Исаков, вдруг встал горой против права половины населения России на «об-

щественное» добро?

Стремление трудовых коллективов обеспечить себе льготный режим приватизации вполне объяснимо. Но столь же объяснимо и стремление отнюдь не «бывшей» партгосхозменклатуры сохранить прежнюю власть над производством и, во всяком случае, обеспечить и себе льготный режим приватизации.

«Трудовые коллективы» — это, по моему, явная подставка, причем используемая уже не в первый раз: вспомним пресловутые «производственные» избирательные округа, через которые в депутаты перли хозяйственные и партийные чины. Но вот как быть с теми, которые не входят в сплоченные коллективы госпредприятий? Или входят, но не в те? Тут перед оппозицией задача не из простых: объяснить людям, что право собственности им, в общем-то, ни к чему и для их же блага лучше эту обузу на себя не брать...

Читайте внимательно, что пишет «Советская Россия»: «Какая-то часть граждан не-

пременно попытается обменять свои платёжные средства на деньги, сбить их хотя бы и за бесценок, а пятый—десятый элементарно пропыет». Результатом будет «усиление социальной напряженности. Миллионы граждан, потеряв свои платёжные средства, превратятся в еще более нищих и обездолженных. Смогут ли они примириться с тем, что на их разорении кто-то построил свое богатство и благополучие?.. Недопустимо навязывать всем гражданам поголовно специальные платёжные средства». Да, именно так: собственность — недопустимо! Навязывать!! Всем!!! Отличная мысль! Чтобы мафиози наше население не грабили и не дурили, надо населению просто ничего не дать. Ходи голым — и ты не разоришься, тебя не ограбят.

Но я, извините, ВПРАВЕ сделать со своей долей все что угодно. Захочу — пропью или продам спекулянту. Это НЕ ВАШЕ дело — распоряжаться МОЕЙ долей собственности и оберегать меня

от возможности разориться.

Если проходит правительственная программа приватизации — все население получает шанс, и неимущие, люмпенизированные массы — социальная база оппозиции — озадачиваются новой для себя проблемой: как распорядиться приватизационными чеками? Собственно, тогда и начинается настоящая реформа экономики, тогда она будет точно необратимой, и этого оппозиция допустить никак не может: борьба ведется на грани истерики. После того как 5 июня поправки оппозиции парламентом были в основном провалены и на повестку дня поставлено утверждение программы приватизации, оппозиция под всяческими предлогами пыталась снять вопрос с обсуждения. Опять не вышло: 11-го программа была утверждена. 12-го начинается митинг у телецентра, где В.Исаков, просвещает собравшихся: «Силам, продолжающим развал страны, удалось протолкнуть через парламент программу приватизации. Но осуществить ее, уверен, не удастся: нынешнее временное правительство, столкнувшее народ в пропасть нищеты, будет сметено его же гневом» («Интерфакс»). Что такое «пропасть нищеты» в трактовке В.Исакова, понять можно. А что значит «не удастся»? Неужели оппозиция рассчитывает на то, что мы сами, исполненные коммунистической сознательности, брезгливо отвернемся от собственности, которую нам вероломно подсовывает правительство? О нет, человек слаб, и на нас надежды нет. Что значит «не удастся», объяснил А.Стерлигов 13 июня на съезде Русского Национального Собора. В его речи отмечалась необходимость «формирования рабочих дружин, которые помогли бы отстаивать точку зрения РНС на предприятиях в ходе приватизации, проводимой демократами» («Интерфакс»). Боюсь только, что если в самом деле приватизацией займутся рабочие дружины, то ведь они, по простоте душевной, могут и А.Стерлигова с В.Исаковым принять за отечественного и зарубежного мафиози... Ох, не сейте ветер!

Илья РАСКИН

Народный депутат, член ВС РФ, сопредседатель оппозиционного блока «Российское единство» профессор Владимир ИСАКОВ признается:

«ГРЯЗНУЮ РАБОТУ Я ПРИВЫК ДЕЛАТЬ САМ...»

— Верите ли вы в сотрудничество парламента с президентом?
— За два года работы в парламенте я, к сожалению, совершенно разочаровался в личности нашего президента. Я вижу, что он каждый раз создает что-то... похожее на плохой обком, где работники превращаются в «пешек», становятся «подсобниками». Президент взял назад свое обещание, что главы администраций будут выбирать. Теперь он просто назначает и снимает их сам... Далее — президент полностью монополизировал государственную прессу. Она вся практически оказалась под его контролем. Даже «Российская газета», учрежденная ВС и существующая на деньги налогоплательщиков, и та призывает... к разгону Верховного Совета. Абсурд! И, наконец, третье: когда стало ясно, что президент избрал ошибочный экономический курс, который не реализуем в рамках Конституции и противоречит интересам народа, начались его призывы к разгону съезда, т.е., по сути дела, к ликвидации представительной власти... С другой стороны, я понимаю, что насильственное низвержение президента может иметь крайне дестабилизирующие последствия для всей страны, возникнет опасность «гамсахурдизации» России...
— А как вы сегодня оцениваете по своему выступлению в ВС по поводу президента, показавшегося вам нетрезвым?
— Скажу честно: когда я увидел тот сюжет в программе «Вести», у меня поначалу не было никакого замысла. Но... всю ночь я мучился, он не давал мне покоя. И постепенно — на уровне чего-то подсознательного — созрела мысль: «Ну сколько это может продолжаться?». И я, даже не сформулировав ее как следует, решил выйти к микрофону... Я почувствовал, что должен сделать это для общества, которое оцепенело от ужаса перед властью. Для людей, которые до сих пор не понимают, кто ими ру-

ководит... и т.д. Мне противно о таких вещах говорить, но... грязную работу я привык делать сам.

— Вы добились того, чего хотели?

— Да, мое выступление повлияло на психологическую атмосферу в обществе. Тоталитарная власть — а, на мой

У ДПР НЕ БЕРУТ МОЛОКО

Николай Ильич Травкин, лидер Демократической партии России, в последнее время более известен как хозяйственник и экономист рыночной заправки. Он активно выступает за отражение рыночного опыта в российском законодательстве. Правда, в последнее время появились проблемы актуальнее. Еще в январе этого года Травкин предложил тогдашнему мэру Москвы Гавриилу Попову и вице-мэру Юрию Лужкову поставлять в столицу хорошее и не слишком дорогое молоко. Не слишком дорогое — это, если следовать за динамикой роста цен в Шаховском районе, четыре рубля за литр. Но московское правительство от услуг Травкина отказалось. Как утверждает Травкин, не столько по экономическим, сколько по политическим соображениям. По каким именно, Николай Ильич не уточнил. Но некоторые наблюдатели заключили из его слов, что имеется в виду политическое соперничество между ДПР и РДДР, в руководстве которого Попов играет не последнюю роль. А сейчас, после отставки Попова, несомненно начнется борьба за портфели в московском правительстве. И, кто знает, может быть, руководители ДПР, поднатеревшие в рыночной экономике, не смогут удержаться от соблазна захватить некоторые из них.

В январе же условия Травкину были поставлены такие: вы нам везете практически задаром молоко, мы устанавливаем свои наценки и надбавки и вместе поим москвичей дешевым молоком. Молоко и Травкин не согласился. А тем временем в Москву все прибывали и прибывали вагоны с «гуманитарным» сухим молоком. Дешевым и невкусным. А на то молоко, что в небольшом

взгляд, власть Ельцина имеет тоталитарные признаки — покоится на страхе и не терпит унижения, насмешки. И бороться с ней надо любыми цивилизованными методами.

— Вы считаете, что ваш метод — цивилизованный?

— На грани...

Григорий КРОШИН

количестве все-таки покупалось у фермеров, были выделены дотации, в том числе из внебюджетных городских фондов. По словам Травкина, таким образом был осуществлен «польский вариант» торговых отношений между «деревней» и индустриальным центром. Правительство Москвы попыталось заблокировать продажу подмосковного молока в городе и тем самым заставить производителей продавать его по бросовым ценам. В Польше, как известно, такая политика привела в конце концов к серьезным «крестьянским» волнениям.

Нынешняя цена «травкинского» молока — девять рублей за литр. Москва его по-прежнему не покупает. Выручают соседние районы, с которыми давно уже налажены хозяйственные связи, часть идет на Останкинский молокозавод в переработку. Самим же на улицах города продавать нельзя. Не разрешает главный санитарный врач Николай Шестопалов. «Фактически это означает отказ московских властей от рынка», — считает Травкин. Но не только. Такая политика ведет к разорению подмосковных хозяйств и — более того — не оставляет никаких перспектив хозяйствам индивидуальным, фермерским. Технология же повышения или снижения цен проста и надежна. Человек из московского правительства звонит директору молокозавода, а тот, в свою очередь, руководителям района и так далее. А официального документа так и не выпускается. Будто все осталось без изменений.

Молока в московских магазинах как не было, так и нет. То, что завозят с утра — «дотированное», — расхватывается за минуту. Семь рублей пакет. Днем хватают по двенадцать. А к вечеру на Тверской остается только итальянское — по тридцать рублей. У Травкина, в Шаховском районе, по девять — никто не берет. Почему?

Эдуард ДОРОЖКИН

Леонид БАТКИН

ГОЛ

В СОБСТВЕННЫЕ
ВОРОТА

Проходят дни, насыщенные куда более, казалось бы, существенными событиями, а у меня не идет из головы впечатление 2 мая. И даже по мере того, как оно заслоняется и отодвигается в прошлое, его скромное значение — благодаря простоте и наглядности для всей страны сугубо бытового, но и подчеркнuto политического жеста — становится еще более выразительным, принципиальным по стилю.

Вечером нам показали по телевизору беспрецедентное шоу. Высшие руководители России и Москвы, облачившись в трусы и футболки, гоняли мяч на стадионе. В перерыве и после матча давали блиц-интервью. Президент Ельцин и столичный мэр Попов изображали «тренеров», государственный секретарь Бурбулис взял на себя, если я правильно запомнил, роль «капитана» российской государственной сборной, в которой творцы отечественного экономического чуда, прочие министры, также генерал Грачев. Вице-мэр Лужков, игрок таранного типа, на удивление прытко передвигал свой мощный корпус к воротам президентского правительства, и я не позавидовал бы тем, кто попадался ему на пути. Красивый шеф московского КГБ, известный демократ Е.Савостьянов, сообщил, что, будучи одновременно заместителем министра этого ведомства (разумеется, переименованного, как и все), колебался, в какой команде ему надлежит участвовать по чину, но выбрал все-таки «Москву». И правильно! — ведь должность он получил из рук Попова. Толстые и тонкие, старые и молодые высокопоставленные чиновники бегали и пыхтели, иногда сталкиваясь и сшибая друг друга. Особенную убедительность происходящему придали травмы: министра юстиции даже унесли с поля на носилках. (То ли еще впереди!) Политики обливались потом, показывая стране и миру, что вообще это весьма изнурительная профессия. Большая политика! Большой футбол.

Стадион, насколько я могу сообразить, довольно удобное место для организации охраны. Немногочисленная публика, допущенная на трибуны (по спецпропускам?), включала в себя сразу всех телохранителей, впервые при исполнении служебных обязанностей сидевших. Интересно, за сколько кварталов был закрыт проезд для остальных болельщиков? Правящие лица, устало и мило улыбаясь, один за другим сознавались, что играли в это дело в последний раз лет двадцать или сколько-то назад, в бытность, оче-

видно, студентами. Как выяснилось, лишь один из государственных мужей делает по утрам зарядку, мало кто вообще действительно любит движения на свежем воздухе, в отличие от Бориса Николаевича, большинству остальных не до того, работают допоздна, по утрам хочется соснуть хоть на десять минут дольше. (Тут я ощутил искренность, которой так недоставало спектаклю в целом.)

Попов сказал, что в молодости — очевидно, до работы в ЦК КПСС и до перехода в науку — увлекался никак не футболом, но туризмом, а ныне (смеется) какой уж тут спорт. «Если выиграем матч, нам не видать ассигнований», — специфически шутил он. И только человек, восприимчивый к ведомственному юмору и знающий, что Г.Х. добивался от президента всего, чего пожелает, способен оценить эту сценку.

Ельцин сказал, что, если победит «Москва» (т.е. мэрия), все равно это будет победой «России» (т.е. президентского кабинета), так как «Москва — это Россия». Так пушкинские строки («как много в этом звуке для сердца русского слилось») вдруг наполнились современным политико-административным содержанием.

Конечно, на поле не хватало Хасбулатова, который наверняка сумел бы внести в игру особый колорит. Но мы, впрочем, и так недавно видели его в марафонском забеге мнимого «парламента» в соответствующем (спортивном) исподнем, когда он делал на глазах всего населения быстрые финты (которые люди, ни черта не смыслящие в политике и спорте, неплохо называют ложью), прибегал к силовым приемам, но, впрочем, вынужден был кончить ничьей по договоренности. Ах, на сей раз было весело и без Руслана Имрановича, притом совершенно в его же вкусе.

Должен сознаться, это пошлое политическое зрелище меня доконало. И вот почему.

Даже «популизмом», пусть самого дешевого разбора, сие не назывешь. Популизм — это политика, играющая на массовых настроениях, любых, глубоко оправданных или темных, пы-

тающаяся потрафить человеку с улицы, привлечь его на свою сторону. Но угаданы ли настроения, удалось ли привлечь?.. Я понимаю — и, полагаю, все телезрители понимали, а вот это уже не годится для впрямь ловких политиков, — что на телеэкране власть попыталась грубо польстить народу своей доступностью, обыкновенностью, демократизмом.

Начиналось же с того, что Горбачев выходил из машины на улице, запросто толковал, ну с совершенно случайно встретившимися трудящимися... заходил по дороге в какой-либо, ну совершенно первый же попавшийся продмаг, озирая очень скромное и опрятное изобилие, пока не могущее удовлетворить нас... ничего, ничего, будет лучше, процессы пойдут и пр. Теперь уже Ельцин делает иногда нечто сходное; но обещает меньше, говорит жесткие вещи... Однако трудно удержаться от желания подсластить пилюлю, удержать падение рейтинга. И вот «меняют политический стиль» (как это, наверное, воспринимают какие-то лица в окружении президента и он сам). Да так радикально, что Горбачеву и Раисе Максимовне и не снилось. Выбегают на поле, играют в любимую в народе игру — гоняют мяч, как все. Притворяются беззаботными здоровяками, по-своему понимают евангельское «будьте, как дети», шалят, изображают своих парней. Значит, так надо. Ведь перед нами о-о-очень серьезные мужики, государственный цвет России.

Что ж, ради того же Попов на старости лет чуть не впервые полез в прорубь, не дрогнув, притворился «моржом». Таковы (в его понимании) высокие требования политики! А теперь все они как один притворились спортивными, охочими до беготни, азартными футболистами. (Справедливости ради, следует сказать, что Ельцин, сидя под тентом, «болел», кажется, не на шутку, от души.)

Но... притворство — это еще не политика. Или же это советская политика, до ужаса знакомая советская показуха, пусть на новый лад. Такая «политика» не сулит успеха.

А я пожелал бы новой власти — нет, не любого, а глубинного, истори-

ческого и, следовательно, демократического — успеха. Для этого, однако, требуется подлинность. Мыслей, слов, поведения.

Они же почему-то решили, что, увидев вождей без штанов, народ умилится. Испытает праздничное чувство. И поверит в реформы. Они думали, что люди по-прежнему увлекаются футболом. Хотя и на настоящих матчах стадионы пустуют. У подавляющего большинства и развлечения, и заботы ныне совсем иные...

По-моему, руководители, называющие себя демократами, держат нас за простаков, лишенных здравого смысла и трезвой насмешливости. Опасная ошибка!

Ладно, ежели я не прав. Предложил бы в следующий раз устроить игру на высшем уровне «в козла». Министры схватились бы, само собой, «навылет». Столы можно установить в Георгиевском зале Кремля. В домино естественней, чем в футбол, играть и нездоровым, и пузатым. Домино гораздо более распространено среди населения, чем футбол. Стук костяшек и незлобивый мат разносились по России и в эти дни дарованного нам ни с того ни с сего сплошного майского празднования. Вот державный стук и слился бы с народным в одном громовом звуке. И, как советует Посол Лукин, призадумались бы на Запорожской Сечи, и вздрогнули бы от грома российской гоголевской тройки окрестные народы.

...Интересно, кто тот умник, который подал эту роскошную футбольную идею, наглядевшись на кадры американской хроники, запечатлевшие Рейгана или Буша играющими в гольф и делающими утренние пробежки. Все дело, однако, в том, что тамошние политики (сплошь поджарые) занимаются этим, не только когда приглашают тележурналистов... Хотя, конечно, они заинтересованы, чтобы избиратели не сомневались в их выносливости и в их отличной физической форме. Вот если бы и Попов, Бурбулис, Гайдар повседневно... и т.д. Но телерепортаж из Москвы показывал подделку (большинства участников) под «спортивность». Это первая фальшь. Далее. Американцы, как известно, в любом возрасте бегают, плавают, тренируют мышцы, следят за собой, у них (так же и у людей скромного достатка) есть для этого в двух кварталах от дома бассейн, спортзал и пр. А наши люди, даже отдав дань спорту в молодости, затем не имеют, как правило, ни сил, ни охоты, ни элементарных условий им заниматься. Т.е. американские политики демонстрируют, что у них такие же привычки, как у большинства избирателей. А у нас суботный матч сановников был при-

велегированной блажью, до которой народу не может быть дела. Эти зрелые и пожилые футболисты «отдыхали» вовсе не «как все». Это — вторая фальшь.

Далее. Там можно заснять тренировку Буша, но нельзя вообразить, что в кадре за ним бегут трусой Бейкер и все люди из его администрации, включая представителей армии, ЦРУ и Вашингтонской мэрии... В Стране Советов традиция, конечно, иная. Легко предположить, что кое-кто рад был бы отвертеться. Неужели, например, Гайдар был в своей тарелке, разве он не скрывал раздражения, попав в неестественную для себя, дурацкую роль, участвуя в водевиле с переодеваниями? Но ему сказали: «Так надо. А то простых людей, по нашим данным, не греет излишне интеллигентный вид и мудреные обороты речи. Следует приблизиться к населению». Что ж, если, как говорится, партия велела...

Советская традиция высшего руководства являться перед народом в полном составе, иерархической командой, «коллективно», дисциплинированно — традиция, которая десятилетиями назад выразилась при вручении друг другу орденов или стоянии на мавзолее и которая поныне выражается в проводах и встречах гурьбой в аэропорту, с показом в теленовостях, — эта традиция официально (по происхождению — придворного) церемониала преобразена до невероятия. Она демократизирована... вплоть до бегания, хотя и все тем же скопом, за мячом. Перед игрой руководители выстроились в ряд заведенным порядком, но одетые своеобразно... Выражения «команда Ельцина», «команда Попова» они решили истолковать буквально! Стали ряжеными. Трибуну же переоборудовали в футбольное поле.

Вот — третья фальшь.

Есть и четвертая фальшь, и пятая, и шестая... Ибо свойскость лиц, ставших малодоступными даже для собственных советников, наигранна. Ибо престононародная забава выглядит двусмысленно, когда ее изображают люди, сохранившие прежнюю систему закрытых привилегий, огромный парк автомобилей ЦК КПСС, соответственный штат obsługi и т.д. Ибо «открытость» деятелей, по-прежнему понимающих политику как дело закрытое, — ничемна. Покажите нам лучше и расскажите, кто готовит тексты указов, как и кем реально принимаются важнейшие решения, подчас бездарные и вредные.

Главный же урок при разборе матча в раздевалке, я полагаю, следующий. Мы не только живем во все той же социально-экономической си-

стеме, что и до августа 1991 г., с тем же горбачевско-воротниковским составом «съезда народных депутатов» и с тем же, в общем, аппаратом исполнительной власти (лишь в «центре» обновленном в персональном отношении, но с прежним механизмом управления, рутинной, склонностью к «реорганизациям», лишь с десятикратным казнокрадством и развалом). Сами стиль и психология власти — в ее взаимоотношениях с населением — тоже в глубине своей изменились мало.

Новая высшая власть — а ведь речь идет также о некоторых лучших ее представителях, на которых мы продолжаем надеяться, поддерживая их, безусловно, против ненавистников справа, всех этих англо-вых, бабуриных, астафьевых, а также против политиков хасбулатовского покроя, — эта власть страдает тяжелой демократической недостаточностью. Она, как и само постлевугутовское общество, в своих основаниях — помимо роспуска парткомитетов и замены «социалистической» идеологии на «державную» — та же самая.

Множество явлений, на первый взгляд не имеющих ничего общего, в самых разных сферах государственной и общественной жизни сегодня потрясающе сходятся в одном фокусе. Этот социально-психологический фокус: перевертыши и переодевания. Со сбережением прежней, «совковой», структурной исторической сути.

Вот почему незначительный сам по себе, но зато замечательно выразительный и показанный десяткам миллионов майский футбол воспринят мною как эмблематический образ всего нынешнего состояния и власти, и общества в России. И это при том, что ельцинская Россия явно опережает по части реформ, департизации и т.д. всех членов СНГ (за исключением Армении).

Я испытываю разлитие желчи, но не злобу. Я прежде всего в очередной раз удручен и встревожен. Можно ли полагаться на то, что политики, которым настолько недостает социального такта, вытянут нас из ямы? Т.е. помогут нам самим (только так! только самим, «снизу»!) вылезти из непросяхающей постперестроечной трясины? Спустя скоро год после Августа 1991 поверить в это все трудней и трудней.

Пытаясь разобраться в природе своего неприятия самого стиля политического поведения новой власти, я прихожу к такому самонаблюдению. Считаю необходимым немедленно убрать некоторых персонажей «наверх», протестую против того, как ведется политика внутри СНГ, испыты-

ваю страх и отвращение к заигрываниям с национал-патриотизмом или монархическими мифами, с мнимыми и неуправляемыми вооруженными «казаками», возмущен тем, что похоронены надежды русских немцев, а также подстрекательством в Крыму и Приднестровье; наконец, ожидаю, когда и как правительство Ельцина-Гайдара, слава Богу, решившееся начать (пусть с очень серьезными, но поправимыми ошибками), перейдет к действительным коренным реформам. Ибо беда не столько в том, что делает правительство, сколько в том, чего оно не делает, благодаря чему может угробить в итоге все. Но в целом я — непривычное чувство! — все же пока не ощущаю эту власть враждебной себе.

В ней есть, скажем так, и здоровые элементы. Я вижу в ее составе также некоторых дельных, образованных, бескорыстных людей, захваченных великой задачей. Я вижу, повторяю, достоинства отдельных ее шагов. Короче, с этой властью можно иметь дело. В этом-то и заключена подоплека наших разочарований...

Дело в том, что новая власть, разумеется, подчас сильно отличается к лучшему от Горбачева и его «перестройки». Как и сам Горбачев — особенно до поворота вправо осенью 1989 г. — был, конечно, несопоставимо лучше брежневского политбюро, этого сборища живых мертвецов, из которого он вышел сам. Начальство на Руси в определенной своей части за десятилетие улучшилось. И вот именно это переходное состояние страны — это приближение к чему-то неясно похожему на что-то почти демократическое... все это избавляет нас от злобного равнодушия, повышает социальную (и этическую, и, если хотите, художественную) впечатлительность и требовательность. Кому приходило в голову чего-то ждать от брежневых и сусловых?

Да, это уже не проклятая партийная власть. Не те, о ком мы говорили, чокаясь: «Пусть они содохнут!» Не те. Но и не подлинно другие. Не тоталитаризм, но и не демократия.

Грешу «максимализмом»? Э, нет. У страны не осталось времени сжигать и поджидать, пока придет настоящая, непереодетая политика. Нет больше сил — не только из-за распада всех и всяческих жизненных связей, из-за нашей неприютности погорельцев на пепелище лагерной зоны, но особенно потому, что час действительной свободы и открытости, надо думать, близок.

Да, это беспримерно трудный и не такой быстрый, как хотелось бы, путь. Но не принимать нас за придур-

ков, не уподобляться хасбулатовым — вы, господа, можете уже сейчас. Сразу же. Многих из нас больше всего приводят в отчаяние не цены, а притворство, игра в демократию, корыстолюбие, напыщенность, привилегии, сохранение прежних нравов и структур.

Пусть бесится партократическое большинство на «съезде», пусть митингуют коммунисты — туда мы не вернемся. Туда еще никто, выйдя, не возвращался. То был режим одноразового пользования. Но не попасть бы куда-нибудь в другое «нетуда», в затаившийся, всегдашний русский роман с прошлым.

В тот день, 2 мая, я поехал через всю Москву к матери. Женщина, сидевшая за мной в автобусе, рассказывала соседке, что везет назад в магазин купленную сегодня и оказавшуюся гнилой картошкой по шесть с полтиной. Она надеялась, что удастся поменять ее на польскую, гово-

рят, отличную, без отходов. Она объясняла, что потратила на картошку последние 50 рублей, поэтому очень беспокоилась и рассуждала вслух, пойти ли сразу к заведующей и что сказать, чтоб дело не сорвалось. Потом, в переходе метро от Тургеневской к Чистым прудам, меня поразило количество нищих. Они стоят там теперь всегда, но чтобы вот так, сплошь вдоль стен, я еще не видел. Подал рубль молодому смуглому афганцу с восточным лицом, сидевшему на полу, костыль рядом. Он молча слегка наклонил голову. Потом я обошел все булочные в районе Преображенки, они или были закрыты, или хлеба в них все равно не было. Потом, в сумерках, добирался кое-как по страшному, мусорному городу. И поспел к «Вестям». И увидел, как высшие руководители России и Москвы гоняли мяч, чтобы поднять настроение народа.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ

Мы почувствовали необходимость дистанцироваться от нашего автора, играет себе власть в футбол — и Бог с ней! Мы не против. Мы вполне можем представить себе, что президент или какой другой умный человек в правительстве сообразил: «Хватит пессимизма, давайте покажем, что у нас все в порядке, что мы не боимся спадов и кризисов, что мы — живые, реально существующие люди, что мы... футболисты, черт возьми!» Это показуха? Да. Но и американская администрация грешит точно такой же показухой. Биографы президентов рассказывают, во что обходятся улыбки в предвыборной кампании и как распухают руки после многотысячных рукопожатий. Это политический театр, он живет по своим законам, и все это не ново.

Однако проблема, затронутая в статье, как кажется, в другом. Может быть, пафос публициста и не соответствовал поводу, но речь неожиданно пошла об... обманутых ожиданиях. На самом-то деле разговор о показухе на футбольном поле (в свободное от работы время)

лишь предваряет более серьезный разговор.

Сейчас все в стране говорят об экономике, но тут же признаются, что в экономике ничего не понимают. Все в стране говорят о реформах, что они «самые радикальные», что они куда-то «идут», что они кем-то «тормозятся», а спросить кого, в чем, собственно, они заключаются? И тоже мы услышим невнятное бормотанье.

И что делать? Радоваться хорошей спортивной форме наших руководителей и делать вид, что мы ничего не понимаем? Что мы не видим, как общество расслаивается на мелких лавочников и крупных монополистов, как монополии постепенно вытесняют вчерашних неформалов из бизнеса и политики, как в культуре властвует «серость»...

Если власть вдруг начинает выступать в роли бодрячка — рекламного агента, это ее дело и, если хотите, обязанность, но нам прежде всего хотелось бы знать, что нам собираются в очередной раз всучить.

Николай
КЛИМОНТОВИЧ

РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ «ТАЙНОЙ СВОБОДЫ»

Не так давно на страницах «ЛГ» была напечатана статья литератора Леонида Бежина под заголовком «Манифест свободного гуманитария». «Манифест» исходит, по утверждению автора, не от него одного, но «от имени тех, кто в заботах хлопотливой Марфы умудрился сохранить тихие радости созерцательной Марии». Читателя не должны вводить в заблуждение эти аллюзии, речь не об обитателях далекого скита, но о городской либеральной интеллигенции, причем о конкретном поколении «гуманитарных мальчиков времен застоя», «тех самых, для которых филологический факультет и историческая библиотека стали убежищем на годы реакции» и которые «использовали эти годы не для диссидентской борьбы, а для духовного выживания». К сведению автора, есть разряд людей, для которых открытое сопротивление порядку вещей, с их точки зрения неправомерно, есть условие именно духовного выживания — пусть даже с угрозой физической гибели, но это в скобках. Духовное выживание «свободных гуманитариев» велось по правилам: «не мерзнуть на диссидентских демонстрациях» и «не размахивать лозунгами», «не собираться по конспиративным квартирам», «не печататься «за бугром», если и «хранить у себя самиздат и кое-что из негласно запрещенных изданий», то «не самое криминальное». «Мальчики» выполняли этот нехитрый свод — и «их не брали». Они смогли спокойно получить университетские дипломы, защитить кандидатские диссертации, «вполне безбидные — по международному праву», вступить в тогдашний

Союз писателей, добавлю от себя, поскольку Бежин из скромности об этом стыдливо умалчивает, и обрести ни ш и у (разрядка автора. — Н.К.), а это «едва ли не самое главное условие выживания».

Во-первых, отчего же «едва ли»? Обрести ни ш и у, бытовую в виде кооперативной квартиры или экологическую на определенном трофическом уровне, — как раз главное условие выживания, вот только дух здесь абсолютно ни при чем. К тому же, что, автор — моего возраста, живший рядом тогда и здесь — так простодушен или так глубоко сидел в своих «духовных»

катакомбах, что рассказывает нам, словно студентка-славистка с чужих слов, будто в брежневские времена на диссидентской демонстрации можно было «толпиться и мерзнуть»? Да к назначенному месту загодя собиралось столько топтунов и оперативников, что участникам пройти было нельзя, а уж «размахивать лозунгами» можно было лишь в переносном смысле, развернуть не успевали, как оказывались в «воронке». И все потому, что не было никакой конспирации, как и «конспиративных квартир», о которых Бежин прочел, по-видимому, в книгах о большевистском подполье в исторической библиотеке, ибо многие другие книги там было получить затруднительно, список «негласно запрещенных изданий» (кстати, почему «негласно», закажи по каталогу, получи отказ с пометкой «спехран» — вот тебе и список) был столь широк, что разрешенных было маловато любому «свободному гуманитарии» для полноценного труда, разве что специалисту в области «международного права», ну так они шли, как правило, по особому ведомству. И что означает «не печататься «за бугром»? Это из арсенала тогдашней «ЛГ», представлявшей дело так, будто западные издатели так и шныряют по Москве в поисках кого бы напечатать.

Дальнейшее чтение лишь усиливает чувство неловкости: пребывание в «нише» по Бежину хоть и заставляло «прибегать к двуязычию» — видит Бог, Оруэлл лучше сказал, — а в творческом смысле «закупоривало», но являлось следствием не малодушия и заурядного конформизма, а было своего рода стоицизмом. Под проб-

кой, уверяет автор, шел столь невиданной мощи духовный процесс, что страшно представить — что должно произойти, выпусти этого джина на волю. Но не произошло ничего, «время», как ему и положено, «опеределило самые смелые ожидания», но «гуманитарные мальчики встретили перестройку довольно безучастно». Они «рассчитывали еще лет на двадцать—тридцать, а тут, глядь, все пришло в движение». Что-то настораживает простодушие этого признания, и верно: оказывается, так дело выглядит лишь со стороны, на самом же деле пусть мальчики «за годы застоя не создали ни лосевскую «Диалектику мифа», ни андреевскую «Розу мира», но за муравьиным строительством своей «социальной щели» они незаметно «из гуманитарных мальчиков превратились в свободных гуманитариев» (разрядка Бежина. — Н.К.), хоть вызывает недоумение, отчего нужно восхищаться этим подвигом биологического роста. Оказывается, вот почему: «эта метаморфоза имеет важнейшее значение для будущего нашей культуры». Ни больше и ни меньше.

Понимая, видно, что доказать столь сильное утверждение будет затруднительно, Бежин предлагает начать с Адама — «с вопроса деликатного, интимного, сокровенного», а именно — «с понятия Бога». Дальше и вовсе морок. Оказывается, до «свободных гуманитариев» бежинского призыва в Бога никто толком на Руси не верил, обходясь «синкретической литературной игрой». Автор дает волю инвективам в духе Аввакума против погрязших в комфорте литераторов с высокими гонорарами, гнушающихся идти на исповедь к деревенскому батюшке «с капустой в бороде», тогда как они, «свободные гуманитари», «сумели отбросить свою эстетическую брезгливость», такая толстовская жилка прорезалась — ибо живут в городе, где достаточно православных храмов. После еще целого ряда такого же пошиба пассажей и гуманитарных общих мест следует и угроза — они еще себя покажут, станут основателями некоего «духовного реализма» (дались Бежину эти разрядки), чем «манифест» и заканчивается, хоть под занавес торопливо сказано что-то о «дыхании национальной почвы» и о «веянии отечественной судьбы». Глуховато, чтобы не вляпаться в поле, плотно заминированное газетой «День». Урок же всего этого — на полосу — памфлета в том, что не зря «свободные гуманитари» сидели в подполье в «годы реакции», ибо обретали «тайную внутреннюю свободу», и нынче, чем явить эту свободу миру, они ее сберегают в себе, ибо она нужна, как никогда, для противостояния «грубому дяляческому напору и вялой деловой апатии».

Статья Георгия Гачева под недоуменным заголовком «Русь, куда ж несет тебя?» из «Независимой газеты» посвящена не столько самокопанию, сколько текуще-

му моменту, тем более характерны подчас почти дословные совпадения с бежинским «манифестом». «И что мы так окрысились на советскую жизнь эпохи застоя», — пишет Гачев, ведь в эти годы «истеблишмент обеспечивал корм и порядок — то была целая цивилизация, уникальная и высокого стиля». И про себя самого, сокрушенно: «И что же я, как мальчишка-недоросль... озоровать-то мог, будучи защищен от хаоса широкой спиной отца, хоть и дряхлеющего, но являвшего некий Космос, порядок, строй бытия».

Это уж не ностальгия, а настоящая тоска по тому благословенному времени, пока еще все не «пришло в движение» и «за широкой спиной отца» можно было себя чувствовать совершенно безответственно. Вот как описывают авторы этот образ жизни: «ну, что там появлялись в институте раз в неделю и к концу квартала выдать печатный лист», хоть «ты и стыдишься своих опубликованных работ» (Бежин); «Академия наук не выгоняла, платила ни за что — просто подозревая талант, и не свои ведь денежки, а государственные» (Гачев). А в свободное время «можно предаваться разысканиям в любимой области» (Бежин), можно жить «в мысли и творчестве, в «тайной свободе» (Гачев). Впрочем, последний, в отличие от эгоцентрика Бежина, пытается доказать, что такой порядок вещей вообще хорош для страны. Скажем, колхозник, по Гачеву, тоже жил при «застое» «в довольстве и благодушии некоторого достатка», тоже ни черта не делая «на государство», но художественно обрабатывая свой приусадебный участок.

Впрочем, всю эту пастораль Гачев обосновывает теоретически: мол, таков русский человек и такова Россия. Нынче пытаются ей навязать капитализм и застаивать хоть маленько трудиться, но Русь не надо погонять, у нее свой «русский Космос, особый склад пространства и времени», а у русских «естественно замедленная реактивность психики человека-медведя» — «в силу северного космоса и климата». Как видим, не только на «тайной свободе» сходятся «свободные гуманитарии», Бежин тоже что-то глухо ворковал о «национальной почве». Правда, последний не снизошел до вполне материалистических рассуждений о «темпоритмах психики», но что с Гачева взять, шестидесятник, к деревенскому батюшке на исповедь небось не ездит.

Не пускаясь в дебри психоанализа, из недомолвок и проговорок о «северном космосе» и «вялой апатии» можно заключить, что авторов положительно гнетет какой-то тайный недуг и было бы проще всего сказать, что это — всего лишь симптомы заурядной неврастении. Но что-то ведь их подвигает не тихо поскуливать в своем уголке, но выступать с «манифестами» и «эссеями», отбросив свои более почтенные занятия, на страницах центральных газет. Одной неврастением это

не объяснить, похоже, эти неглупые и по-своему пронизательные люди чувствуют, что не их лишь порядок вещей рушится, но — общеинтеллигентский, общегуманитарный, когда цена за блаженное ничто-неделанье и возможность предаваться «тихим радостям Марии» была, в сущности, смехотворна — неучастие, конформизм и внешняя лояльность. И характерна в этом смысле скептическая и плохо скрываемая неприязнь Бежина к «диссидентам» — в известном смысле именно они раскочерили бывший столь уютный порядок вещей.

По-видимому, об этом интеллигентском авитаминозе и ослабленности души имеет смысл говорить как о явлении не индивидуальном, но социальном. В конечном итоге речь идет о претензии гуманитарной интеллигенции оставаться адептами некоего высшего знания, жрецами духа, хоть никто из них не стремится, конечно, к положению странствующего даоса — «в силу северного космоса и климата», но претендует на гарантированную зарплату и штаны. Конечно же, сегодняшнее положение вещей, когда грубый «рынок» требует предъявить товар сейчас и здесь, а академическая наука, как не окупающая себя, оставлена на крайне скудном пайке, закрываются не отдельные ставки — целые институты, должно казаться наступлением на святыни духа, «деляческим напором», хотя, конечно, наивно думать, что от этого печального поворота истории можно защититься некими манифестами.

Но что-то настораживает в этом в унисон поющую гимне «тайной свободе»; лукавит Бежин, лукавит и милый Гачев, не только в уютной безызыточности бытия и свободном времени для любимых занятий тут дело, не только в конечном итоге в потере академической пайки. Но в том, по-видимому, что нынешнее время требует от них эту взлелеянную во тьме «реакции» свободу духа — предъявить. И мы утыкаемся в роковой вопрос: была ли «тайная свобода», есть ли что предъявлять, не превратятся ли эти золотые россыпи при свете дня в прах и золу?

«Да что мы все о рентабельности!» — восклицает Гачев, вслед за Бежиным возмущаясь рыночным «деляческим напором», «дети не рентабельны, любовь не рентабельна, жизнь вообще не рентабельна». Хлестко, но кабы в этот ряд еще и «тайную свободу». Но нет, не идет в ряд, потому «тайная» — как раз оказывается рентабельной, раз можно просто так под нее получать зарплату, вот явная — эта выгодна далеко не всегда.

Впрочем, гачевские колхозники, коли сажали бы ведро картошки, а осенью собирали бы полведра, тоже перестали жить бы в «довольстве и благодушии», а у Гачева не было бы возможности рассуждать о нерентабельности бытия...

В нынешней жизни «свободные гуманитарии» чувствуют себя неуютно, лишними, отсюда и потребность «манифестов» — в

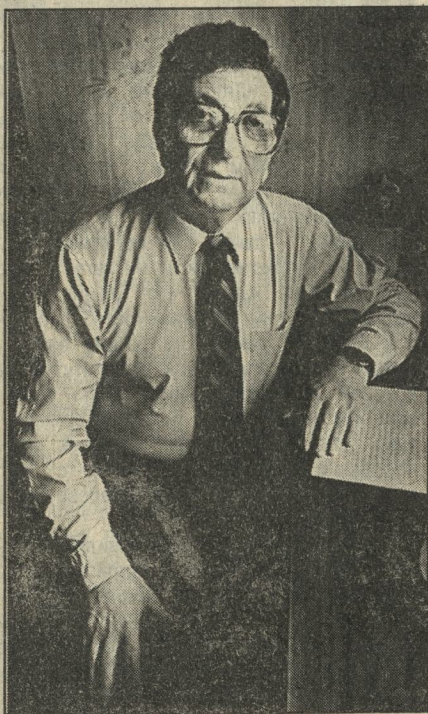
поисках самоидентификации, в бегстве от одиночества. В этом, как это ни прискорбно, они психологически смыкаются с защитниками Музея Ленина, старыми большевиками и многими другими, кричащими, что «демократы» разорили страну.

Вот передо мной недавние «Известия» с исповедью не гуманитарной, но научно-технической дамы, решившей во что бы то ни стало покинуть Россию. Я за свободу перемещения, я бы сам с радостью проводил зиму не в Голицине в соседстве с советскими литераторами, но где-нибудь во Флориде. И важно не само желание этой дамы эмигрировать, но психологические обоснования: «...интеллигенция обманута новой властью... потому что, может быть, никто не возлагал на нее столь прочных и радужных надежд»; «бал правят самые выносливые, не обремененные интеллигентностью»; «я не могу выдержать этой жизни без витаминов». Положим, प्रति-воставление выносливости и интеллигентности — престолярный миф, а «эту жизнь» — да и похуже «этой» — выдерживали без витаминов и Гинзбург, и Мандельштам. Но они, положим, женщины штучные, речь же идет о массовой психологии, и это было к слову. Ключевое определение всей исповеди — разочарование, и странно, что именно о нем избегают впрямую говорить Гачев с Бежиным. «Интеллигенция обманута» — вот ключ к «манифестам» и «эссеям» «свободных гуманистов» и «свободных естественников».

Забавно. Что же «интеллигенцию» так разочаровало? «Деляческий напор», как говорит Бежин, «они успели обзавестись автомобилями, сами себе назначили зарплату», криком кричит «миловидная женщина 51 года», полиглот, «потомок аристократических родов» и будущая эмигрантка, — точно как полоумная старушка на патриотическом митинге. А чего интеллигенция ждала, что Ельцин надеет фату — символ невинности? Что Попов будет в трамвае на работу ездить? Новой власти впору, как проститутке, за которой, не разобравшись, стали ухаживать как за дамой, но потом предъявили-таки свое бесхитрое желание, разочарованно промолвить: и только-то? Нет, тут уж впору власти — разочароваться в интеллигенции.

Говоря всерьез, то, что мы видим сегодня, — есть ренегатство интеллигенции, замешанное на сословных мифах и инфантильном эгоизме. Ведь именно в данный момент «интеллигенция» и должна была бы встать в ряды левой оппозиции, уравновешивая напор правых. А не уступать газете «День» ее подзаголовок. И не перекатывать у «правых» лозунги «голодных очередей». Никому не нужна сегодня гроша медного не стоящая ее «тайная свобода» — явная нужна, деятельная, способная противостоять наступлению всяческой узости, ненавистничеству и торжеству провинциализма.

ПРЕВРАТИТСЯ ЛИ АМЕРИКА В РОССИЮ? ЕСЛИ ОБЕДНЕЕТ...

Александр Янов (США):
Сейчас Россия
ослабла и нуждается в
поддержке со стороны
окружающего мира, а
когда-то она сама
представляла собой
центр силы.

Уже выступавший
в нашем журнале
(№ 17, 1992)
с объяснениями того,
как он не спас
Россию, профессор
политических наук
Нью-Йоркского
университета
Александр Львович Янов
не оставил надежду
разобраться,
почему у него так вышло.
Он обратился
к представителям
оппозиции (как он
ее понимает), чтобы
выяснить принципы
ее политики,
видение перспектив
развития. Янов сам
выбрал и собеседника,
лидера Российского
народного фронта
Валерия
Скурлатова, и темы
для разговора.

Валерий Скурлатов (Россия):
Россию хотят взять
под контроль, чтобы иметь
здесь какие-то свои
позиции, для того, чтобы не
допустить катаклизмов,
которые могут затронуть
интересы окружающих стран.

А.Я.: Цель Запада — стабилизация ситуации в России, а не превращение России в сырьевой придаток и ее дуговая оккупация?

В.С.: Для мира это было бы самым лучшим вариантом.

А.Я.: Значит, вы не согласны с линией, которую проводят газета «День», журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия», что западный мир смотрит на Россию как на источник ресурсов, которые можно присвоить?

В.С.: Это очень примитивная позиция, мы ее не разделяем. Это очевидно, если посмотреть наши публикации, документы Партии возрождения и Российского народного фронта.

А.Я.: Вы не принадлежите к демпатриотам, которые предприняли попытку объединиться на Конгрессе патриотических и гражданских сил? Получается, вы расходитесь с ними по коренному вопросу — вопросу стратегии будущего страны. Ведь они говорят примерно так: мы находимся в состоянии конфронтации с Западом, мы должны обороняться.

В.С.: Мы так не считаем. Находясь в лояльных отношениях и с Российским общенародным союзом (РОС), и с Российским народным собранием (РНС), считаем, что различия ничтожны. Надо смотреть в будущее, надо действительно создать патриотическо-демократическую структуру, блок, который мог бы взять власть. Но для этого недостаточно сил ни у кого отдельно. Размежевания и персональные споры нам кажутся неуместными. Борьба сама рассеет кого вперед, кого в кювет, жизнь сама предложит оптимальную стратегию и тактику.

А.Я.: Значит, вы ожидаете скорого краха существующего режима?

В.С.: Ну, не то чтобы скорого, скажем, через месяц, но так как Ельцин и его команда избрали тупиковый путь, то вряд ли они долго продержатся.

А.Я.: А вы предлагаете какой-то другой путь?

В.С.: Да, у нас другой путь. Путь новых индустриальных стран, путь соседнего Китая, путь, который раньше прошли в Америке.

А.Я.: Но Китай по-прежнему тоталитарное государство. Люди, руководящие Китаем, доказали это танками на площади Тяньаньмэнь.

В.С.: Но мы считаем, что Китай планомерно движется к более открытому существованию.

А.Я.: Да, но так не считает китайское руководство. И потом, ведь может быть вполне свободное рыночное, капиталистическое общество, но тоталитарного политического склада. Как в свое время Германия, Япония. Я не понимаю тогда, как может Китай

служить вам образцом, если вы цените демократию?

В.С.: Мы считаем, что критерием демократии является экономическая свобода. Причем ее опора средний класс — собственника. В наших программах на первом плане собственность. В бедных странах, таких, как новые индустриальные страны, Китай, проходит процесс модернизации.

А.Я.: Но есть разные типы модернизации. Вот в Германии в начале века — это авторитарная модернизация. Допустим, Франция — это демократическая модернизация, Россия или Китай — это уже тоталитарная модернизация.

В.С.: Любая модернизация всегда приводит к возникновению среднего класса, который и является фундаментом и демократии, и прогресса.

А.Я.: Образование среднего класса не есть гарантия от тоталитарного переворота. Поэтому мы и говорим еще о политической модернизации, которая означает, что от слабой, только что рожденной, коррумпированной, инфантильной демократии страна развивается к демократии необратимой.

В.С.: Необратимых демократий не бывает!

А.Я.: Бывает. Вот, например, Америке 225 лет, и она там существует. Франция оказалась в похожем положении, что и послевоенная Германия, а Англия лишилась колоний, обеднела, по существу, но все они выдержали экзамен и доказали необратимость демократии.

В.С.: Тоталитаризм возможен только в бедных странах. В богатых, когда там есть средний класс, благополучный по своей сути, возможна только демократия. Я не игнорирую политическую область, но на первое место ставлю экономическое раскрепощение собственника.

А.Я.: Но это еще не гарантия. Гарантией может стать необратимость такой его свободы, положение, когда авторитарные силы в стране маргинализированы, оттеснены на периферию политической жизни. В Германии сейчас есть фашистское движение, в Америке есть, в Бельгии, да где угодно — это новые правые. Но они не в силах изменить политический курс страны. Следовательно, нужно, конечно, работать на средний класс, нужно отстаивать экономическую свободу, в этом нет сомнений. Однако этого недостаточно.

В.С.: Для нас критерием устойчивости демократии является критическая масса самостоятельных собственников. У нас этого сейчас нет, конечно. Поэтому у нас крайне все неустойчиво.

А.Я.: Но вы же не можете гарантиро-

вать от кризиса любую державу, даже имеющую, используя вашу терминологию, критическую массу самостоятельных собственников? Она может обеднеть и выбрать тоталитаризм. Где в вашей платформе гарантии против этого? Вот Америка и американцы прошли этот кризис и доказали обратное.

В.С.: У меня складывается впечатление, что вы очень возвышаете человека. Вы не учитываете его греховности, силу зла.

А.Я.: Напротив, вся западная политическая система устроена, исходя из греховности человека. Здесь же политическая мысль всегда исходит (почитайте Солженицына) из предположения, что человек сам по себе прекрасен. Портят его социальные условия, политические режимы. Это без упрощения, это серьезно, такова русская традиция: абсолютизация морали. Западная же политическая традиция исходит из предположения, что человек — это зло. Чтобы нейтрализовать это, и была изобретена демократия. С ее помощью вы разделяете власть и получаете институциональное воплощение нейтрализации зла злом.

В.С.: Мы тоже исходим из протестантизма, кальвинизма, так же как и Запад. Вы, однако, очень оптимистично настроены в отношении того, что Америка не сможет когда-нибудь обеднеть. Любое общество может обеднеть. А бедные люди выбирают диктатора. Американцы обеднеют и сделают то же самое, хотя у них 200 лет была демократия.

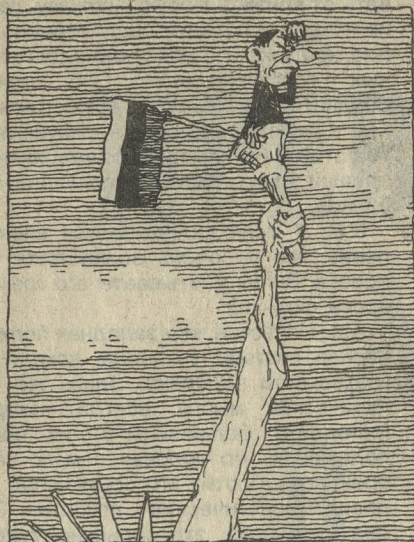
А.Я.: Но, посмотрите, были ведь экзамплены «на необратимость демократических систем»: Великая депрессия для Америки и время после первой мировой войны для Европы. Одни выдержали, а другие нет.

В.С.: Мы Америку очень уважаем и даже берем за образец. Это для нас вдохновляющий оптимистический пример того, как надо действовать нам здесь.

И я приведу пример — Авраам Линкольн. Мы проводим митинги «Собственность каждому россиянину», посвященные 130-летию принятия акта, согласно которому каждый дееспособный американец получил 65 гектаров земли. Это великий образец. В результате удалось выиграть гражданскую войну, сплотить американскую нацию.

Мы тоже за народный капитализм. На деле же строится олигархический. Собственность переходит в руки очень узкого круга лиц. Мы против этого.

А.Я.: Если вы свергнете это правительство и придете к власти, то вы потеряете Запад.

Рисовал А. Заяц

В.С.: Нет, Запад мы не потеряем. Мы, как это было в Америке, наделим каждого дееспособного россиянина исходной стартовой собственностью.

А.Я.: Но, чтобы сделать это, нужна политическая база. Линкольн мог сделать это только потому, что в Америке уже существовала демократия. Это было сделано не в 1796 году, а лишь в середине следующего века. Здесь правительство только 4 месяца у власти, и оно просто не в состоянии сделать того, что в Америке, там ведь прошло 75 лет и три поколения прожили в условиях демократии.

В.С.: Но нынешнее правительство совершает те же ошибки, что и Временное правительство в 1917 году. Одни обещания, не подкрепленные реальным механизмом наделения людей землей, собственностью.

А.Я.: Ну так мешают ваши же союзники. Если бы это можно было пробить через съезд, тогда не было бы разногласий.

Предположим, ушло правительство Гайдара в отставку, президент зовет вас. Что получится? Вы формируете правительство, приходите на съезд, предлагаете программу, а она у вас не только схожая, просто одинаковая с той, которую предлагал Филиппов, — и съезд вас топит, точно так же, как и его. Это тупик.

В.С.: Тупик образовался, когда объявили либерализацию, не проводя приватизацию. Существует разница в том, что предлагает правительство и предлагаем мы. Мы предлагаем в интересах народа, правительство же — в интересах узкой группы.

А.Я.: Это частная-то собственность

— интересы узкой группы? Какая еще может быть сильнее приватизация, чем частная собственность?

Если у вас есть маленькие тактические разногласия по механизмам, зачем уходить в политическую оппозицию? Вы пытались с правительством говорить, пытались садиться с ними за один стол? Соберитесь, утрясите эти мелочи. Откуда у вас уверенность, что тот же Верховный Совет, те же фракции, к которым вы в оппозиции, вам скажут: нет, это нам не подходит? Каким-то образом вы пытались эти разногласия разрешить без свержения демократии?

В.С.: Нет, демократию свергать никто не собирается. Большинство на съезде стоит на позициях политической демократии.

А.Я.: Но съезд ведь сопротивляется главному в вашей программе!

В.С.: Съезд сопротивляется курсу на олигархический капитализм. А Ельцин — его сторонник. Я Ельцина низко ставлю и считаю, что он и Горбачев будут самыми презренными государственными деятелями в истории России.

А.Я.: Каким образом вы теперь из оппозиции хотите превратиться во власть? Каким образом вы покажете народу, что именно ваша программа способна вывести страну из кризиса? Как вы намерены это сделать, ведь выборы будут только в 1995 году?

В.С.: Я просто знаю расстановку сил в Верховном Совете и на съезде. Ядро в Верховном Совете и определяет поведение других депутатов. Я общаюсь со многими парламентариями и вижу, как складывается парламентское большинство, которое может принять нашу программу наделения людей собственностью.

А.Я.: Хорошо, это первый шаг. Создается большинство. Дальше.

В.С.: А затем необходимо заставить правительство путем всеобщей забастовки все-таки наделить людей собственностью.

А.Я.: То есть вы хотите «передемократить» демократов?

В.С.: Они не демократы — они хотят наделить собственностью лишь небольшую часть людей. Демократы — это мы. Мы всех наделим собственностью.

А.Я.: Ну это же несерьезно. Я прошу вас нарисовать схему того, как вы придете к власти, как из оппозиции вы превратитесь во власть? Понятно, вот вы образовали большинство. Но ведь право формировать правительство принадлежит президенту.

В.С.: Но верховные полномочия принадлежат народу. Если он выйдет на улицы...

А.Я.: А если нет? Я разговаривал с Ричардом Косолаповым и задавал

ему такой же вопрос. Там тоже: «они поднимутся... народ выйдет... создать Советы народных депутатов...». Так чем вы отличаетесь от большевиков? Большевики хотя бы опирались на существующие Советы, а вы сидите и мечтаете. А если Советы не создадутся, что вы тогда будете делать?

В.С.: Но создались же стачкомы.

А.Я.: Создались. Но не вами, и они же с вами не сотрудничают. Может, только некоторые. Вы говорите о всеобщей политической забастовке. Медики, например, бастуют, требуют увеличения зарплаты, учителя бастуют, требуют того же — это обыкновенные экономические требования в условиях демократического режима. Вот этот шаг: от требований «прибавьте нам зарплату» к «сбросьте президента Ельцина» — как вы его сделаете?..

Так до конца разговора Янов и не узнал от Скурлатова, что же тот будет делать, чтобы прийти к власти, и как добьется того, чтобы его программа была понята и принята народом.

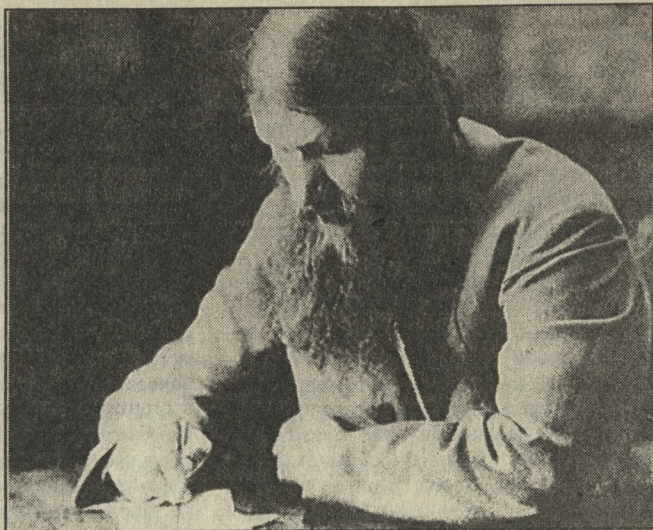
Справка. Валерий Скурлатов — известная фигура в российском общественном движении. Был инициатором создания Российского народного фронта (в 1988 г.). В августе 1990 года получает распространение написанная В.Скурлатовым от имени Российского демократического форума (РДФ) «Программа действий—90», которая содержит призывы к насильственному захвату земли. Программа была использована как средство дискредитации демократического движения. После скандала вокруг «Программы действий» Российский демократический форум распался, а РДФ Скурлатова резко поворачивает в сторону лояльности правительству, участвует в антиельцинской и прогорбачевской кампании.

В середине марта 1991 г. РДФ Скурлатова выходит из Центристского блока партий и выступает с заявлениями, равно осуждающими и Ельцина, и Горбачева.

По оценкам агентства «Постфактум» (на конец 1991 г.), численность Российского народного фронта в Москве — не более 40 человек, еще 20—30 — в Новосибирске и некоторых других городах.

Беседу записал Александр КАСАТОВ

*...Мне отец сказывал
когда-то: кажна жизнь,
кабы ее изо дня в день
собрать да умеючи
рассказать, то лучше
книги не надо.
Ну а ежели мне свою
жизню, всю свою
дорогу — от волостной
избы, где розгою
драли, до царских
хором, где мужику руки
царевны целуют,
то была бы еще книга
многим, как Евангелие
или житие, ежели и
не святого, то много
в своей жизни
осенившего...*

ЭТО Я ГОВОРЮ — ГРИГОРИЙ!..

Впервые звон за сколько времени мы пьем свое праздничное шампанское, не выслушав перед тем поздравительную речь главы государства.

Почин альтернативной речи родился в волшебную новогоднюю ночь. Речь зачитал, стараясь поменьше хохмить, вполне осознавая свою историческую миссию, писатель разговорного жанра.

Выглядел он довольно солидно, а все же устроителям ночного телешоу чего-то в его поздравлении не хватало. Кажется, истины. Твердого знания о ней.

И тогда — через паузу с песнями, плясками и серпантинном — выпущен был на экран мрачный брюнет с демоническим взором, в бороде и в чем-то вроде поддевки (или это была не поддевка, а гимнастерка?), восполнивший досадное упущение задорного юмориста. А именно: брюнет сообщил нам, исходя из расположения звезд и пророчеств Нострадамуса, что, вообще-то говоря, поздравлять нас не с чем. Потому как, уж извиняйте, подавляющего большинства из нас к следующему новгоду в живых не останется. Кто с голоду вымрет, кто — с холоду, кто падет жертвой стихийной катаклизмы... а кто — и сам, с перепугу, стало быть.

Колдуны и кликуши сами по себе не страшны. Страшно — когда они, допустим, в парламенте заседают. Или — при стечении прессы и демократической общественности возводят в ранг великого мага самого господина Президента.

Воистину — в смутное время живем. А смута на Руси всегда сопровождалась бесовским шабашем и расцве-

том всевозможной хлыстовщины — всякий раз в новомодном обличье...

Совсем не случайно главная беспартийная газета «Правда» радуется своего друга-читателя, включившего в «десятку года» Алксниса с Горячевой, Невзорова с Ниной Андреевой и Бабурина с Жириновским, регулярными прогнозами на беспросветное будущее нанятого на деньги КПСС чернородого персонажа новогодней телепрограммы, разительно похожего на незабвенного Григория Ефимовича Распутина.

Крайности — они, ей-богу, всегда смыкаются!

Помните анекдот? Приезжает Распутин в Калугу, приходит к Циолковскому. Тот сидит у себя в сарайчике, питается хлебом и капустой с водой, потихоньку строит макет космической ракеты. Обернулся к гостю, окруженному благоухающими фрейлинами, и спрашивает лукаво: «Нормально, Григорий?» — и, потрясенный увиденным, важный гость шепчет сквозь слезы: «Отлично, Константин!»

Вот почему мы сегодня печатаем монолог «старца» — конокрада Григория Ефимовича, записанный под диктовку одною из его дочек и хранящийся ныне в Центральном архиве Октябрьской революции (фонд Вырубовой).

Слушая распутиных, постарайтесь не забывать о Циолковском...

Михаил ПОЗДНЯЕВ,
обозреватель «Столицы»

В книге чудес мы видим, что Милость Божия всегда была явлена только после тяжелых испытаний. Так будет и с нами. И не настал еще час чуда. Но уже близок он, ибо испытание, ниспосланное нам, велико!

Страна наша богатая, край сытый — ешь, пей, наслаждайся! И так жил русский народ. И, ох, как жил! Русский боярин, генерал, богатеи, купцы в скверности большой пребывают. Теснят бедноту, последнюю рубашку с нищего дерут, лжой его обирают. Бедняков друг на дружку натравливают. Тако беззаконие творят. И вот дела их. Перепортив дома чистых отроковиц, опоганив чужих жен, что эти охальники делают? Они уезжают в чужие земли к иноверцам. Там наворованную казну вытряхивают и в пьянстве озорном свое отечество предают. Вот что делают князья и вельможи наши. И купцы бахвальники и генералы спесивые. А священнослужители? Они останавливали ли их, забывших честь и Бога? Они, не убоившись сильных и могучих, говорили ли им: куда идете, безумцы? Зачем тешите дьявола, уготовляя себе ад кромешный? За что обижаете младшую братию — народ, который на вас, окаянных, денно и ночью работает? Пошто творите беззаконие сие? Нет, они молчали. Нет, они жадно выманивали у них подачки, жирели от кусков со стола злодеев! Отрацивали себе животы семипудовые. Говорили богатыям: грешите, сквернословьте, обирайте. Только не забывайте нас, и мы у Бога вымолим вам прощенье. Жертвуйте на церковь, и простится вам...

Страна наша богатая, край наш сытый. Может, всех краев сытее. Есть у нас поля хлебные, реки рыбные, леса, полные пушиной, всякой зверью и дичью. В горах наших камней самоцветных большое множество. Может, боле, чем в других странах, вкупе взятых.

А что с того? Кто хуже нашего мужика живет? И сам голодный и скотина.

И что же вышло? Возненавидел народ начальство. Нет у него веры и в священство. Пока молчит эта ненависть — бороться с ней можно. А как заговорит она — горе великое будет! О, если заговорит злора народная — будет сотрясение страшное, камни запрыгают.

А долго ли еще наш народ свою ненависть в душе таить будет? Долго ли еще молчать будет? Ох, боюсь, но думаю — недолго. Потому, что он с голоду свирепеет, как волк.

...Говорю Вам — земля Русская в большом шатании! Как буря рвет листья, ломает ветви, дубы, рвет корни... и тут сломает, вырвет столетнего богатыря с корнями, вырвет, изломает...

Буря все может!

Сие понимать надо!

И надо быть мудрому рулевому, чтобы ладью к берегу вывести. Чтобы не швырнуло ее на дно морское. А где он, мудрый рулевой? Где?

...Мама — это ярый воск. Свеча перед лицом всего мира. Она — святая. Ибо только святые могут вынести такую муку, как она несет. Несет она муку великую, потому что глаз ее видит далее, чем разум понимает. Никакой в ней фальши, никакой лжи, никакого обмана. Гордость — большая. Такая гордая, такая могучая. Ежели в кого поверит, то уж навсегда.

Отойдет от нее человек, а она все свое твердит: коли я в него верила — человек стоящий. Вот. Такая она, особенная. Одну только такую и видел в своей жизни. Многие понятия о ней не имеют. Думают либо сумасшедшая, либо двусмыслие в ней какое. А в ней особенная душа. Нет, в ее святой гордости, никуда, кроме мучительства, пути нет.

Папа... что ж. В нем ни страшного, ни злого, ни доброты, ни ума — всего понемногу. Сними с него корону, пусти в кучу — в десятке не отличишь. Ни худости, ни добротности — всего в меру.

А мера куцая, для царя маловата. Он от нее царской гордости набирает, а толку мало. Не по сеньке шапка...

...Гляжу на небо — вижу облака, слышу ветр, боюсь бури. Боюсь, что она разбухнет рано, чем мы готовы будем.

Вот и говорю: кто о народе заботу возьмет, тот и будет хозяин. Государственная Дума — вроде брехливой бабы, языком треплет, я, мол, от народа присланная, через меня весь народ говорит...

В Думе кто орудует? Помещик, генерал пыжистый, жиды-христородавцы. Неужто им наше русское житье интересно? Сколько лет эта Дума нам головы морочит, а что она хорошего для народа удумала, кому от нее улучшение вышло? Да — никому. Соберутся да грызутся. Да все еще величаются: я-де за народ стою, я ему лучшую жизнь пробиваю. А сам так и стреляет, где бы ему лишний кусок оттяпать, от сытого житья отчего же не повилить хвостом, не поговорить, не погорячиться. Оно даже для приятства идет, в теплоте погреться.

Ты знай языком поколачивай, а тебе все поют: ах, какой он умник, да разумник, какой народу защитник. И Дума эта, балалайка ломаная, все дрынкает, да дрынкает.

От нее себе спасения народ не чает. Отколь ему помощь придет? Только тот, кто ему слово человеческое скажет, кто на себя о нем заботу возьмет, тот ему хозяином будет. Тот хозяином будет. Только тот хозяином будет!

Слово это простое, но верное, верное слово! Сие понимать надо! Говорю вам, кто о народе слово возьмет, тот хозяи-

ном будет! А нынче, когда все зашевелилось, многие к народу полезли: хороший, мол, пригожий мужичок. Я люблю тебя, и я, и я! Так и трещат! И тут-то самое страшное. Хозяев много появилось.

А кто покормит, тот хозяином будет. Сие понимать надо. Аминь. Крест и подпись!

...Думу — трепатню — убрать.

Помеха от нее большая. Тут наврет, там переверет, смотришь, всех перепутала, перессорила. Это работе мешает. Убрать ее. Рот мочалкой заткнуть!

Бунтарь — он чего хочет? Хлеба дай! Как дать? Да очень просто! Главное — надо манифест выпустить, что, мол, народу всякая льгота выйдет. А пока ждать народу тяжеленько приходится, то сразу чем ни есть пожаловать надо. Если средств мало, то от офицерства малость скостить надо, а солдату дать. Русский народ — он душевный, он хорошему слову верит. И если бунтарь не пойдет на приманку, его сам народ выдаст с головой. А там уж царская воля — казнить или миловать.

И еще вот что помнить надо. Что Государственная Дума, она хоть и потаскуха бранливая, тем страшна, она к тому перекинется, кто почнет верх брать. Поэтому ее в первую очередь унять надо! Она сама бунтарить не умеет, а к бунтарям перейдет. От нее большой вред выйти может. Крест.

Порох в чьих руках? Кто им распоряжается? Не тот, кто гаркнет «пали», а тот, кто палит! Да, да, тот, кто палит. Счастье еще, что он не знает, что в нем сила, что он хозяин пороку. А что как узнает?

Не хватит воды ни в морях, ни в океанах огонь тот потушить, страшный огонь, великий огонь! У голодного и обиженного глаза лучше видят, ум острее, скоро поймут.

А когда поймут — будет нам горе великое. Говорю — будет горе великое. Это я говорю — Григорий, и Григорий говорит, если Господу Богу будет угодно голову снять, чтобы двери в рай открыть всему народу, — то да будет воля твоя. Два креста.

...Но раньше, чем уйти из жизни, пройду по земле грозою, чтобы очистить пути и убрать мусор с дороги и смыть кровь. Много грехов творят люди, потонули в грехе. Должно случиться чудо великое, пойдут жертвы очистительные. Будут потрясения великие. И дети малые узнают, в чем сила народа, в чем его правда. Сие да будет! Аминь. Крест.

Сии записи, пока я живой, ни один живой человек не увидит. Убить меня не можно. Убьют Григория, похоронят Григория. А может, и не похоронят. В воде утопят, в огне согнут, а я жив буду. 20.09.16 г.

Публикация кандидата исторических наук
М.Т.ЛИХАЧЕВА

АМЕРИКАНЕЦ ИЗ ГУЛАГА:

ЗДЕСЬ ТОЛЬКО ПИНКИ И ПОБОИ!

Торопливые, нервные строки, мелкие, цепляющиеся друг за друга буквы. Много неразборчивых, не поддающихся прочтению мест, таких же неясных, как судьба самого Домеско. Это письмо было отправлено в Америку 4 июля 1949 года, в День независимости США. Дошло до адресата совсем недавно. А в Москву его привезла Сьюзен Элен Мисинаи — странная женщина, посвятившая жизнь поиску пропавших людей.

— В детстве, — рассказывает Сьюзен, — я видела, как солдаты возвращаются с войны. Позже пришла мысль: ведь не всем удалось вернуться домой, и не только тем, кто погиб на полях сражений. Многие пропавшие без вести или причисленные к мертвым, быть может, по сей день скитаются по лагерям и мечтают о доме, где их уже отчаялись ждать.

В свое время Сьюзен защитила диссертацию по истории религий разных народов, и эта диссертация была признана одной из лучших в США. Перед ней открывались блестящие перспективы. Но эмоциональная память, мысль о не вернувшихся домой солдатах не давала Сьюзен покоя.

— Все религии мира учат тому, что человек должен быть свободен. И, глубоко изучая эти религии, я поняла, что мое высшее предназначение — вернуть эту свободу как можно большему числу людей, а в их семьи внести мир и успокоение.

Свою поисковую деятельность Сьюзен начала в качестве директора программы комитета Валленберга от Соединенных Штатов. Она занималась этим три года. Накопила большое количество уникальных данных и, конечно же, огромный опыт.

— Американские семьи давно ищут своих пропавших родственников, — говорит Сьюзен. — Занимались этим и профессиональные журналисты, и бывшие работники спецслужб. Они публиковали объявления в газетах, обещали вознаграждение за любую информацию, но вся эта деятельность была довольно хаотичной.

В конце концов семьи, потерявшие своих близких, решают объединиться в «Национальный союз семей за возвращение американских военнопленных».

— В феврале прошлого года, — говорит Сьюзен, — этот союз, видимо, учитывая мой опыт работы с делом Валленберга, обращается ко мне за помощью. Примерно в то же время в США приезжает из России

«Боже мой! Что только не пережил я за эти два года! Голод! Черный хлеб, мерзлая картошка, суп из гнилой рыбы — вот и все, из чего состояло мое меню. Клопы, тараканы, грязь. Бесконечные пинки и побои...» Эти строки из письма Майкла Домеско — американского гражданина и узника советского ГУЛАГа.

Михаил Казачков — сам бывший узник ГУЛАГа, политзаключенный, просидевший в тюрьмах и лагерях 15 лет. Естественно, за эти годы у него тоже накопился свой печальный опыт. Вот из этих трех «компонентов» — союза семей, Казачкова и меня — и родился проект «АРК», занимающийся поисками американцев в ГУЛАГе. Существует и финансируется он в рамках «Русский благотворительный фонд», президентом которого является Марк Оппенгеймер.

— Основная стратегия, основной метод работы проекта «АРК», — говорит Сьюзен, — общение между людьми. Мы ищем живых свидетелей встреч с американцами, которые могли бы назвать имена, места, даты. Когда набирается достаточно данных и мы стопроцентно уверены в их достоверности, мы выходим на официальный уровень — предоставляем эти данные и российской и американской сторонам. Нас беспокоит высокое качество информации, а не ажиотаж вокруг дел, которые недостаточно хорошо исследованы. Мы работаем с конгрессменами, сенаторами — теми, кто обязан защищать интересы нашего общества. Кстати, Росс Перро, один из претендентов в кандидаты в проходящей сейчас предвыборной президентской кампании, очень помог нам.

Сьюзен привезла с собой альбом, с виду похожий на обычный, семейный. В нем фотографии людей, когда-то бывших молодыми, красивыми, веселыми. Такими они попали в советские лагеря. Это случилось давно. Сразу после второй мировой войны. Потом были Корея, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, были похищенные в Берлине и Вене, были летчики, сбитые над нашим воздушным пространством. Советская сторона никогда не признавала, что со времен второй мировой в ее лагерях со-

держались американцы, да и те официально считались репатрированными. Но время шло, и люди, сидевшие в лагерях, старели. И искать теперь надо не тех молодых, красивых, веселых (если они еще живы), а сильно постаревших, измученных лагерями. И в том же альбоме есть фотографии-фантомы, составленные компьютером фотороботы пожилых людей, жизнь которых прошла вдали от разыскивающих их семей.

— Когда в августе прошлого года в бывшем СССР произошел путч, мы, члены «АРКа», там, в Америке, внимательнейшим образом следили за событиями. Мы понимали, что они непосредственно отражаются на нашей работе, — рассказывает Сьюзен. — В самый момент путча мы составляли документы по проекту «АРК» и в зависимости от развития событий вносили изменения в эти документы. После провала путча мы поняли, что наступил момент, когда наконец можно что-то сделать, достичь конкретных результатов. Если бы нам удалось найти, полностью проследить судьбу хотя бы одного американского узника ГУЛАГа и, если он жив, вернуть его в семью! Тогда взаимное доверие между нашими странами укрепилось бы на целое столетие вперед!

«Дорогая мама! Ты должна быть счастлива, что находишься по ту сторону океана... Как бы я хотел быть с вами и воздать должное своей родине за ее нежное сердце и материнскую заботу... Если вы ничего больше обо мне не услышите — это не моя вина...» — так писал 43 года назад Майкл Домеско — американский гражданин, заключенный советского ГУЛАГа. Вину тех, кто так и не позволил Майклу попасть «по ту сторону океана», искупают сейчас по обе его стороны участники проекта «АРК». И если кто-нибудь из прочитавших этот материал хоть что-нибудь знает, слышал, помнит об американских узниках ГУЛАГа, может помочь в их розыске, звоните по телефону 470-36-20 Борису Николаевичу Южину — российскому представителю проекта, активному участнику поиска, человеку, любезно познакомившему нас со Сьюзен Элен Мисинаи.

К.СЕГУРА

АМЕРИКА НА БОЛОТЕ. НО КАК СТОИТ!

Уголок «одноэтажной Америки» растет на глазах в центре Москвы. О строительстве жилого комплекса «Сетунь» рассказывает президент совместного советско-американского предприятия «Перестройка» Андрей СТРОЕВ:

— До сих пор в Москве не существовало даже прообраза подобных домов. Это типично американская планировка квартир, и застройка микрорайона тоже идет по американским стандартам. Объект «Сетунь» — это 25 тысяч квадратных метров жилья высшего качества, с полной внутренней отделкой и импортным оборудованием.

— Кто финансирует «стройку века»?

— Весь проект оплачивают американские партнеры СП «Перестройка». Большую часть, 80 процентов, стройматериалов мы ввозим из США, что, разумеется, очень дорого. Весь комплекс обойдется в 36 миллионов долларов.

— А на сколько миллионов прибыли вы рассчитываете?

— Расчеты весьма оптимистичны: в течение первых нескольких лет эксплуатации домов планируется погасить кредит, взятый под строительство. В ближайшие же 25 лет этот проект даст российской стороне в виде налогов и распределения прибыли (ее на нашу долю приходится 46 процентов) около 200 миллионов долларов. Причем московские власти не тратят на наш объект ни копейки, весь их «вклад» — разрешение построить комплекс на территории города.

— Чтобы подготовить стройплощадку в центре столицы, вам пришлось что-то снести и кого-то выселить?

— Отнюдь. Там была свалка. Совершенно не освоенная зона. Склад каких-то железок, тысячи тонн всякой дряни. Плюс — болото. Поэтому мы вложили огромные средства в инженерные работы: в коммуникации, дороги. Даже легкие трехэтажные коттеджи мы ставим на сваях.

— Когда же эта микро-Америка на болоте будет достроена?

— Начали мы в январе, к осени думаем закончить.

— У вас даже скорости несуетские...

— Наш офис, где мы с вами сейчас находимся, построен за год, практически с нуля: снесли развалюхи, вырыли котлован, сделали подземный гараж на 45 машин, сверху возвели здание в восемь тысяч квадратных метров — в старинном русском стиле, но с импортным современным оборудованием.

— А что будет внутри домов на реке Сетунь?

— В коттедже четыре квартиры. Из гаража с автоматическими воротами, не выходя на улицу, можно подняться на первый этаж, пройти на кухню второго, а затем отдохнуть в спальнях третьего. Есть там еще американский холодильник, посудомоечная машина, утилизатор пищевых отходов в раковине, ванные с устройствами подводного массажа, стиральная машина и машина для сушки белья.

— Сколько же стоит жизнь в таком замке? И кто сможет себе это позволить?

— Цена квартиры — от 1,2 до 1,5 миллиона долларов. Или — соответствующая курсу сумма в рублях. Интерес пока, в основном, проявляют иносфирмы. Причем покупать дома они будут не для рядовых сотрудников, а для высокооплачиваемых специалистов. У нас уже подписано 35 процентов арендного договора.

— Вы всегда будете строить исключительные по качеству и по цене квартиры или в планах СП что-нибудь более доступное для москвичей?

— Мы не хотим строить плохое жилье, как это у нас в стране принято. Сейчас мы ввозим из США готовые модули домов. Следующий объект, надеюсь, уже будем на 60 процентов делать своими силами.

— Не проще ли вкладывать средства в производство стройматериалов здесь?

— До тех пор пока у нас не научатся производить качественные ковровые изделия, двери, окна, мебель, сантехнику, нам придется импортировать все это из Штатов. В дальнейшем совместно с американскими партнерами мы хотим организовать в России всю технологическую цепочку выпуска домов-модулей. Это дело полутора-двух лет. Быть может, к тому времени российская экономика начнет выравниваться.

Аэлита ЕФИМОВА

ХРОНИКА

По данным Министерства труда России, к осени потеряет работу миллион человек. К концу года эта цифра достигнет четырех миллионов.

Проблему безработицы может решить продажа российской рабочей силы за рубеж. При Министерстве труда создано Управление по делам трудящихся эмигрантов, которое разработает правовую базу торговли «живым товаром». Из-за отсутствия этой базы сегодня процветает так называемая «нелегальная эмиграция», когда сомнительные посредники «продают» наших людей за бесценок. Отныне экспортом русского народа по поручению правительства будут заниматься специальные посреднические организации. Для этого они должны пройти тест на благонадежность, получить лицензию в Министерстве труда, организовать языковые курсы, центр профессиональной переподготовки и даже курсы психологической адаптации.

Каждый четвертый из армии потенциальных российских «трудомигрантов» хочет работать в США, столько же — в Западной Европе, каждый пятый мечтает об Австралии. Правительство уже подписало соглашение о поставке рабочей силы в Германию, ведутся переговоры со странами Персидского залива, Китаем и Вьетнамом. Америка и Европа ждут от России неквалифицированных рабочих. Зато инженерами и специалистами высокого класса интересуются государства Персидского залива, а также Латинская Америка.

ОБЫКНОВЕННЫЙ БАРДАК...

На днях в мои руки попали любопытные бумаги — пока еще проект президентского Указа «Об отраслях, в которых государством могут быть установлены запреты или ограничения иностранных инвестиций на территории Российской Федерации». И приложен перечень этих 18 отраслей. От производства «продукции прямого военного назначения» до «промышленного морского рыболовства» и «средств массовой информации». Что же получается — умоляем бизнесменов-иностранцев вкладывать в нашу экономику их валюту и тут же запрещаем инвестировать.

Владимир Варов, член Верховного Совета и председатель подкомитета Комитета по законодательству полагает, что это либо элементарное недомыслие, либо стремление похоронить реформу.

— Я еще мог бы понять, и то с большой натяжкой, когда хотят ограничить или запретить инвестиции в сугубо военные отрасли. Но запретить инвестиции в «пользование землей, ее недрами и другими природными ресурсами» — то есть во все, что есть на нашей земле, в воздухе, в море?! Или: «операции с недвижимостью». Они, видимо, подразумевают инвестиции в жилье и прочее?.. Мы что, во всех этих отраслях настолько «вперед планеты всей», что готовы запретить иностранцам помогать в техническом развитии? Надо не запрещать иноинвестиции, а «встать на уши», чтобы заманить их финансы к нам. А иначе — конец реформе.

— Да ничего страшного в документе нет, — успокоил меня главный разра-

ботчик «бумаги» Леонид Григорьев, председатель Комитета по иностранным инвестициям при Министерстве финансов России. — Во-первых, это рабочая, сугубо предварительная бумага... В ней нет ничего нового, чего бы не было в наших сегодняшних законах. Указ, по идее, должен просто оформить то, что у нас имеется. И готовился он для утилитарной цели — к переговорам с Западом. Чтоб они шли на контакты с нами с открытыми глазами.

— Но, открыв глаза и увидев все эти запреты, не отвернутся?

— Не думаю. У них самих полно таких же запретов. У американцев, скажем, тоже есть длинный список того, что запрещено для иностранного инвестирования. И в других странах еще длиннее...

— Разве наше экономическое положение сравнимо? И если они могут обойтись без инвестирования, то мы — никак. Зачем же запрещать Западу вкладывать деньги практически во все?

— Это запреты не наши, не комитетские. Таков Закон, принятый съездом народных депутатов. Мы же не можем отменить его? А в остальных отраслях ограничения незначительные. Например, мы пишем «авиация», но запрещены-то иностранные инвестиции не во всю эту отрасль, а только в одно: пилотами самолетов не могут быть иностранные граждане. Вот и все. Разве это такой уж глобальный запрет? Оказалось, что в Законе нет запрета на инвестиции и в военные отрасли.

— Но в вашей «бумаге» эта строчка как раз присутствует.

— Уже нет! Я вычеркнул ее, когда прочитал Закон. Я ж и говорю: документ рабочий, предварительный. И это просто бардак, что он стал известен раньше времени!..

Григорий КРОШИН

ЦИТАТА

СЛУЧКО, Москва

Каждый вечер я наблюдаю, как у нас во дворе гуляют хозяева с собаками, а каждая собака размером с хозяина или больше. Видимо, для них и мясо, и продукты находятся. Сколько же съедает в день такое животное! Я спрашивал у хозяев, а они мне отвечают, что их Витольд ест только кости. А простому человеку и кости пригодятся — супчик сварить!

Я понимаю, что собака нужна. Нужна в сельской местности. Нужна в небольших городках для охраны жилища. Нужна для пограничников, милиционеров. А зачем держат собак горожане? От уметвенной ограниченности и пресыщенности жизнью. Я считаю, что городской житель имеет право держать собаку, только если сам даст обязательство стать вегетарианцем и вступить в соответствующее общество с предостережением оттуда справки. Тогда все будет по справедливости, а мяса станет гораздо больше.

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

БЕЙРА — НЕ МОСКВА. ПОРЯДКА БОЛЬШЕ

Муниципалитет города Бейры — второго по величине в Мозамбике — решил покончить с уличной лоточной торговлей в деловых кварталах города. Как и московская власть, он руководствовался соображениями санитарии и эстетики центра города. Дальше сходство между Бейрой и Москвой заканчивается.

Усиленные наряды московской милиции так и не смогли справиться с поставленной задачей. А вот мозамбикская полиция выполнила ее успешно. Возможно, потому, что нарушителей ждет суровая кара — немедленная конфискация товара. Соблюдена и социальная справедливость — отобранный у торговцев товар направляется в дома сирот и инвалидов.

АНГЛИЙСКИЕ ТЮРЬМЫ — В ЧАСТНЫЕ РУКИ

Британское правительство продолжает программу денационализации и приватизации госимущества, начатую еще Маргарет Тэтчер. Очередным шагом Уайтхолла стало решение о передаче тюрем в руки частных компаний. Несколько компаний уже получили в пользование эти учреждения, и, судя по результатам эксперимента, владение тюрьмами — занятие вполне прибыльное.

Избавиться от собственности мечтает и министерство обороны Великобритании. На днях руководство Министерства заявило: в будущем году частным компаниям будет передано административное управление, которое занимается программой создания ядерного оружия.

КАК ГАЗЕТА ЗАЩИТИЛА ЧИТАТЕЛЕЙ

Интерес читателей к газетно-журнальной продукции в последнее время значительно упал, и многие издания озабочены своим финансовым положением. Выходят из него кто как может — одни с помощью правительственных дотаций, другие — самостоятельно. Оригинальный способ изобрела ростовская молодежка «Наше время». Она стала распространять среди своих подписчиков и читателей специальные купоны, дающие право на покупку газового баллончика или пистолета.

Купон-заявка стоит 26 рублей. Эти деньги пойдут на организацию акционерного общества, которое и займется приобретением газового оружия.

АНТИСОВЕТСКОЕ ШАМПАНСКОЕ И БЕСТАРНЫЙ КОНЬЯК

Самые разные проблемы испытывают заводы по производству алкогольных напитков в странах СНГ. Несмотря на явно неудовлетворенный спрос, случаи остановки производства продолжатся.

На днях фактически остановился Ереванский коньячный завод. Как выяснилось — коньяка много, а вот бутылок для розлива нет. Был предложен простой выход из положения — организовать продажу коньяка из цистерн, как пиво.

А Украина продолжает борьбу за освобождение от идеологического наследия СССР. Выпускавшееся в Крыму «Советское шампанское» ныне продается с этикеткой «Шампанское Украинское».

Однажды ко мне подошел демократ N (почему — N, читатель поймет позже) и предложил завести в «Столице» рубрику «Шаги-антиреформы». В качестве первой темы он предложил описать свои впечатления от посещения налоговой инспекции. Сам N печатал демократический листок и, как и все истинные демократы, был лично бесстрашен. На страницах своей газеты он критиковал правительство, раскрывал тайны КГБ. Однако, когда мы встретились через месяц и я поинтересовался, как поживает обещанная статья, N вдруг ответил, что писать ее пока не будет, потому что... у его газеты возникли трудности с квартальным отчетом налоговой инспекции... Так что же это за служба такая? Может, мы проглядели какого-то монстра? Ниже мы публикуем эмоциональные заметки экономиста — профессионального бухгалтера. Настоящая фамилия автора, как в последнее время водится, известна только редакции.

Сергей МИТРОФАНОВ

Существует только одна гигантская машина, управляемая пигмеями, и это бюрократия.

Оноре де Бальзак

Упоминание налоговой службы у представителей бизнеса, как правило, вызывает бурную реакцию. Однообразие претензий независимо от места регистрации предприятия, рода деятельности и его оборота позволяет составить некое общее представление о взаимоотношениях налоговых служб и предпринимателей и само по себе достойно анализа, поскольку налог — это универсальный способ ведения диалога между демократическим государством и гражданским обществом. Нормальное взаимодействие государственных структур и налогоплательщиков обеспечивает успех экономической реформы. Ненормальное — структурный перекос экономики и множество других (запланированных?) неприятностей.

Нет нужды доказывать, что цивилизованное рыночное общество и его политическая и культурная надстрой-

НАЛОГ И ВЛАСТЬ

Почему не получается диалога между предпринимателем и государством?

ки впрямую зависят от интегрированности среднего бизнеса и наличия достаточно консервативного среднего класса. Убери эти последние две составляющие, и мы прямехонько двинемся в «латиноамериканский вариант» с мафией, коррупцией и в конце концов — фашизмом. «Государственные люди» как будто всего этого не понимают. Искусственно создана ситуация, когда еще слабые материально и профессионально предприятия малого бизнеса, в условиях постоянно меняющегося законодательства, физически не в состоянии переваривать информационный поток подзаконных актов и инструкций. Чиновничество вновь обрело кувалду, с помощью которой, во-первых, «самоидентифицировало» себя как особый класс, а во-вторых, заглушило комплекс неполноценности, порожденный левым революционным натиском на административно-командную систему. Не случайно одним из первых указов, подписанных в августе 1991 г., Ельцин фактически переподчинил налоговые службы Москвы московскому правительству, активно участвующему в формировании бизнес-структур. Этим указом из

собственно нейтральных налоговых служб они превратились в одну из опор «номенклатурной приватизации».

Защиты от налоговых служб практически нет, не предусмотрено. Аудиторские фирмы, предлагающие свои услуги за немалые деньги, не несут ответственность за некачественную информацию, и ссылка на их консультацию не является для ревизора авторитетной. Сами же налоговые инспекторы либо ссылаются на отсутствие указаний сверху, либо укрываются за табличкой «Консультаций не даем». Да и почему они должны их давать? Ведь зарплату инспектор получает у государства, а вот дополнительные заработки согласно указу президента № 340 от 31 декабря 1991 г. формируются из взысканных штрафов. Кроме того, налоговые инспекторы вполне легально получили возможность иметь и хорошие приработки. Красноречива реклама, помещенная в «Финансовой газете» (№ 3): всего-навсего за 3970 руб. (куда входит стоимость нормативных материалов и питание) вам предлагают принять участие в семинаре, где вы сможете узнать, какие налоги вас ожидают в те-

кущем году. В семинаре участвуют представители Министерства экономики и финансов России, Государственной налоговой службы, ведущие ученые-экономисты. В ходе семинара, как явствует из рекламы, вы узнаете о новой налоговой политике и получите консультации по интересующим вас вопросам.

Естественно, вне этого семинара никакие ведущие ученые-экономисты ничего разъяснять вам не собираются, а от рядового налогового инспектора прямо-таки безнравственно требовать каких-либо даровых разъяснений. Правда, непонятно (непонятно, если мы верим в реформы и реформаторов), зачем предпринимателю для получения разъяснений по одному-двум практическим вопросам три дня сидеть на семинаре, обедать и получать гору нормативных материалов? Но это, как теперь принято отвечать в присутственных местах, его трудности. О любопытной «трудности», например, сообщил юрист М.Коваленко из Комиссии по законности Моссовета. В Краснопресненском районе предприятие ставят на учет в налоговой инспекции, если оно получило счет в банке. В банке же заводят счет, если предприятие встало на учет в налоговой инспекции. Как, вы думаете, можно разрубить этот гордиев узел?

Вывод следует сам собой: чем экономика нестабильней, чем смысл реформ запутанней, а порядок — неопределенней, тем успешней реформаторы превращаются в загадочных корифеев, а чиновники — в их преуспевающих жрецов. Если и дальше элементарная информация, необходимая для жизнедеятельности предприятий, будет предметом коммерции (в лучшем случае) или (в худшем) предметом политической спекуляции, то, следуя логике, ее вообще следует засекретить как государственную тайну.

Раздражение вызывает традиционный советский стиль работы налоговых органов с привычным отношением к каждому посетителю как к посетителю. Дарение подарков в присутственных местах — норма советской жизни — лишь на короткий романтический миг покинуло кулуары власти. Теперь в инстанциях опять привычно «берут», только по сравнению с прежними временами — без смущения и неловкости. Приходит в привычное состояние и бухгалтерская отчетность, которая за 2 года из простенькой декларации о доходах превратилась в солидный пакет бумаг от 10 до 15 форм, не считая объяснительной записки, которую тоже требуют в отдельно взятых районных инспекциях и каждый квартал. Напрочь за-

быты пламенные речи борцов с советской бюрократией, замордовавшей трудящихся бесчисленными справками и отчетами. Но и с этим можно смириться, была бы надежда, что процесс формотворчества когда-нибудь закончится.

Эффективный анализ такого объема документов — задача сложная, дорогостоящая и, следовательно, нереальная. Зато зарабатывать на размножении и продаже несметного количества учетных регистров, особенно вновь вводимых, очень даже можно. Цены достаточно высокие: 3 руб. — 1 лист. А какой фронт работ для чиновничьего аппарата! Ведь каждую форму разрабатывают, обсуждают, доводят, пересматривают, словом, все при деле. Только вот квалифицированных бухгалтерских кадров в малом бизнесе хронически не хватает. Бегут с этой работы. Потому, что степень ответственности и нагрузки несравнимо большие, чем в госструктурах, а приличную оплату за этот труд далеко не все предприятия могут предложить. Кроме того, своевременная сдача квартальной отчетности — задача, посильная только физически здоровым людям, так как многочасовые очереди в душном и тесном помещении не все могут выдержать.

А нам тоже есть чем ответить! От бесправного и раздавленного чиновничьим беспределом мелкого предпринимателя нечего ждать серьезной озабоченности состоянием большого народного хозяйства. Он норовит обмануть, обойти закон в надежде, что тот же недобросовестный чиновник не увидит этого, не заметит. Он не желает строить долгосрочные планы, его устраивает сиюминутный эффект. Внимательно изучив «Положение о Государственной налого-

вой службе Российской Федерации», можно обнаружить только один пункт, регламентирующий обязательства налоговых органов по отношению к налогоплательщикам. В нем сказано, что налоговые инспекции рассматривают заявления, предложения, жалобы граждан, предприятий, учреждений и организаций по вопросам налогообложения. Однако трудно себе представить, что кому-нибудь придет в голову высказывать свои предложения, если даже на вопрос, кому и сколько платить, вразумительного ответа добиться практически невозможно.

Руководители налоговой службы России мыслят только в узких рамках ведомственного эгоизма и не желают видеть другие способы защиты государственных интересов, кроме карающих мер. Глава ведомства Игорь Лазарев на собрании в Екатеринбурге 29 апреля 1992 г. (по данным газеты «Коммерсантъ») высказался за введение некоторых новых налогов и ужесточение штрафных санкций. Но уж коль скоро Лазарев решил наводить порядок, то начинать ему нужно с собственного ведомства, и в первую очередь обязать сотрудников обеспечить условия для диалога государства и предпринимателя. А то ведь не ровен час потенциальный советский бизнесмен (странное словосочетание), стоящий в очереди к очередному чиновнику, махнет на все рукой и пополнит безынициативную толпу нищих или, что еще неприятнее, пойдет на митинг требовать социальных гарантий. И тогда правительство, которое не умеет заставить чиновников выполнять свои прямые обязанности, тоже может оказаться лишним.

Лена ПЕТУХОВА

Рисовал А. Заяц

ОСТАТКИ КРАСНОЙ ИМПЕРИИ НА ПУТИ К РЫНКУ: ВСЕГО СРАЗУ И ПОБОЛЬШЕ

В ноябре 1989 года пала Берлинская стена. Это было предысторией. У польских реформ срок поменьше — два с половиной года. В Албании демократия делает только первые шаги. Экономическим реформам в России — то есть государственному повышению цен — вообще пять месяцев отроду. Новый мир открывается постепенно. В нем — чехи Праги, казахи Алма-Аты, поляки Гданьска... Тоже разные. Но с одной объединяющей чертой: все они стремятся попасть в международные финансовые организации. В Международный валютный фонд, во Всемирный банк, в Международное финансовое сообщество. История движется быстро. Но, может быть, сейчас как раз время остановиться. На мгновение. Чтобы лучше понять, кто мы и где мы.

Что из себя представляют сейчас те страны от Вильнюса до Владивостока и от Тираны до Воркуты, которые, навсегда расставшись с коммунизмом, ринулись вдруг осваивать цивилизованный рынок? К чему приведут в конце концов дебаты вокруг путей «построения капитализма»? Что выберут восточноевропейские страны и страны СНГ: шоковую терапию, предусматривающую немедленный и безусловный переход к капиталистическим отношениям, или все-таки «ступенчатый» метод, менее радикальный, но более растянутый во времени. Какие уроки могут извлечь

Польша, Россия, Чехо-Словакия, Албания. Раньше их объединяла плановая экономика. Теперь пытаются объединить экономика рыночная. Стихийная. Непонятная. Зовущая. Есть в этом стремлении к рынку удачи, есть поражения. Есть проникшиеся идеей и полностью отрицающие ее. Есть пристрастные и есть объективные. Картина достаточно пестрая, но все же западные аналитики пытаются как-то систематизировать эти осколки мозаики, бывшей некогда монолитом.

хлопкопроизводители Киргизии из рыночного опыта рабочих Гданьска или практики «золотых мальчиков» Будапешта? И что думают по этому поводу французские эксперты? Те, которые эти уроки уже извлекли?

«Мы пытаемся сейчас обобщить то, что было наработано за два последних года, — говорит директор Международного валютного фонда в Европе Массимо Руссо. — Основной вывод, который нами уже сделан, состоит в том, что либерализация цен — условие для перехода к рынку необходимое, но отнюдь не достаточное. Нужно ввести так называемые «рыночные институты», сделать легальным то, что до сих пор было под запретом. Этот период рыночного становления достаточно продолжителен. Тем не менее идеальным вариантом было бы сначала оформить рынок де-юре и только потом перейти к нему де-факто. Однако с точки зрения политической это невозможно. Население посткоммунистических держав совершенно не готово ждать годами. Они хотят всего и как можно быстрее. Что тоже неплохо. Ведь альтернативы рынку человечество еще не придумало».

Внедрение рынка в восточноевропейских странах и СНГ приобретает сейчас совершенно неведомые миру формы. В одной замкнутой экономической системе уживаются методы «шоковой терапии», с одной стороны, и способы «ступенчатого», постепен-

ного перехода — с другой.

Слишком жесткое, на первый взгляд, определение «шоковая терапия» идеально подходит к восточным странам. Речь идет о настоящем шоке, разве что только не электрическом, когда в застаревшую, не подверженную никаким преобразованиям «социалистическую экономику» со всего маху вводится рыночная «инъекция», которая взрывает всю систему изнутри. Если присмотреться внимательнее к последствиям этого взрыва, то нельзя не увидеть, что сыграл он и положительную роль в рыночной стабилизации: после серии довольно неудачных опытов намечились и первые достижения. Например, можно говорить о некотором упорядочении денежного обращения в странах Восточной Европы, где повышение цен вызвало приток наличных денег и обилие товаров на прилавках частных магазинов, в точном соответствии с количеством денежной массы, находящейся на руках у населения. Активно идет и процесс приватизации, наиболее основательно коснувшийся торгового сектора, что тоже немаловажно. Но все это перечеркивается безработицей, вызванной резким спадом производства, обусловленным как экономическими, так и политическими причинами.

В принципе страны Восточной Европы можно разделить на три категории. К первой относятся те, которые с самого начала пошли по верному пути и сейчас уже близки к тому, что называется нормальной рыночной экономикой. Ко второй — страны, которые до сих пор бьются в сомнениях и никак не могут разобраться в трех соснах. Третья же категория особая, беспросветная. В нее входят страны, ничего не понявшие в великом искусстве — ловить золотую рыбку в мутной рыночной воде и по-прежнему пытающиеся сигануть в пустой бассейн, чтобы поскорее разбиться о кафель.

Первая группа состоит из стран, наиболее продвинувшихся в рыночной экономике, а посему постепенно освобождающихся от «шокового» налета. Они уже форсировали «перестроечный» этап. Безусловный лидер в этой группе — Венгрия. «Венгрия сумела извлечь пользу из того, что реформы в ней начались еще в «дореформенные» времена, — считает Джон Флеминг, эксперт Европейского банка реконструкции и развития. «Перестройку» Будапешт начал еще задолго до либерализаций цен, которая имела место только один раз и только в ноябре 90-го. А в феврале 92-го уже начали снижать-

ся темпы инфляции. Это связано в первую очередь с тем, что рыночные реформы в Венгрии были сразу подкреплены строгой финансовой политикой, четко разработанной системой налогообложения и контролем за экспортом и импортом продукции. «На сегодняшний день три четверти венгерской продукции вовлечены в конкурентную борьбу на европейском рынке, — говорит французский эксперт Каспар Бартольди, — и надо сказать, что Венгрия способна держаться на уровне мировых стандартов». Некоторые экономисты уверены даже в том, что венгерская денежная единица — форинт — станет к 1994 году конвертируемой. Единственное, что пока не очень получается, — это приватизация крупных промышленных предприятий. Государство до сих пор не может уступить свои девяносто процентов собственности. «Вряд ли приватизация пойдет быстрее, — продолжает Бартольди, — наоборот, темпы ее могут упасть, поскольку на данный момент все, что можно было легко продать, уже продано». Однако, несмотря на это, частный сектор дает сейчас двадцать пять процентов валового национального продукта. Не обижена Венгрия и вниманием бизнесменов, на ее долю выпало больше половины всех западных инвестиций в страны Восточной Европы. Если следовать определению одного ответственного работника Международного валютного фонда, «Венгрия встала на две ноги».

В отличие от Венгрии у Польши не было временного кредита. Поэтому «шоковая терапия» шла там по классическому пути: в августе 1989-го были отпущены цены на продукты, а вслед за этим и на все остальные виды товаров и услуг. К тому же Польша стала первой восточноевропейской страной, установившей внутреннюю конвертируемость национальной валюты. Полная конвертируемость злого ожидается к 1995—1996 годам. Варшавской бирже ценных бумаг, где польские брокеры демонстрируют свои красные подтяжки, чтобы больше походить на дельцов с нью-йоркской Уолл-стрит, исполнился год. Рост частного сектора составил шестнадцать процентов. Однако «шок» как таковой и разрыв традиционных связей со странами умершего СЭВа вызвали глобальное сокращение производства. Безработица удвоилась по сравнению с 91-м годом, и безработные составляют сейчас около двенадцати процентов всего трудоспособного населения. Сокращение валового национального продукта достигло десяти процентов от первоначального уровня. Это

Рисовал А.Заяц

привело к резкому уменьшению доходов государства и к увеличению бюджетного дефицита, который составит в этом году шесть процентов от ВВП, с одной стороны, и к необходимости смягчения финансовой и социальной политики — с другой. Польское правительство стало заложником «социальной защиты населения». Третья страна из «преуспевающей» группы — Чехо-Словакия — пошла по пути настолько сложному с точки зрения экономической, что классификации и описанию он поддается слабо. Государственный ценовой контроль был снят 1 января 1991 года. Инфляция остановилась на уровне шестидесяти процентов, а зарплата была отпущена «на волю». Сокращение валового национального продукта составило в прошлом году 16 процентов. Частный сектор наиболее значителен в сфере торговли и бытовых услуг: только в прошлом году предпринимателям было продано пятнадцать тысяч магазинов и небольших мастерских. Приватизация промышленных предприятий напрямую связана в Чехо-Словакии с процессом конверсии, так как Словакия по праву может гордиться своими военными заводами. По плану же намечено выставить на продажу 2285 предприятий и фирм. По последним сведениям из Праги, сокращение объемов промышленного производства в Чехо-Словакии в этом году прекратилось. Снизился и уровень безработицы. Если в конце прошлого года в Чехо-Словакии насчитывалось 524 тыс. безработных, то сейчас количество «лишних людей» составляет 465 тыс. человек, или 6 процентов самостоятельного населения страны. Темпы инфляции в период с января по апрель 1992 года составили всего 2,3 проц. Средняя номинальная заработная плата за это же время возросла на 20,9 проц. Вывоз чехословацкой продукции в промышленно развитые страны Запада возрос на 45 процентов, внешняя задолженность сократилась и сейчас составляет 9,1 млрд. долларов. Приблизительно столько же должны Чехо-Словакии зарубежные страны. Среди самых крупных должников — бывший Советский Союз и Сирия.

Возможно, в скором времени к трем странам — пионерам рынка присоединится еще одна — Болгария. Но ее сегодняшнее положение вызывает тревогу. Эта небольшая, бедная, по уши влезшая в долги страна тоже освободила цены 1 января 1991 года. За месяц они повысились на сто процентов. Потом еще на пятьдесят — в марте. ВВП в 1991 г. побил все мыслимые и немыслимые рекорды: он упал на двадцать три процента. Но стати-

стика не регистрирует пока взрыва предпринимательской активности. Это наводит на мысль о том, что взрыва просто нет. «Но сроки! — заверяет нас эксперт, вернувшийся недавно из Софии. — За несколько месяцев проделана колоссальная, без преувеличения, работа. Болгары идут верным путем, они принимают рыночные законы, обсуждают приватизацию в парламенте, разрабатывают новые бухгалтерские нормы и так далее. Они двигаются очень быстро». Сами болгары настроены более пессимистично. Об этом свидетельствуют данные социологического исследования, опубликованные в недавнем номере газеты «Труд». Опрос был проведен учеными Национального центра по изучению общественного мнения во второй половине мая. Он охватил около 1000 человек, проживающих в 188 населенных пунктах Болгарии.

Лишь 11 процентов анкетированных уверены, что реформа идет успешно, 47 процентов полагают, что она «буксует», а еще 24 процента — что идет в неверном направлении.

Вторая группа — гораздо многочисленнее первой, главным образом за счет СНГ и Прибалтики. Ситуация там практически одинаково хаотичная. Россия, безусловно, самая показательная страна из этой группы. От того, как пойдут реформы там, зависит и их ход в других республиках, которые, несмотря на всю свою «независимость», не могут обойтись без России и проигнорировать ее. «То, что делает сейчас Россия, абсолютно беспрецедентно, даже если сравнивать ее с Восточной Европой», — считает Иван Цевари, венгерский представитель в Европейском банке. — Возможно, отмирание имперских законов и дробление страны — единственное, что можно еще хоть как-то соотносить с мировым опытом».

Кстати говоря, советский рубль мог бы с полным правом обрести внутреннюю конвертируемость уже к концу этого года. И безо всяких правительственных программ. Однако сейчас ситуацию в России иначе как драматической не назовешь. Девяносто процентов населения или живут за чертой бедности или приближаются к ней. Доля частного сектора в производстве товаров народного потребления ничтожно мала — около четырех процентов от ВВП. Другие республики, такие, как Латвия, Литва, Эстония, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, решили, кажется, назло всему свету повторять ошибки России.

Если говорить о Восточной Европе, то там на путь «исправления» стали еще две страны: Румыния и Албания,

которые, впрочем, только начинают либерализацию экономики. Румыния освободила цены 1 августа прошлого года и создала одновременно довольно неплохую систему приватизационных обществ, призванных координировать этот нелегкий и, более того, нескорый процесс. Тридцать процентов учрежденных акций будет передано в бессрочное пользование населению, а остальные семьдесят процентов созданные общества попытаются продать румынским и зарубежным инвесторам.

Албания — самая бедная страна Восточной Европы. «Она пойдет по общепризнанному пути, — говорит Кейт Крэн, наблюдатель ЕС, — им просто не останется ничего другого».

Последняя группа являет собой удивительную мозаику из войн и переворотов: Азербайджан, Грузия, Югославия. Есть страны и другого рода, где слова «частная собственность» кажутся похлеце ругательных. В первых рядах — Узбекистан, Туркменистан и Украина, которая принесла свою экономику в жертву махровому национализму. Огромной ошибкой было введение параллельных денег — купонов. Сначала надо позаботиться об экономике и только потом уж думать о собственной валюте. А экономикой-то Кравчук и не интересуется. А зря. Ведь республика оказалась перед лицом широкомасштабного повышения цен в России, где до последнего времени Украина покупала девяносто процентов требуемой нефти и три четверти потребляемого газа. «Правительство Украины и не пыталось «влезть» в экономику. Это правительство СССР, только в миниатюре», — считает один из экономических экспертов, господин Саржер. «То же самое, — добавляет он, — относится и к большинству остальных республик бывшего Советского Союза». Коммунистическая элита снова захватила власть в свои руки. Разница только в том, что теперь собственные просчеты и некомпетентность нельзя будет списать на злокозненность «центра».

Москва и Прага... Будапешт и Варшава... Разными путями идут они к единой цели. В следующих номерах «Столицы» мы попытаемся более подробно рассказать о том, как каждая «отдельно взятая страна» живет, преодолевая все сложности избранного ею пути.

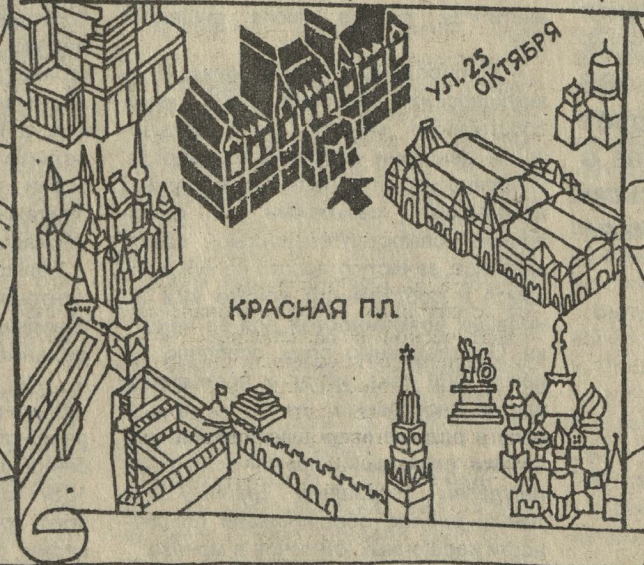
По материалам зарубежной прессы
подготовил Э.Дорожкин

У МММ НЕТ ПРОБЛЕМ!
ПЛ. РЕВОЛЮЦИИ, 2, 3 ЭТАЖ
ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
ВАРШАВСКОЕ ШОССЕ, 26
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР
ТЕЛ. ДЛЯ СПРАВОК 111 20 70
111 00 65

В СЕРДЦЕ МОСКВЫ, В ЦЕНТРЕ КОММЕРЦИИ

НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ МНОГИХ, МНОГОЕ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

Эльмар ГУСЕЙНОВ

ШВЕЙЦАРСКИЙ ФРАНК

«Случись вам увидеть, что женеvский банкир выпрыгивает из окна, следуйте за ним, ибо там, где он приземлится, наверняка будут деньги». Пожалуй, именно с этого знаменитого афоризма Вольтера, который был одним из крупнейших клиентов женеvских банкиров более 200 лет назад, и следует начать рассказ о швейцарском франке.

Как любая валюта несет на своей истории отпечаток истории своей страны, так и рассказ о деньгах Швейцарии невозможен без обращения к истории знаменитых швейцарских банков.

Единую общенациональную валюту Швейцария заимела относительно поздно по европейским меркам. Только в 1850 году был принят закон о введении общих денег для всех кантонов, составляющих Швейцарскую конфедерацию. Произошло это в период, когда небольшая страна в центре Европы оправлялась от последствий гражданской войны 1847 года и укрепляла общегосударственные институты, в том числе финансовые.

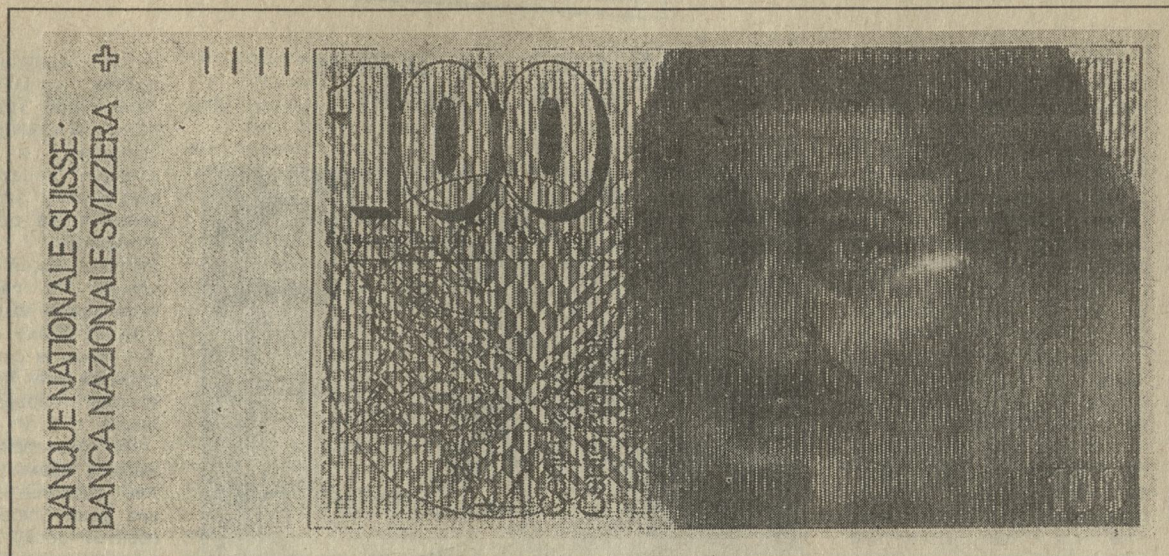
А до середины XIX века каждый из швейцарских кантонов либо имел собственную монету, либо пользовался деньгами соседних государств. Исторически это было обусловлено небольшими размерами и почти полной самостоятельностью самих кантонов, зачастую просто не нуждающихся в собственной монете или не имевших возможностей для ее чеканки. Определенную роль, особенно до конца XVIII века, играл и постоянный приток иностранных денег. Их привозили в родные края швейцарские наемники, служившие практически всем государям тогдашней Европы. Эти деньги вполне обеспечивали потребности крошечных кантонов в монете.

Вхождение в состав конфедерации Женеvы, в которой еще с конца XVII века складывались основы швейцарской банковской системы, также способствовало тому, что в стране

находились в обороте многие виды иностранных денег. Они проникали вместе с вкладами богатых клиентов женеvских банкиров. Именно тесными связями франкоговорящей Женеvы с Францией, а также традиционной твердостью и удобством французской денежной системы можно объяснить тот факт, что в 1850 году за образец швейцарской валюты был принят французский серебряный франк, который содержал 4,5 грамма чистого серебра.

Да и позже швейцарцы не стремились к особой оригинальности в своем денежном хозяйстве. Когда в 1883 году Швейцария приступила к чеканке собственных золотых монет, то за образец были взяты опять-таки французские «наполеондоры» — золотые монеты достоинством 20 франков. С 1865 года французские монеты официально признавались на территории всех кантонов официальным платежным средством наряду с национальной валютой.

Больше того, ориентация разных кантонов (франко-, германо- и италоговорящих) на различные «сопредельные государства и всех вместе — на энергичную деятельность по привлечению капиталов в быстро разрастающиеся с середины XX века банки привела к тому, что по закону 1887 года правом законного платежного средства на территории Швейцарии пользовались английские монеты — соверен и полсоверена, германские золотые монеты в 20 и 10 марок и американская золотая монета в 5 долларов. Помимо этого официальное хождение во всех кантонах

получили монеты стран так называемого Латинского союза, членом которого являлась Швейцария (а в него, напомним, входили также Франция, Бельгия, Греция и Италия). Такой валютный режим продержался до начала первой мировой войны.

Во многом именно благодаря особенностям уникальной швейцарской банковской системы, вполне сложившейся к концу прошлого века, Швейцария вплоть до 1907 года практически не имела общенациональных бумажных денег. Выпуском банкнот занимались не меньше 36 банков, имевших специальные лицензии для такой деятельности. Печатание частными швейцарскими банками собственных денег было для них одним из главных способов привлечения дополнительных капиталов. И только укрепление общенациональных государственных структур и необходимость поставить денежную эмиссию под общественный контроль привели к тому, что с 1907 года выпуск бумажных денег был сосредоточен в созданном незадолго до того Швейцарском национальном банке. Вот с тех пор ведут свое начало бумажные швейцарские франки.

Швейцарский франк и банковская система этой страны всегда были тесно связаны между собой. Например, даже начало эмиссии общенациональных бумажных денег серьезно отразилось на банкирах. Потеряв источник пополнения кассы в виде выпуска своих кредитных билетов, многие банки были вынуждены либо закрыться, либо искать слияния с более мощными партнерами. И

всем вместе им пришлось пересматривать способы привлечения капиталов. Позже, когда в конце 50-х — начале 60-х годов в Швейцарию хлынул огромный поток денег со всего мира, обилие переполнивших страну капиталов поколебало стабильность денежной системы страны. Доступность и относительная дешевизна кредита привели к перегреву экономики, к росту темпов инфляции, сочетавшихся с ростом стоимости швейцарского франка. И тогда в интересах национальной экономики федеральным властям Швейцарии пришлось принять меры по ограничению бурной кредитной активности собственных банков.

Постоянный приток денег из-за рубежа, часть которых перекачивалась в швейцарские франки, привел к постоянному росту в последние десятилетия курса франка по отношению к доллару. Только с 1971 по 1979 год стоимость доллара упала по отношению к швейцарскому франку с 3,9 до 1,6 франка за 1 доллар. Упоенные высоким курсом франка, в 1978 году швейцарские власти отказались даже от контроля за объемом денежной массы в стране и были наказаны резким ростом темпов инфляции. В 1980 году контроль за денежной массой был восстановлен.

Традиционная в послевоенные годы роль Швейцарии как важнейшего мирового центра торговли золотом, а также стремление финансовых органов и частных банков максимально обеспечить стабильность финансовой системы страны стали причиной того, что в настоящее время швей-

царский франк является практически единственной в мире валютой, эмиссия которой имеет золотое покрытие. По действующим законам выпускаемые Швейцарским национальным банком бумажные купюры на 40 процентов обеспечены золотом.

По этой или по другой причине, но швейцарский франк является сегодня одной из наиболее дорогих и наиболее стабильных, безусловно конвертируемых валют мира. Курс его в настоящее время составляет около 1,45 франка за американский доллар. Никаких ограничений на платежные операции, а также на ввоз и вывоз национальной валюты Швейцарии нет. Все это делает швейцарский франк одной из «малых» мировых валют. Не случайно в швейцарских франках измеряются многие международные платежи, в том числе — штрафы, налагаемые на провинившихся международными футбольными союзами — ФИФА и УЕФА. Счет, открытый в швейцарском банке в швейцарских франках, — один из наиболее надежных способов помещения капитала.

Выпускаются швейцарские банкноты купюрами в 1000, 500, 100, 50, 20 и 10 франков. Чекаются также монеты в 5, 2, 1 франк, а также более мелкие достоинством 50, 20, 10, 5 и 1 сантим. 1 швейцарский франк делится на 100 сантимов, которые иначе называются (дань официально многоязычию страны) раппенами.

Бывшее здание Благородного собрания — нынешний Дом Союзов — место, богатое на события. Здесь дирижировали Чайковский и Рахманинов, Пушкин виделся с Натали Гончаровой, вальсировали на балах дворяне. Вот так тусовался в Благородном собрании бомонд, пока в октябре 1917-го Моссовет, который не умещался уже в бывшем доме генерал-губернатора, не разместил здесь свой экономический отдел. А после декрета Совнаркома и ВЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» в Благородное собрание въехал Московский совет профсоюзов, здание же стало называться Домом Союзов.

В первые годы советской власти в бывшем Благородном собрании было не менее весело и многолюдно, чем при царизме. То и дело здесь проходили торжественные заседания, а на годовщины революции на эстраде устанавливали большой бюст Карла Маркса, украсив его кумачом и еловыми ветками. Продолжал собираться бомонд — правда, уже качественно новый — социалистический. Темперamentные большевики в жарких диспутах давали отпор эсерам и меньшевикам, пропаганди-

ТАК БЫЛ ЛИ ЛЕНИН В ДОМЕ СОЮЗОВ?

ровавшим теорию независимости профсоюзов от советского государства. Проводились бурные партконференции, а также многочисленные собрания и съезды: земотделов, железнодорожников, горнорабочих и аптекарей.

Особенно любил бывать и выступать в Доме Союзов вождем мирового пролетариата. Здесь он даже устроил первое свое публичное выступление после покушения на него террористки Каплан. А когда Ленин умер, то граж-

данскую панихиду — так же как и после смерти Свердлова в девятнадцатом году — устроили в Колонном зале Дома Союзов. С тех пор тела всех умерших вождей выставлялись здесь для прощания.

Многочисленное посещение Ильичем Дома Союзов не прошло для последнего бесследно. Со стороны тогдашнего проспекта Маркса на фасаде здания водрузили мемориальную доску из красного гранита с бронзовым барельефом вождя и зо-

лотой надписью: «В этом здании В.И. Ленин в 1918—1922 годах неоднократно выступал на Всероссийских и московских съездах, конференциях, совещаниях и заседаниях». Во время путча доска была перечеркнута крест-накрест белой краской и подписана: «Ленин — палач». Краску всем домом мыли-мыли — не отмыли. Доску сняли. Теперь она лежит в самом темном и дальнем углу Дома Союзов и требует серьезной реставрации.

Но реставрации в ближайшее время не предвидится, поскольку администрация Дома Союзов водружать обратно доску не решает, а правительство города на этот счет ничего конкретного не говорит. Хотя что было, то было: Ленин действительно «неоднократно выступал» в Доме Союзов. Этого уже не отнимешь. И плешь на том месте, где висела доска, навевает мысли об исторической несправедливости.

Правда, мемориальной доски с надписью о том, что здание неоднократно посещали Достоевский, Лист, Шалляпин, Нежданова и вообще весь цвет интеллигенции, на доме тоже нет и никогда не было...

Елена АВЕРИНА

ПОД ГУСЕНИЦАМИ БУЛЬДОЗЕРА — ДВАДЦАТЬ ТРИ ЖЕРТВЫ

Как известно, «наши люди в булочную на такси не ездят». Ну а если на бульдозере?..

Житель Игарки (некто Безруких) остановил свою могучую машину прямо у входа в магазин. Через минуту он вошел в торговый зал. А еще через минуту вслед за водителем туда же въехала послужная его воле машина, у которой, как выяснилось, осталось неотжатым сцепление. И если Безруких воспользовался дверью, то бульдозер просто проломил стену и сконфуженно заглох посреди магазина.

Разрушения — очевидны, человеческих жертв, к счастью, нет. Лишь двадцать три куриных яйца почти по семь рублей за штуку (таковы здесь цены) прекратили свое

существование, попав под гусеницы. Безруких, понятно, был вынужден уплатить не только за «яичницу» и за ремонт стены, но и за то, что перед поездкой, как он утверждает, «нормально выпил».

Борис ИВАНОВ (РИА)

А В ПЕРЕСЛАВЛЕ — СПИДА НЕТ?

Всегда считалось, что сертификат о проверке на СПИД нужен только в публичном доме, больше, пожалуй, нигде. С недавнего времени эту бумаженцию стали требовать со всех желающих поселиться (сроком более чем на неделю) в единственной гостинице города Переславля. То ли нравы жителей гостиницы не вызывают доверия, то ли созданный недавно городской комитет по борьбе со СПИДом решил как-то себя проявить... но тем не менее

все жители стран СНГ признаются отныне иностранными подданными и обязаны перед поселением в гостиницу получить справку. Сделать это можно в переславском кабинете анонимного обследования. Проверку на СПИД также обязаны будут пройти переславцы, вернувшиеся из более чем трехмесячной «зарубежной» поездки. Так что всех командированных в Переславль мы предупреждаем, что вместе с командировочными документами придется обзавестись бумажкой с фразой: «Проверено. СПИДА НЕТ».

Олег ПЕТРОВ

КРАЙНИЙ СЕВЕР — СНОВА КРАЙНИЙ

Жители Крайнего Севера в очередной раз стали жертвой крайностей. В одном из областных центров этого об-

ширного региона скопились залежи школьных букварей. Причем цена одной книжки заставляет крепко задуматься. Букварь на уличском диалекте стоит 197 рублей, а букварь для хантыйских школ (сургутский диалект) оценен аж в 245 целковых. Непонятно, откуда взялись такие цены? Может, кто-то до сих пор считает, что самые богатые люди живут на Крайнем Севере? А может, все делается для того, чтобы поднять престиж школы? Над этим можно долго ломать голову, но тем не менее за букварь придется выложить около четырехсот рублей — столько будет стоить «самая первая книга» с учетом всех северных коэффициентов и надбавок, а также новых цен на бумагу. Интересно, какова же будет цена традиционного комплекта для первоклассника вместе с тетрадями, ручками, портфелями?

Сергей ТЕПЛЯКОВ

КАК НИКУЛИН ШВАРЦЕНЕГГЕРА ПЕРЕПЛУНУЛ...

Недавно приятель поделился со мной своей радостью: «Представляешь, купил видеомагнитофон. Дикие деньги, залез в долги, но это не важно. Зато теперь я наконец-то смогу смотреть советское кино!»

На следующий день мы торжественно отправились в видеосалон на Арбате. Он — чтобы записать хорошие фильмы — «Андрей Рублев», «Тот самый Мюнхгаузен», «Белое солнце пустыни». Я — чтобы задать несколько вопросов девушке, принимавшей заказы.

— Правда ли, что за последнее время спрос на советские фильмы увеличился?

— Увеличился — не то слово. Невероятно вырос.

— И какие фильмы записывают чаще всего?

— «Джентльмены удачи», «Кавказская пленница», «Мимино», «Мы из джаза», «Бриллиантовая рука», «Гусарская баллада», другие ленты Рязанова, фильмы Михалкова — одним словом,

весь наш «золотой фонд».

— Заказчики — люди старшего поколения?

— Нет, очень много молодых людей. Они тоже не могут смотреть сплошных вампиров — ведь с ума сойти можно. А иногда фильмы заказывают уже немолодые люди и объясняют, что сами они все это наизусть помнят, но хотят, чтобы их дети посмотрели. Я думаю, что спрос и дальше будет расти. Люди хотят, чтобы на экране были их любимые артисты: Яковлев, Юрский, Никулин, чтобы они говорили на русском языке, чтобы вокруг была наша жизнь...

Я тоже хочу смотреть хорошие фильмы, где наши актеры говорили бы на русском языке, а вокруг была бы наша жизнь. Но у меня нет видеомагнитофона. Поэтому мне остается читать газету «Досуг в Москве», где в алфавитном порядке напечатаны фильмы текущего репертуара. Сейчас в Москве идет 81 фильм. Из них отечественных — ровно 10... «Нелюбовь», «Обнаженная в шляпе», «Путана»... «Россия, которую мы потеряли».

Интересно, что видеосалон на Арбате (один из первых, открывшихся в Москве) и

шесть лет назад предлагал советские фильмы: отчасти из-за того, что был государственным и не мог, как его полуподпольные собраты, продавать пиратские копии. Была, наверное, и какая-то идеологическая разрядка. Посетители посмеивались — им хотелось Запада, драк, эротики, вампиров тех же. Как-то само собой подразумевалось, что в кинотеатрах — советские фильмы, а по видео — зарубежные. Как видим, времена меняются...

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

СКОЛЬКО СТОИТ «ШУТКА»? 50 000 РУБЛЕЙ

Необычный иск гражданина Р.Насыбуллина к рекламно-информационной газете «Казанская сорочка» рассматривал недавно Бауманский народный суд г.Казани. Насыбуллин обвинил газету в том, что она нанесла ему и его несовершеннолетней дочери моральный ущерб. Ущерб он оценил в 50 тысяч рублей и, кроме того,

требовал, чтобы газета публично извинилась. Причиной судебных разбирательств стало объявление, опубликованное в «Сорочке»: «...мужчинам, имеющим сложности в интимном общении, поможет молодая интересная девушка». И — прежний телефонный номер семьи Насыбуллиных, который они сменили полгода назад.

«Имеющих сложности в интимном общении» оказалось немало. Через АТС они узнавали новый телефонный номер Насыбуллина и в течение целого месяца настойчиво требовали встречи с его дочкой. На суде выяснилось, что с семьей сыграли злую шутку «недоброжелатели». Паспорт, предъявленный в редакции при заказе объявления, числится давно утерянным. Дело кончилось тем, что газета публично извинилась, но деньги пока оставила себе.

Сказать, что «Казанская сорочка» легко отделалась, не позволяет фраза, брошенная супругой Насыбуллина (которая, кстати, работает в аппарате президента Татарстана). Она заявила, что «всем еще покажет!».

Элла РЫЛОВА

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

В самый разгар весны, в ночь весеннего полнолуния наши «богатые» устроили для себя ставший печально известным «Бал Сатаны» в саду Эрмитаж. Пожалуй, не было в стране печатного органа, который живо не откликнулся бы на это событие. Все наперебой чертыхались и поливали «зарвавшихся нуворишей». Основной пафос статей был таков: истинным почитателям Булгакова не было места на этом «празднике жизни»! Однако между строк явно прочитывалось: «Зажрались, сволочи!»

Где же были в ту ночь истинные почитатели? Либо спокойно спали, либо сквозь зубы ругали тех же «нуворишей». Им даже в голову не пришло, что можно самим, без больших затрат, устроит, как теперь принято говорить, альтернативный праздник — скажем, на Патриарших прудах. Без шампанского и ананасов, но, может быть, не менее веселый и, конечно же, гораздо более интеллектуальный.

Консуэло СЕГУРА

ХОЧУ ТАК: САМА, САМА, САМА...

К чему я это пишу? Если уж мы берем за ориентир западное общество, то надо делать это последовательно. В западном обществе тоже есть богатые, и они тоже веселятся. Ох как веселятся! Нашим такого и не снилось. Но один лишь раз услышала я «за бугром» весьма привычную для нас фразу: «Ну и стерва эта баронесса фон Тиссен, ты гляди как туалеты меняет!» Сказала это иностранка, выросшая и воспитанная в нашей стране. Остальные относятся к светской жизни «элиты» весьма равнодушно — стоит

ли тратить на это время и силы, которые можно употребить с большей пользой — например, на то, чтобы сделать более приятной свою собственную жизнь. И собираются соседи по кварталу, выносят на улицы столики из квартир, вскладчину пекут пирожки, вскладчину покупают дешевую выпивку, приглашают мальчишек из своего же квартала, которые, радуясь, что их наконец слушают, гремят что-то очень «крутое» на гитарах.

Привыкшие организованно «веселиться» в майских колоннах и так же организованно

жить «по заводскому гудку», многие из нас просто растерялись — как же существовать самостоятельно — без «организующей и направляющей»?.. У некоторых эта растерянность выражается в тихом и жалобном «помогите», у других в более решительном «дайте», у третьих в совсем уж гневном: «Сволочи, всю страну продали!». И лишь единицы твердят: «Сделаю сам, только не мешайте!» Жалкие остатки социальной активности выливаются в призывы к борьбе.

Надоело бороться. Ведь последние силы уходят! Давайте не будем с завистью смотреть на то, как живут и веселятся наши богатые, и называть это «пиром во время чумы». Бог с ними! Мое очень личное мнение — на тех руинах, что нас окружают, каждый должен сам построить свою экологическую нишу и сделать ее как можно более уютной. На крики о помощи имеют право только дети, старики и инвалиды.

НОЧЬ. УЛИЦА. ПОДВОРОТНЯ. ПРОДАЮТ ЖИЛЬЕ

Несколько номеров назад «Столица» уже писала о рынке жилья в Москве, о двух его сторонах — «черной» и «белой». Читатели, наверное, помнят криминальную историю конца прошлого года, случившуюся с фирмой «Мосприватизация», которая одной из первых попыталась придать темному квартирному бизнесу оттенок цивилизованности. В результате проделанной работы фирма приобрела... репутацию взяточника, заместитель директора Вадим Бухтияров и начальник коммерческого отдела Сергей Васильев — обвинение по статье 93-1. Последние находятся сегодня под следствием (на воле, но с подпиской о невыезде), а генеральный директор «Мосприватизации» Александр Русаков — в бегах.

Точка в этой истории будет поставлена нескоро. Решение квартирного вопроса Москве тоже пока не светит, рынок жилья актуален для многих. Тем, кто отважился в нем поучаствовать, будет небезынтересно узнать, что новенького и старенького там происходит? Рассказывает подследственный Вадим БУХТИЯРОВ.

Не пугаю, но предупреждаю: каждый, кто вступает сегодня с кем-либо в рыночные отношения, с этих пор ходит «под статьей». Скажем, в нашем «уголовном» деле торговли квартирами жертв нет. Все в разной степени оказались виновны. Причем нет и выигравших — все в убытке.

Продавцы — те просто в дураках. За шесть миллионов мы купили у них пять квартир. Дешево, даже по тем временам,

когда еще была наличность. Большую часть этих денег они получили на руки. Меньшую, по уговору, оставили нам до тех пор, пока не выпишутся и не сдадут ключи. Речь шла также о нашем гонораре за услуги из этого остатка, но конкретные суммы не оговаривались.

На том нас, как известно, и повязали. «Настучал» продавец, у которого мы сторговали квартиру за 800 тысяч, отдали ему для начала, пока не принесет ключи, — 600. Остаток — 200 тысяч нам вменили как взятку, отобрали и вернули бдительному клиенту. Далее выяснили, что мы коммерсанты, а не чиновники, взяточниками быть никак не можем, и потому нас быстро сделали «мошенниками» и «расхитителями»: якобы оставшиеся у «Мосприватизации» деньги мы присвоили навсегда путем злоупотребления и обмана. Эту сумму — 2,5 миллиона органы изъяли в качестве вещественного доказательства. Продавец-стучач в итоге оказался полностью при своих деньгах, а другие — в простаках.

Сперва товарищи из ОБХСС пообещали незадачливым продавцам: «так как ваши партнеры — жулики и деньги возвращать вам не собирались, пишите заявления, мол, «надули» вас — тогда мы и привезем остаток». Клиенты все исполнили и стали ждать от правоохранительных органов своих миллионов на блюдечке. Сперва до них не дошло, что они сыграли роль унтер-офицерской вдовы: по этим заявлениям они из участников сделки превратились в соучастников преступления. Ибо если и произошла кража — кого обокрали-то? «Мосприватизацию!» Деньги ведь из кредита, который она брала на покупку квартир. То бишь мы сами себя, в сговоре с клиентами, и ограбили...

Теперь наше дело ведет МВД России. Клиенты по-прежнему надеются вернуть свои деньги. А их таскают на очные ставки. Миллионов им больше не обещают, зато посулили расторгнуть сделку с нами и вернуть проданные квартиры. Года через три, когда «мошенников» посадят. Для этого нужно одно: новые и новые показания против нас. Клиенты начали сомневаться — кто же их все-таки дурил? Нет уж, отвечают, продано так продано, мы за эти квадратные метры в документах расписались, мы с этими стенами в душе распрощались — хотим свои миллионы!

Но я-то уверен, изъятых миллионов им ни в руках подержать, ни даже понюхать не суждено. «Вещдок» станет госсобственностью. Следователи тоже, очевидно, это знают твердо. И призывают клиентов бескорыстно «биться за правду» до конца (нашего, разумеется). Если, говорят, вы измените первоначальные показания против Сергеева и Бухтиярова — привлечем вас за дачу ложных показаний. Продавцы угодили в железный капкан: денег нет, квартирам своим они тоже уже не хозяева, однако откроешь рот — попадешь либо в сообщники, либо в клеветники. Зареклись, верно, до скончания века на наш дикий рынок по нужде захаживать...

А следователи еще новый хитрый ход придумали. Поскольку один из свидетелей успел отсидеть пять лет — его уголовное прошлое удачно вписывается в наше общее «дело». Квартиру продавала нам его мать, была она при этом в полном уме

и почти в здравии, хотя числилась на учете в психдиспансере. Сегодня понадобилось, видно, признать ее невменяемой, сына обвинить в сговоре с нами, а всех вместе — в надувательстве бедной старушки.

Боюсь, к помешательству сегодня близки все участники злуполучной купли-продажи.

«Мосприватизация» — на краю долговой ямы. Кредит-то надо возвращать. Он ушел, как в песок, в пять «нехороших квартир», из которых никто не выписывается, зная, что денег все равно не будет. Высылать продавцов через суд? Суды гражданские дела теперь не рассматривают. Отсуживать обратно выплаченные три с половиной миллиона? Ну и будем получать их в течение пятидесяти лет: по 100 рублей ежемесячных отчислений от зарплаты должников.

Лучше всех, кажется, устроился экс-руководитель «Мосприватизации» Русаков. Понял, что «дело» наше — оперативная разработка. (Сегодня следователи этого почти не скрывают. Догадаться было нетрудно. На другое же утро после нашего ареста вышли «Куранты» со статьей против «миллионера Русакова».) Просчитал, что всех собак спустят на него и... съехал. Вместе с семьей. Куда? Мы не в курсе. Сейчас решается вопрос о его все-российском розыске. Если найдут — нас посадят в полном составе.

Конечно, мы и сами уже сполна хлебнули «свободного» рынка, «начерпались» горького опыта купли-продажи квартир в нашем городе. Типичный пример. Сюжет — почти гоголевский. Мы расселяем большую коммунальную квартиру в центре Москвы. Всем предоставляем отдельное жилье. Один из наших клиентов не очень торопится переселяться в купленную для него квартиру на Ленинском проспекте. Месяц квартира пустует. Наконец, он переезжает. И видит на дверях новые замки, на окнах — занавесочки. Оказывается, бедная учительница, мать двоих детей, очередница района месяц поголодала в префектуре — ей и выписали ордер в первую подвернувшуюся пустую квартиру. Подчеркиваю — частную квартиру!

У нас сделка срывается: мы не можем солидной фирме передать квартиру в центре — старому жильцу податься некуда. Супрефект сжалился, предложил нам другую пустую квартиру того же класса. Снова привозит наш переселенец из центра вещички, а навстречу ему мужичок выходит, я, говорит, тут хозяин. В общем, пока супрефект выписывал новый ордер нашему человеку, этажом выше, в префектуре выдали бумагу на эту же квартиру очереднику-миллиционеру. И виноватых нет! Никто не платит штрафы, не отвечает за неустойку...

Мы были первыми на рынке недвижимости, кто потеснил «черный» бизнес жилья, с его беспощадными, в обход государства, операциями. Наш имидж на этом рынке сильно пострадал.

Не знаю, может, в нашем городе люди так свыклись с торговлей в темной подворотне из-под полы, что другого рынка — при дневном свете — просто никому и не надобно?!

Записала Аэлита ЕФИМОВА

МОСКВА НЕ СДАСТСЯ ИНОЗЕМЦУ...

«В Москве — городе, имеющем большой опыт отражения захватчиков, — вас ждет множество неожиданностей. Получение визы на поездку в Россию может оказаться очень трудной задачей. Потом, по прибытии в Москву, вас ожидает шок от столкновения с ней. Однако после этого вы готовы ко всему». Так описывает свои впечатления о нашей столице корреспондент агентства Рейтер Джеймс Флэннери.

Столица матушки России имеет оригинальную особенность — она сначала производит самое неприятное впечатление на прибывающих сюда иностранцев, потом приводит их в восторг, а иногда и в ярость.

Создается впечатление, что и сами москвичи часто бывают сбиты с толку, однако за многовековую историю у них выработался особый стоицизм в отношении трудностей, которые могли бы вызвать в любой другой стране волнения.

Те, кто хочет получить визу, сообщают, что видели брошюру «Борьба с бюрократизмом» в местных консульствах, куда они обращались. Однако для любого, желающего получить визу, этот процесс развивается очень медленно и обходится совсем недешево. Желаемого результата удается добиться лишь в результате многочасового стояния в очередях и выполнения уму непостижимых формальностей.

Русские заявляют, что процедура получения визы в западных посольствах в Москве тоже не так уж приятна.

Иностранный корреспондент Питер Конради так писал о Москве:

«На этот раз мне пришлось перебраться через лужу мочи в мужском туалете в аэропорту Шереметьево, недомывая, куда подевались все электрические лампочки.

Считается, что Москва — один из наиболее замечательных городов для работы. Безусловно, это так. Один из городов, где возникают наиболее трудные задачи? Безусловно. Вы будете рады вернуться туда? Брр... Это не совсем так».

То, с чем столкнулся Конради, многократно повторяется изо дня в день. Во время полета в Москву вас могут окружить комфортом и обласкать. Однако посадка, изобилующая воздушными ямами, сразу же знакомит вас с российской действительностью.

Вы едете по широким бульварам, затем поворачиваете на боковую улицу, изобилующую ухабами, которых стыдилась бы самая стесненная в средствах страна третьего мира.

Такое сочетание величия и бедности — отличительная черта Москвы.

В продовольственных магазинах — тощие цыплята и колбаса устрашающего вида. В городе множество ремонтных мастерских, ибо это общество, где никогда ничего не выбрасывают, а только ремонтируют.

Организация сбыта, изучение спроса потребителей, реклама — всего этого здесь практически не существует.

Некоторые вещи выглядят странно. Например, школа верховой езды рек-

ламирует курс обучения для потенциальных наездников, которых здесь становится все больше, сопровождая свою рекламу условием: «Приводите свою лошадь».

В магазине грампластинок обычно можно купить не более 10 новых пластинок месяца. Внутри книжных магазинов и на улице торговцы продают книги по самым разным ценам.

В пользующемся заслуженной известностью метро ваш сосед может с такой же степенью вероятности читать философский трактат, как и взять запасную дверь к машине.

Здания XVIII и XIX веков медленно разрушаются, однако их покрашенные желтой и розовато-сиреневой краской фасады по-прежнему выглядят привлекательно.

В Москве есть построенные в годы сталинского правления небоскребы и безобразные высокие многоквартирные дома. Однако здесь много красивых парков, скверов, бульваров.

Есть здесь и сюрпризы, которые убеждают, что Москва не так уж отличается от других городов мира.

Политический деятель признается в газете, что некогда был длинноволосым бунтарем, исключенным из института. Длиннейшие очереди тянутся в ресторан «Макдональдс», где продают миллионы гамбургеров, люди с интересом заглядывают и в секс-шоп, где можно приобрести надувные куклы. Сотрудники милиции с жевательной резинкой за щечкой в патрульных машинах напоминают полицейских из голливудских фильмов.

На улицах можно увидеть плакаты с изображением Мадонны, а на Красной площади должен состояться рок-концерт.

Книга «Радости секса», которая стоит 350 рублей, — на третьем месте среди бестселлеров, продающихся на улицах города. Первые места занимают книги о бизнесе и по психологии.

Московское телевидение ведет показ «мыльных опер», поставленных в традиции «Далласа» и ему подобных произведений, в которых высмеивается ставшее теперь характерным для страны повальное увлечение торговлей. «Если это будет хоть немного похоже на реальную жизнь, можно будет на минуту рассмеяться», — отметил один из комментаторов в еженедельном издании концерна «Гардиан».

Хорошо это или плохо, но Россия присоединяется ко всему остальному миру.

Лондон

(ИТАР—ТАСС)

Фото Э. Кудрявицкого

Марина КРЫЛОВА
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ
(фото)

«Огненный»

«В какой-то момент я почувствовал, что еще немного, и я превращусь в большую машину по зарабатыванию денег... Бессонница, головная боль — я был закручен, как пружина. Занятия помогли мне научиться снимать этот «напряг».

«Когда я только начал заниматься, мне казалось, что можно овладеть собой штурмом: пришел, увидел, победил. Но два месяца спустя я понял, что это просто дурь и нелюбовь к себе. Менять что-либо в своей жизни надо медленно, но неумолимо».

«Для меня «Огненный цветок» — это возможность уделить хоть немного времени самому близкому мне человеку — самому себе. Это оказалось тем, что для верующего человека молитва. Молитва современного материалиста».

Эмоциональное состояние — вот тот фильтр, через который человек воспринимает других людей, самого себя, мир. Кто из нас не помнит, что в состоянии влюбленности преодолимы любые трудности, что радость от хорошо сделанной работы удесятерит силы, а «мандраж» на экзамене лишает не только слов, но и мыслей?

Интерес к эмоциональной сфере человека существует на протяжении тысячелетий. Все, что связано с «кухней» приготовления переживаний, называлось по-разному: мистикой и оккультными науками, религиозным дурманом и юродством, скоморошеством и шаманством, эзотерией и актерством — и, конечно, люди, которые

цветок»

умели профессионально организовать переживание, всегда хранили свое знание в тайне. Потому что то, что возрождает души, способно и к разрушению.

В психологическом центре «Артис» я встретила вполне современных специалистов, работающих с пациентами с помощью психотехники под названием «Огненный цветок». В научных кругах она известна как методика дифференцированных функциональных состояний — ДФС. Автор — режиссер и психолог Игорь Калинаускас.

Оказывается, эмоциональный диапазон обычного человека довольно узок — 4—5 доминирующих состояний в течение жизни. Расширение

диапазона до 6—8 состояний свойственно талантливым, творческим людям, которые достигают этого чисто интуитивно. Методика «Огненный цветок» позволяет пользоваться диапазоном из 16 состояний. Сформировав в себе одно, человек сможет достичь успеха в деловых переговорах, другое позволит ему избежать аварии, сидя за рулем, третье поможет стать душой компании, четвертое оптимально для полного расслабления и так далее.

Высоких результатов в соревнованиях «Огненный цветок» помог добиться украинским легкоатлетам (среди них, например, призер Сеульской Олимпиады Рудольф Поварницын). Ну а рассказать о том, что испы-

тывает зритель, приходя в театр Калинаускаса, актеры которого используют методику ДФС, почти невозможно. Надо смотреть, чувствовать, любить, страдать вместе с актерами. И думать о себе.

«Я научился лучше ладить со своей мамой, да и с людьми вообще. Ссоры и конфликты остались позади. Я поняла, что все мы очень разные, и никого не надо переделывать. Пришло ощущение спокойной силы и больших потенциальных возможностей».

«Это можно сравнить с исцелением от слепоты. Это не просто новые возможности — это новая Жизнь».

Санкт-Петербург

В № 13 «Столицы» за этот год был опубликован материал Марка Дейча «Служили два товарища...» о судьбе следователей МВД России Владимира Савченко и Сергея Герасимова после нескольких громких дел в сфере экономики, которыми они занимались.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей подборку откликов и документов на ту же тему. Как требует один из «героев» первой публикации, В.Стрельников, мы оставляем письма, пришедшие в редакцию, без журналистского комментария. Они прекрасно говорят сами за себя, а выводы — личное дело каждого.

ТРЕБУЮ ОПРОВЕРЖЕНИЯ

В 13-м номере журнала «Столица» за 1992 год помещена публикация М.Дейча «Служили два товарища...», в которой содержатся сведения, не соответствующие действительности, в частности, о том, что я, Стрельников, отказал в санкциях на арест Урушадзе и что я «руководил следственными группами по расследованию событий в Алма-Ате, Тбилиси, Риге и Вильнюсе и в каждом случае признавал виновными жителей, а не власти».

Указанная публикация оскорбляет мою честь и достоинство, наносит ущерб моей репутации, причиняет мне моральный вред.

полезные реформы. Однако изложенные в статье обстоятельства не частны, а весьма симптоматичны и дают основание сомневаться, что в окружении «бывших» министр сможет принести пользу России.

На встрече с руководством МВД 04.04.92 г. я пытался обсудить эту проблему, однако наткнулся на атаку окружения В.Ерина. Более того, мне было заявлено, что «я — самоубийца и мне еще придется вернуться...».

Борис Николаевич, такие, как я, были «самоубийцами» еще в 1989—1990 гг. Неужели мы ими и остались?

С учетом изложенного прошу назначить президентскую комиссию с моим участием для проверки изложенного в прилагаемой статье дела и представления Вам выводов, в том числе и о кадровом составе руководства МВД.

С уважением, Ю.Лучинский, народный депутат РФ, майор милиции

«КАК РУКОВОДИТЕЛЬ ОТДЕЛА... НЕ СОСТОЯЛСЯ»

В номере 13 за 1992 год под рубрикой «Скандал» опубликован очерк Марка Дейча «Служили два товарища...». Материал автором подан тенденциозно, фактические обстоятельства грубо искажены, редакция и читатели введены в заблуждение.

Коротко о сути дела необходимо сказать следующее.

По инициативе руководства для работы в следственной части МВД в 1988 году из Санкт-Петербурга были приглашены В.Савченко и С.Герасимов, положительно зарекомендовавшие себя на предыдущих должностях, в короткие сроки они были обеспечены жильем в г.Москве, активно включились в расследование сложных уголовных дел, продвигались по службе. Савченко в мае 1989 года был назначен на должность начальника отдела. Однако за профессиональными качествами этих следователей скрывались такие особенности характеров, которые в дальнейшем сделали невозможным их пребывание в коллективе следственной части.

Амбициозность, карьеристские устремления, высокомерие и пренебрежительное отношение к коллегам, полное отсутствие самокритичности стали нетерпимыми и нанесли серьезный ущерб делу. Как руководитель отдела Савченко не состоялся, и, когда после штатных преобразований он не был рекомендован к назначению на должность начальника, последовали грубые шан-

ДВА ТОВАРИЩА

И МНОГО
РАЗНЫХ
МНЕНИЙ
О ТОМ,
КАК
ОНИ
СЛУЖИЛИ

В соответствии с Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации» требую опубликовать опровержение с признанием недостоверности указанной публикации без комментария журнала.

В.К.Стрельников

ДЕПУТАТСКИЙ ЗАПРОС

Президенту Российской Федерации
Б.Н.Ельцину
Копия — в журнал «Столица»

Уважаемый Борис Николаевич!

В 1990 году я по депутатской линии знакомился с данным делом и беседовал с С.Герасимовым. Также я по парламентской работе хорошо знаю журналиста Дейча, который никогда не публикует дешевых сенсационных материалов.

Более того, имея опыт работы в следственной группе Т.Гдяна, я могу утверждать, что описанные события и методы расправы со следователями — точная копия того, что было с «узбекским делом».

Сейчас министр ВД РФ В.Ерин пытается провести очень, на мой взгляд,

таж и клевета. В самый ответственный момент завершения следствия по делу о взяточничестве в «Востокинторге» Герасимов отказался составлять обвинительное заключение и заявил, что он продолжит работу только после назначения Савченко начальником отдела. Он рассчитывал на безусловное выполнение своих требований, поскольку передача 70-томного дела с практически исчерпанным сроком следствия другому следователю ставила на грань развала более чем годичный труд десятков специалистов.

Коллектив следственной части с возмущением осудил такое поведение Савченко и Герасимова, признал невозможной дальнейшую совместную с ними работу и возбудил ходатайство об отчислении их из центрального аппарата. Следственный комитет в подавляющем большинстве укомплектован высокопрофессиональными, глубоко порядочными и мужественными людьми. Они не позволили Герасимову погубить дело и в невероятных условиях сумеют завершить следствие. От законной ответственности взяточники «Востокинторга» уклониться не смогут.

Когда Савченко и Герасимов это поняли, в ход пошли рапорты и обращения к прессе с клеветническими выпадами в адрес руководителей следственной части и министерства. Рапорты проверены, факты не подтвердились. Выступление газеты «Куранты» по делу о хищении на Ставропольском ликеро-винном заводе (с подачи названных лиц) суд признал не соответствующим действительности и обязал ее опубликовать опровержение.

С той же недобросовестной подачи вышел в эфир на волнах радио «Свобода», а затем на страницы журнала «Столица» и Марк Дейч, не утруждая себя проверкой сообщаемой ему информации, как того требует от журналиста пункт второй статьи 49 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Бесцветные личности заурядных карьеристов, для пущей важности упомянутые в одном ряду с широко известными именами В.Бакатина и А.Гурова, представлены автором в качестве несгибаемых борцов с «мафией в МВД», изгнанных за политические убеждения. Герасимов уволился по собственному желанию, Савченко пока не определился в этом вопросе, но из органов внутренних дел их никто изгнать не пытается. Лишь в центральном аппарате МВД работать они больше не имеют морального права.

По поводу грубого искажения фактов и попракия российского законо-

дательства мы намерены определиться с г-ном Дейчем в судебном порядке, а редакцию журнала «Столица» на основании ст.44 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», просим опубликовать настоящее опровержение.

*Заместитель начальника
Следственного комитета Л.Титаров*

«ЗАРЕКОМЕНДОВАЛ СЕБЯ ПРИНЦИПАЛЬНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ»

Аттестация

на подполковника милиции Савченко Владимира Андреевича, начальника отдела по расследованию наиболее опасных преступлений в сфере экономики следственной части ГСУ МВД СССР, 1946 года рождения, чл. КПСС с 1974 года

Савченко В.А. на следственной и руководящей работе в органах внутренних дел с 1973 г. В мае 1989 г. назначен на должность начальника отдела по расследованию наиболее опасных преступлений в сфере экономики следственной части ГСУ МВД СССР с должности старшего следователя по особо важным делам того же отдела. Имеет большой опыт и теоретическую подготовку, в 1988 году закончил Академию МВД СССР. За время работы с 1988 года в центральном аппарате зарекомендовал себя высококвалифицированным специалистом, энергичным, принципиальным и требовательным руководителем. Служебные вопросы решает целеустремленно и на хорошем профессиональном уровне. Много внимания уделяет оказанию практической помощи следователям в организации расследования тяжких преступлений в сфере экономики. С этой целью регулярно выезжает в места дислокации следственно-оперативных групп, лично участвует в проведении наиболее сложных и ответственных следственных действий, планировании направлений работы по делам. Свой опыт и знания умело передает подчиненным. Обладает организаторскими способностями. Тщательно готовит процессуальные и служебные документы. Политически развит, начитан, активен на занятиях по марксистско-ленинской подготовке. В коллективе пользуется авторитетом.

Вывод: подполковник милиции Савченко В.А. занимаемой должности соответствует. Предлагается установить месячный оклад денежного содержания в размере 400 руб.

*Заместитель начальника
следственной части
ГСУ МВД СССР Л.И.Титаров*
22.12.89 г.

КОМУ НУЖНЫ ПРОФЕССИОНАЛЫ?

До увольнения из органов внутренних дел я несколько лет работал в этом подразделении и лично знаю всех сотрудников следственного комитета, упомянутых в статье М.Дейча. Предполагая, что в редакцию поступят официальные отклики МВД России, как обычно сводящие все и вся исключительно к личным взаимоотношениям «плохих» и «хороших» людей, считаю необходимым высказать свое мнение о главной проблеме, затронутой в статье, — проблеме профессионализма.

Нужны ли существовавшей и существующей ныне системе правоохранительных органов профессионалы? Не на словах, произносимых с различных высоких и не очень высоких трибун, а на деле? Ведь профессионализм — это не только длительный стаж работы по специальности, не только знание законодательства и т.п., это прежде всего умение принимать решения, решения грамотные, профессиональные, может быть, единственно верные. На это способны не все сотрудники, даже имеющие многолетний опыт работы. Решение, принятое профессионалом, не обязательно совпадет с «мнением» и «планами» руководства, и тогда возникнет конфликт, разрешаемый по принципу «ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак», и появятся глубокомысленные заключения проверяющих о «дезорганизации работы», что сродни делам о «вредителях», роших как грибы в небезызвестный период деятельности нашей правоохранительной системы. Вот таким образом и оказались «вредителями» Сергей Герасимов и Владимир Савченко, хотя они профессионалы.

А на профессионалов-юристов спрос сейчас большой, но не со стороны правоохранительных органов, а со стороны коммерческих организаций, денег на ветер, как известно, не бросающих. Именно поэтому служба кадров МВД России до настоящего времени не удосужилась использовать Владимира Савченко в какой-либо должности и предпочитает выплачивать ему зарплату за счет средств налогоплательщиков. Сергей Герасимов вместе со мной работает в юридической фирме «Феникс», его уважают клиенты фирмы и соответствующим образом оплачивают его труд. Вот и ответ на вопрос о том, кому сейчас нужны профессионалы.

*С уважением, В.Гладинов,
директор юридической фирмы
«Феникс»*

Все началось года три назад. Когда от разговоров — надо, дескать, вернуть Церкви награбленное — перешли к собственно возвращению. Оказалось, что две трети московских храмов заняты под культуру. Под музеи, реставрационные мастерские, выставочные залы. Разумеется, у этих совсем не коммерческих организаций нет денег, чтобы построить себе новый дом или купить. У них вообще не очень много денег. А о какой-либо компенсации Церковь и слушать не хочет.

В начале века отобрали — в конце извольте вернуть. Все остальное — ваши трудности.

В конце прошлого года на пресс-конференции в Министерстве культуры РСФСР настоятель церкви Всех Святых на Кулишках о. Мартирий благодарил Бога за то, что здание досталось общине в сравнительно приличном виде. Я встал и спросил, как он намерен отблагодарить малоимущих сотрудников Музея истории Москвы, которые и в рабочее, и в свободное время чистили, реставрировали храм в надежде разместить там свою археологическую экспозицию, а затем безропотно вернули верующим, дали им иконы, даже люстру.

— Никак не намерен, — обиделся батюшка. — То был их долг перед Богом.

Правда, не музейщики и не реставраторы отнимали в восемнадцатом церковное имущество. И не у тех священников, что требуют сейчас отдачи долга. И не у того Православия. Увы, не то сейчас Православие. Не верите — читайте Ивана Шмелева.

Большинство требуемых Патриархией зданий — памятники архитектуры, а духовенство, как мне рассказывали в Управлении госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы, не очень аккуратно в соблюдении охраняемых законодательств. Не так давно, например, настоятель церкви Трифона в Напрудном распорядился вырубить в кладке конца XVI — начале XVII века ниши, повесить нелепые батареи отопления, приставить двери чуждого стиля. А церковь — ценный памятник, входит в учебники по архитектуре.

Несколько лет назад речь шла лишь о передаче культовых зданий. А недавно мне попало письмо Патриарха Алексия вице-мэру Ю. Лужкову. Суть — нужно «перевести ранее отторгнутое церковное имущество вновь в собственность Церкви». И достойное окончание: «Уверен, что положительное решение поднятых вопросов будет способствовать благу нашей Святой Церкви и православного верующего народа». А далее

ЧЕРНЫЕ КУПОЛА

Москвичи боятся приватизации. Во-первых, конечно же, приватизации собственных квартир. Потому что не знают, какие будут налоги. И, во-вторых, они боятся приватизации вообще, как явления. Боятся, что богатые и сильные их, бедных и безвластных, просто не поймут. И обидят. Среди возможных обидчиков числят инофирмы, префектуры, просто непорядочных лиц. Юридических и физических. А последнее время — и Церковь.

— список из 39 объектов. И среди них — всего два храма.

Владыки не устояли перед главнейшим мирским соблазном эпохи — приватизацией. В списке 9 жилых домов. Бывших доходных домов церквей, монастырей, подворий. Но их обитателям от этого вряд ли станет легче. Для них Церковь — захватчик, агрессор. Может быть, никто их и не тронет, и останутся они на своих квартирах, только плату станут в другое место перечислять. Но нет гарантий. И вопрос — какую плату.

Здесь Российский государственный гуманитарный университет, Детский фонд, Центральная студия

документальных фильмов, Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства. Возможно, профиль этих учреждений и не станет меняться. Но идеи православия, видимо, будут обязательными для их работы. А несогласным придется уйти.

К тому же у Патриархии очень мало денег. У недавно отреставрированной церкви Владимира в Старых Садах — черные купола. Кресты — золотые, ободки внизу — золотые, а между ними — черные купола. Деньги придется зарабатывать, сдавая помещения под разные мероприятия. Это практиковалось до революции. В Казанском подворье (пр. Сапунова, 11) действовал трактир Бубнова. Он «занимал два этажа громадного дома и бельэтаж с анфиладой роскошно отделанных зал и уютных отдельных кабинетов.

Это был трактир разгула, особенно отдельные кабинеты, где отводили душу купеческие сынки и солидные бородачи-купцы, загулявшие вволю... К Бубнову переходили... если лишки за галстук перекаладывали, а от Бубнова уже куда угодно, только не домой. На неделю разгул бывал».

Казанское подворье входит в список. Не появится ли там нечто подобное?

Кстати, не все здания, имеющие фактическое отношение к Церкви, юридически являлись ее имуществом. Вдовый дом Попечительства о бедных духовного звания, что по Армянскому переулку, 11 (он тоже в списке), в народе называли «горихвостовским» заведением, потому что оно сохранилось на средства Дмитрия Горихвостова. И потомки мецената, если уж на то пошло, имеют больше прав, чем Церковь.

В письме есть такие слова: «Список церковных зданий не является полным. Над изучением вопроса бывшей церковной собственности мы работаем и по мере выявления оставшихся церковных зданий и необходимых сегодня для удовлетворения нужд Церкви будем представлять дополнительные списки». Уже начинаются разговоры о зданиях, в которых были домовые церкви, а были они почти всюду.

Есть в письме и такая фраза: «Наша Церковь остро нуждается в помещениях для воскресных школ, типографий, дел милосердия, духовного просвещения, благотворительности и др.».

Да, нуждается. Но почему Церковь считает, что счастье одних можно построить за счет ущемления других?

Алексей МИТРОФАНОВ

А Я ЖИВУ БОГАТО...

Прочитала в «Столице» № 16 письмо Ю.Ильина «Страна уже не на переправе, а в трясине», в котором автор выразил свое отношение к российскому правительству. Судя по содержанию письма, идеология его автора большевистско-коммунистическая: все та же самоуверенность, неприкрытая ложь, тот же расчет на то, что народ — дурак...

Итак, во-первых, Ю.Ильин сделал удивительное «открытие»: страна в трясине. Опомился! А где же ей еще быть после 73 лет правления коммунистов? Из трясины и старается вытащить матушку Россию правительство. И каждый здравомыслящий хорошо понимает: ой, как трудно это сделать!

Во-вторых, по мнению Ю.Ильина, правительство поступило «преступно и глупо», начав реформу с освобождения цен. Но куда преступнее и глупее поступили коммунисты-большевики, полностью разграбив за 73 года свою же страну.

В-третьих, хочу сказать насчет «живой статистики» российского правительства. Я пенсионерка, сегодня живу так же, как жила два года назад, работая: зарплата тогда не поднималась, а цены росли беспрерывно. Пять лет назад моя пенсия была бы 53 рубля. Теперь же она в мае будет 814 рублей. Сравним: яблоки у нас на рынке тогда стоили 4—5 рублей, мясо — 3—5. Сегодня яблоки стоят 40—50 рублей, мясо — 50—55. За какую же черту бедности я отброшена сегодня? Для меня эта жизнь самая богатая за все прожитые годы.

Я согласна с выражением Ю.Ильина «бандитское повышение цен». Но в этом повинны опять-таки не демократы. В моем городе Копейске на всех постах по сей день сидят те же некомпетентные бессовестные коммунисты, которые стремятся как можно больше урвать себе и бандитскими своими методами придушить народ. С птицефабрики к нам везут свежие яйца по цене от 13 до 20 рублей, а торговать ими не разрешают, чтобы не сбивали цену в государственных магазинах на тухлые яйца (они продаются по 29 рублей 65 копеек). Точно так же дело обстоит с другой продукцией. Мясо, рыба в «уткинских» (у нас глава администрации города — Уткин) магазинах тухлые, но все это идет в продажу. А если появится на базаре мясо свежее и дешевле — ЧП. Почему все это происходит? Да потому что у главы администрации идеология такая, то есть большевистско-коммунистическая: делать все, чтобы затормозить реформы. И в этом его всегда поддержит другой большевик — председатель облисполкома П.Сумин. В области сгноили 300 тонн сливочного масла, а защитники коммунистов, агитируя народ идти в наступление против правительства, врут (стараясь вызвать у людей

панику), будто в школах дети только и знают, что падают в обморок. Вот и надо было отдать масло детям.

В заключение своего письма хочу посоветовать Ю.Ильину и ему подобным, чтобы выступали они от своего имени, а не от имени всех пенсионеров и народа. От имени народа дано право выступать президенту: он избран народом, и народ в нем не разочаровался. Имеют такое право и депутаты, которые не предали своих избирателей. А то слишком много у нас сегодня «заботливых» о народе появилось.

Л.Добрынина

г.Копейск
Челябинская область

ПОСЛЕДУЕМ ПРИМЕРУ ДАНИИЛА?

Мавзолей Ленина, бывший одно время и мавзолеем Ленина—Сталина, прочно вписался в облик Красной площади и, по-видимому, должен быть сохранен (как и Лобное место) в качестве исторического памятника. (Сказанное не относится к расположенным на его задворках расоронениям коммунистов, которые должны быть перемещены на обычные кладбища столицы.)

Но, как и Лобное место, мавзолей должен изменить свое функциональное назначение. В связи с противоестественным, некрофильским культом В.И.Ленина, осуществляемым в этом сооружении, не могу удержаться от нижеследующей аналогии. В 14-й главе книги пророка Даниила содержится упоминание об идолу по имени Вил (совпадение с инициалами вождя мирового пролетариата впечатляющее, но, полагаю, случайное). Идолу поклоняются, как живому, — кормят его и т.д. (на поверку, впрочем, оказывается, что пищу съедает жрец — числом 70, нечто вроде ЦК правящей тогда в Вавилоне партии, а также их домохозяды). Неугомонный Даниил, носитель «нового мышления» той далекой эпохи, разрушает идола и благодаря этому получает возможность умертвить «без меча и жезла» некоего дракона (сегодня хочется думать — символ тоталитаризма), которого чтили вавилоняне. После того как Вил был сокрушен, дракон попросту рассеялся...

Тело того, кто «теперь живет всех живых», нужно либо предать земле, либо экспонировать в музеях мира наряду с мумиями египетских фараонов, либо... Но оно должно быть исключено из патристической атрибутики возрождающейся России. Оно не может находиться в одном ряду со священным триколом, под которым сражались с большевизмом белье армии и под которым происходила защита «Белого дома», а также с двуглавым орлом, который, я надеюсь, вернется. Система патристических символов должна быть внутренне непротиворечивой — без этой эле-

ментарной предпосылки не возродиться патриотизму россиян, вытравленному коммунистами (помните, в их «Манифесте» утверждалось, что «рабочие не имеют отечества»).

Ну а сам мавзолей следовало бы преобразовать в памятник жертвам коммунистического режима. Расширить вход, зажечь внутри Вечный огонь... И пусть там звучат траурные мелодии.

Тогда строение это свяжется общим смыслом и с Лобным местом, и с расположенной за углом Кремля могилой Неизвестного солдата.

В.Тихомиров

Краснодар

МЫ БАЛАНСИРУЕМ НА ГРАНИ...

Автор статьи «Как я не спас страну» («Столица» № 17) Александр Янов просит читателей назвать причину его неудач с созданием международного штаба помощи нашим реформам. Скажу с точки зрения «простого» гражданина. Этих причин, я думаю, несколько. Это и обычное для русских — «авось пронесет», «пока гром не грянет...». Это и неудобство просить: роль просителя русскому человеку хуже ножа... Да и далеки от нас Тэтчер, д'Эстен и другие (может, правда, для Ельцина они ближе, но тоже сомневаются). Общественное сознание эволюционирует очень медленно, и пройдет, по крайней мере, 10—20 лет, пока Россия осознает свое новое положение. А пока живем старыми понятиями.

В чем, безусловно, прав А.Янов: момент сейчас решающий. Но далеко не все люди понимают это. Мы живем на грани, просто балансируем. Если к осени не будет улучшения, то демократы слетят, а придут к власти самые яркие фашиствующие элементы. Такое впечатление, что демократы этого не ощущают. Например, сегодня в местной газете опубликовано о снятии последних дотаций — на молоко для детей до трех лет на молочных кухнях. Не думают демократы, как нажить общественный капитал. Конечно, у нас еще не голод. Но малейшее ухудшение положения — и все полетит прахом.

Л.Пинчук

Нижний Новгород

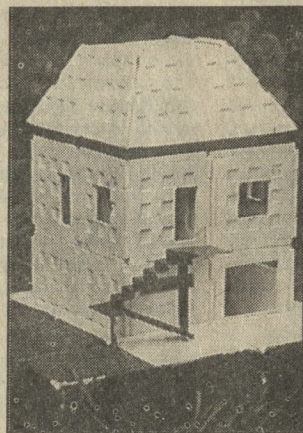
Дом из кубиков? Это очень просто!

Кто из нас в детстве не играл в кубики? Из стандартных элементов при известной доле фантазии и достаточном количестве комплектов можно было возвести целый город на полкомнаты. А почему бы не попробовать строить из кубиков настоящие дома? Конечно, это должны быть необычные кубики, и не только по размерам, но и по конструкции. Например, такие, какие разработали военные строители из НИИ Минобороны под руководством кандидата технических наук полковника запаса Л.П.Шестакова. Ну а поскольку одна из самых острых проблем сейчас — обеспечение жильем самой обездоленной части военнослужащих — демобилизованных из армии, не имеющих зачатую крышу над головой, — то за освоение выпуска этих «кубиков», или, иначе, сотовых объемных блоков, взялся действующий под эгидой «Фонда социальной защиты бывших военнослужащих» концерн «Коммунтехника». О новом методе строительства рассказывает президент концерна ВИКТОР ИВАНОВИЧ ГОРОДОВ.

Суть предлагаемого метода довольно проста. Из отдельных панелей изготавливаются объемные блоки, мы их называем сотовыми, из них, как из конструктора, собираются дома, а зазоры между блоками заливаются связующим веществом. То есть метод удачно сочетает преимущества трех существующих видов строительства. Основной деталью объемного блока является панель. Для всех элементов домостроения, от фундамента до крыши, она имеет одни габариты: 3х3 м при толщине от 1,5 до 6 см. Отливается такая панель из цемента и песка, армируется сталью и весит всего полтонны. Шесть таких плит, часть из которых может содержать оконный или дверной проем, соединяются специальным замком «трехпалый якорь», обеспечивающим необходимую жесткость и прочность конструкции. Расчетные нагрузки таких кубиков позволяют строить дома высотой до 50 этажей.

Транспортировка панелей сложностей не представит, объемные блоки будут собираться непосредственно на стройке. Площадь блока — 9 кв.м, — хоть и достаточна для кухни, но мала для комнаты. Поэтому возможна состыковка двух и более блоков без какой-либо из перегородок для получения помещений большей площади.

ную арматуру и ориентироваться на высокий уровень оплаты труда, то полученная стоимость в расчете на 1 кв.м площади будет гораздо ниже, чем при существующих традиционных методах строительства. Наши расчеты показывают, что себестоимость блока не превысит 6 тысяч рублей. Даже при продажной стоимости в 10—12 тысяч один квадратный метр обойдется чуть более тысячи рублей. А если кто-то имеет возможность приобретать материалы по льготным ценам, то выигрыш будет еще заметнее.

Сейчас мы приступаем к созданию специализированных конверсионно-строительных объединений, которые будут не только выпускать блоки, но и строить из них. Конечным продуктом таких объединений будет сдача заказчику конкретного дома на конкретном участке. У нас же можно будет приобрести и готовые формы для отливки плит, а также конструкторскую и технологическую документацию.

Продуманы также коридоры и лестничные марши. Не представляет трудностей собрать как офисные помещения, так и помещения под промышленные нужды. Наши соты выдержат перекрытия длиной до 36 м. Один или два таких кубика можно поставить на садовом участке, пристроить веранду и, перекрыв крышей, получить садовый домик. На установку уйдут считанные часы. А можно собрать и двухэтажный коттедж, с подземным гаражом и подсобными помещениями.

Как видите, конструкция является достаточно универсальной, легко можно увеличить объем уже имеющегося здания. Для улучшения звукоизоляции можно оставлять между кубиками небольшие зазоры и заливать их связующим веществом, например пенобетоном. Предполагаем использовать также и биотехнологии. Наружные элементы здания могут завешиваться дополнительными панелями с заливкой промежутка или обкладываться кирпичом. Сейчас нами приглашена группа архитекторов для разработки типовых проектов.

Одно из несомненных достоинств предлагаемого метода — его дешевизна. Даже если при расчете стоимости исходить из биржевых цен на бетон и сталь-

Наш адрес:
101942, Москва,
ул. Мясницкая, 13
Тел.: 921-39-50, 927-22-88
Факс: 921-25-85
Телетайп 11426 «Табак»

Коммунтехника

Сергей МИТРОФАНОВ

СТИХИЯ ЗАСТОЙНЫХ ЛЕТ

Бард Юрий Визбор

Когда лет
пятнадцать назад мы
слышали
сакраментальный
вопрос: «Как
живешь,
молодежь?» — мы
только улыбались
бледной
кривенькой
улыбочкой —
настолько странным
нам казался диалог
на эту тему. Были
битники, хипы,
наркоманы,
диссиденты. Были
внешняя и
внутренняя
эмиграции. Было
молчаливое
подполье. Много
чего было. И хотя
этот вопрос
обращен был,
собственно, к нам,
но говорить об
этом... с кем? зачем?
где?

Мы попали в щель между словом и делом, но казалось, даже обжились в ней, и, когда массовая культура тех лет представляла нам задорных комсомольцев, с открытым забралом вступающих в бой и обреченных побеждать каждую отдельно взятую несправедливость (при всем при том, что общая несправедливость побеждала по всему фронту, мы это знали), нас это не то что бы не удивляло, не касалось...

Теперь снова можно спросить: «Как живешь, молодежь?» И даже можно вроде бы честно ответить. Только вдруг оказалось, что этот вопрос уже не про нас. На сцену из голубого и зеленого театрального дыма выходят нынешние молодые, берут нехитрые три аккорда и называют это металлический рок.

Тот вопрос мы пропустили безвозвратно, тем самым пропустив и зачеркнув гораздо большее — свое время, потому что цивилизации продолжают жить только в манускриптах летоисцев и целые тысячелетия, бывает, пропадают в нерасшифрованных, утерянных, а тем более в неначатых записях. Еще несколько лет назад мы были уверены в том, что время не позволит нам оставить свидетельства нашего существования. Семья, работа, образование, обязанности, казалось, спрессовали нашу молодость. Мы понимали, что лишены были своей войны, своей революции, своего приключения, и, если «потерянное» поколение Запада хранило память о каких-то «лучших годах жизни», нам казалось, их не было и они не наступят никогда.

Так о чем я пишу? О том, что можно найти в любой нехитрой биографии. Историю борьбы с искушением быть не собой, когда в финале ее, пролистая свои старые записные книжки (письма, дневники — кто этого не испытывал?), среди невнятного телефонного хора уже не ведомых никому саш, миш, рай, ты вдруг наткнулся на свои, но как бы чужие рифмованные нервные строчки, испытывая сложное чувство, будто наткнулся на трупы устраненных свидетелей, свидетелей своей душевной деформации.

В одной книге я прочитал мысль о том, что когда-нибудь литературу заменят правдивые дневники. Не по-

нимая этого буквально (литературу никогда ничто не заменит, и театр никогда не умрет), я тоже могу констатировать важность конкретного опыта конкретного «я». Мой собственный творческий опыт был неудачен, но как опыт полезен.

Однажды меня познакомили с настоящим действующим бардом, и о нем я просто обязан вспомнить. Бард был зациклен на горах, лыжах и мужской дружбе. Об этом он иногда писал короткие статейки. Больше-лобые читали их с улыбкой. Зато в кругу таких же зацикленных он имел бешеную популярность. Считалось, что нет лучших в жизни моментов, чем сесть у костра и спеть его песни. Одна московская чета даже выкинула всю мебель из комнаты и разбила в ней палатку, чтобы продолжить сладкую иллюзию. Такой романтизм поощрялся. Они считали, что вся правда жизни — это правда натянутого каната, дружба — это когда тебя вытягивают из расщелины, а риск — это риск сложного маршрута. В светлом городе всего этого нет и быть не может, в светлом городе надо жить по другим меркам, никого никуда не вытягивать и стрелять рубли.

Бард обо всем этом пел. Барда звали Юрий Визбор.

Меня спротежировала тогда одна моя родственница — актриса, обычно в свободном полете искавшая себе развлечения, и вот в один из ноябрьских дней 77-го года мы очутились у него на квартире.

На первый взгляд Визбор казался мне таким очень приятным и умным проходимцем. Он сидел упи-таный, сильный и пронизательный. В углу нормально захлавленной комнаты стояли огромные лыжные ботинки и лыжи. Главным же был письменный стол с внушительной пишущей машинкой. Загородившись странными приборами с перепутанными проводами, возможно, магнитофонами, Юра читал книжку и делал вид, что внимательно слушает.

Родственница что-то невпопад бредила по поводу новой постановки МХАТа. Когда она ушла, Визбор вдруг осмысленно посмотрел на меня и спросил: — А откуда, собственно, ты про меня знаешь?

Этот вопрос Визбора действи-

тельно волновал. Дело в том, что в 70-е годы его фамилия практически не встречалась. Видимо, наметилась какой-то рецидив недоверия к бардам, пусть даже и к таким — «безобидным». Однако с неконструктивного еще возраста я понимал, как бодро и радостно пел он: «Мама, я хочу домой». И чем-то это прочно связывалось с общей атмосферой 60-х годов. Впоследствии мои более опытные друзья, когда в разговоре произносились фамилия Визбор, почему-то с загадочным видом переглядывались и произносили: «Да-а, Визбор голова, ему палец в рот не клади...» Когда в «Повторном» пошел «Июльский дождь», я его, конечно, посмотрел.

Так приблизительно я все и объяснил, попытавшись развить, почему я не принял фильм Хуциева. Фильм оказался неоправданно оптимистичным, сказал я и хотел добавить, что автор честно ошибался.

— А ты бы хотел, чтобы он оказался оправданно пессимистичным, — усмехнулся Визбор.

С разговора о кино мы перешли к разговору «про жизнь».

— Так, значит, ты хочешь поменять профессию? — спросил Визбор, и далее мы перебрали варианты, сойдясь на том, что профессия актера — «чушь собачья».

— Да они ни в чем не разбираются, — объяснил я, посмотрев на дверь.

— Да, актеры очень темные люди, — задумчиво согласился Визбор, — у меня жена была актрисой, вернее, одна из жен, так что в этом я немного понимаю. Если мне предлагают хорошую роль, то я соглашаюсь, а так... стать актером, слуга покорный. Они рабы, причем часто в руках подлецов...

Я сказал, что хочу сменить профессию (а я тогда работал инженером в ВПК) также из-за того, что мне в проходной каждый раз приходится снимать темные очки. Мелочь, но все же. На это Визбор возразил, что и ему приходится снимать темные очки, а если я решу уйти в искусство, то их придется снимать все время и надевать жизнерадостное лицо дурака. В искусстве, как ни странно, удерживаются не гении, а средние крепкие люди, которые могут играть при любых правилах игры.

— Вот это-то и интересно, — сказал я.

— Ну, если у тебя есть силы, чтобы

схватиться, то это хорошо, — пожал плечами Визбор.

У меня совершенно случайно или не совсем случайно оказались рассказ и несколько стихотворений.

На стихи Визбор сказал, что когда он видит яркий огонь, то ему всегда кажется, что он бенгальский, что это плач ребенка, которому можно или умереть или уничтожить причину своего плача. «К тридцати годам это проходит, — глубокомысленно заметил Визбор, — и приходит новое настроение, потом, правда, и оно проходит...» — он махнул рукой. После чего мы некоторое время молча задумывались, какое же настроение следует считать более адекватным времени и месту.

Вот такой у нас состоялся разговор, вероятность которого была ничтожно мала.

Позже я довольно часто приходил в квартиру Визбора, что на улице Чехова, где бард почему-то жил один, и со стороны видел, как с ним происходили какие-то не очень положительные изменения. Он встречал меня непонятной болезненной надтреснутостью, зябкостью в усыхающей фигуре, смешно утеплившись... Тоже мне — великий лыжник!

Ничего, конечно, мы не опубликовали, да я особенно и не верил в это. Да и не об этом я, но все равно я был очень, очень ему благодарен, благодарен за то, что в тот момент он оказался единственным человеком, который дружески поддержал меня в убеждении, что писать — не совсем пустое дело. По-прежнему по стенам висели подарки друзей и поклонников. Фотографии: Визбор, бодро раскуривающий шкиперскую трубку, Визбор, лихо стоящий с лыжами в ярком горном солнце...

И все это — неполный взгляд. За кадром осталась как раз та самая каткомбная кухонная культура, когда оказывается, что собеседники друг друга понимают, читают одни и те же и всегда легально изданные книги и, в общем-то, думают об одном и том же. Ведь даже каламбуры каким-то сверхчувствительным сверхпроводимым способом имели одновременное хождение.

«Суета сует», — говорю я при встрече шутку, очень симпатичную специалистам, близким к профессиональной проблеме употребления «е». «Нет-нет, в суете суют», — меланхолично ловит Визбор. Полное взаи-

Спецкор «Кругозора»
Ю. Визбор в Баренцевом море

мопонимание.

Позже я как-то смотрел какой-то лыжный телевизионный фильм и с болью думал, что для очень многих Визбор застрянет этим персонажем и этим текстом. Час экранных размышлений о системе спортивных тренировок, наверно, предполагает, что такие размышления занимают всю жизнь, что больше проблем нет. Зачем я это пишу? Наверно, и затем, чтобы что-то в нас реабилитировать.

Недавно мне рассказали, как сын битого-перебитого семидесятника, просмотрев передачу о лжи сталинизма и застоя, сказал: — Ну нам-то они так голову бы не запудрили — и, покровительственно оглядев «батьнюку», гордо ушел к своим приятелям — металлическим рокерам.

Печально. Я предполагаю, что беспоконный археолог послеатомной эры, разгребая наши черепки, делает вывод, да, вот в этом вопросе то поколение заблуждалось, оно думало... что движение к прогрессу происходит через укрупнение и разукрупнение министерств...

Вот вам! — заблуждались! Так же как не заблуждались Достоевский, Салтыков-Щедрин и Герцен относительно дурацкой активности своих соплеменников.

Только оно молчало.

Трагедия нашего поколения в том (...ах, если б это тогда понять), что оно не рассчитывало, что в глазах потомков предстанет (или будет забыто) с печатью интеллектуальной недонашенности...

Трагедия умереть, валяя ваньку...

«Ох, не к месту эта сказка, не к месту...»

Китай. Шла культурная революция. Хунвэйбины отправились на плановое осквернение храма. Навстречу им вышел служитель. «Все в порядке, — сказал он, — мы приняли встречный почин и все сделали до вас». Действительно, храм был основательно загажен. Все пожали друг другу руки, произнесли торжественные речи и отправились по своим делам. Прошло 20 лет. Культурная революция кончилась вместе с некоторыми особо яркими хунвэйбинами, и оказалось, что храм был замазан легко смывающейся краской — отмыли, и заиграл как новенький.

Трагедия, что мы, многие из нас, даже на это не рассчитывали.

Смерть Визбора меня потрясла. В гораздо большей степени, чем естественный конец стареющего родственника. Это что-то другое.

Мне почудилось, как будто вдруг размываются берега, и мой путь перестал казаться гордым лавированием по суровому морю меж рифов и скал, а стал тем, чем он был, — бултыханием на дне грязного котлована рядом со ржавым экскаватором. Ведь одно дело — у кого-то стоять за спиной, пусть даже если этот кто-то — полнокачественный инвалид с котелком, который прикроет тебя в силу одной лишь убогой материальности, другое — он упал, и самому, оказавшись на голом, отовсюду простреливаемом участке, отвечать за себя, прикрывать других.

Но пока обводили черной рамкой тех, за кого мы прятались. Они уходили, но, уходя, заслуживали доброго слова...

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ В ОПРАВДАНИЯХ НЕ НУЖДАЕТСЯ

Виюне состоится юбилей. Роберту Рождественскому исполнится 60 лет, и газеты напишут об этом. А может, и не напишут. Решат: Рождественский — советский идеолог, воспел революционеров и целую поэму мавзолею посвятил: «Двести десять шагов, двести десять шагов... Но от имени нас будет Ленин!»

А я поздравлю Роберта Ивановича. И не потому, что сочувствую большевикам. Для меня стихи Рождественского — не про советских людей, а вообще про людей, не про советскую родину, а вообще про Родину, не про победу одной тоталитарной системы над другой тоталитарной системой, а просто про Победу. И мне совсем не хочется считать их пропагандой. Да и не получится, пожалуй. Даже некогда обязательное превозношение кумиров у него — не столько превозношение кумиров, сколько «мужичонка-лиходея, рожа варежкой».

Скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров вспоминал: «Приехал я в Москву в ноябре 1910 года. Увидел храм Василия Блаженного — моя судьба была решена...»

А первое московское впечатление маленького еще Роберта — Казанский вокзал. Увидев надпись «Москва» и башенку с часами, он решил, что это — Кремль, а внутри сидит Сталин. Так уж соединилось к тому времени — Москва, Кремль, Сталин. И очень обиделся, когда объяснили, что это — всего лишь вокзал, Кремль — другое и Сталин находится вовсе не здесь.

А лет через десять Роберт Рож-

дественский поступил в литинститут. Учились там отличные ребята. Жили в далеком переделкинском общежитии, каждый день — электричка, на билеты деньги жалко тратить, а штраф — высоченный, соизмеримый со стипендией. Раз попадешься — весь месяц голодный ходишь. Зато стоило кому-нибудь получить перевод от родных — и большая компания угощалась в «Пекине». Отужинав, сотрапезники дотрагивались руками до карманов — «Прикоснулись!» — и смотрели на богатого приятеля. Тот возражал: «Ну, что вы...» — и, пригорюнившись, требовал счет. А счет иногда превышал перевод.

Но такое случалось не часто. Больше гуляли по набережным и трепались — кафе были не по карману. Играли в футбол, баскетбол...

И считали себя советскими людьми, и этим, пожалуй, гордились. Верили в официальную идеологию. Может быть, людям, занятым серьезным делом, некогда задуматься о пороках существующего строя. У них другая задача — самореализоваться «в тех условиях, в которых они оказались. Будь то изобретатели пороха или сочинители стихов.

Мои наиболее талантливые приятели в детстве занимались всякой комсомольской мельтешней. И не потому, что они — убежденные ленинцы. Просто эти люди принимали устав своего монастыря и, будучи при всем прочем порядочными и законопослушными (а разве плохие качества?), подчинились всеобщей морали.

А диссиденты даже после смены

строая чаще всего остаются диссидентами. С ними хорошо делать революцию, а в остальных случаях они неудобны и пагубны.

Мораль меняется непредсказуемо. Сейчас порядочный человек должен переправлять из региона в регион вагоны с сахаром, иметь наличные и безналичные деньги, вкладывать их во что-то. Довольствоваться зарплатой неприлично и даже оскорбительно для общества. Но, кто знает, может быть, смеясь над умудренными прогнозистами, наступит время каких-нибудь бесребренников и герои нашего времени испугаются собственных вагонов.

Я не оправдываю Роберта Ивановича. Он в этом не нуждается. Он — последний человек своей эпохи. И не только своей. Он собирает виды древней Москвы, и старушки, Бог весть откуда узнав о его увлечении, звонят, предлагают старинные гравюры и открытки. А на надгробьях встречаются строки из «Реквиема». Правда, это поэт не радуется, а скорее, смущается.

Роберт Иванович живет в большой и красивой квартире с «валютным» видом на Кремль и на Василия Блаженного. Не знает, какие сейчас цены, но он заслужил право на это незнание.

И я поздравляю его с юбилеем.

Алексей МИТРОФАНОВ

Галина ЛЕОНОВА

В СОЗВЕЗДИИ ПСОВ

Кто-то умный уже сказал: «Хочешь настоящую любовь за деньги? Покупай собаку»

Давайте играть, будто вы хотите купить собаку.

Вот приходите вы ко мне и говорите:

— Хочу собаку! Верную, умную, преданную, веселую, сильную, смелую, красивую.

— Хорошо, — отвечаю, — это можно.

Все посмотрели на себя!

Кто ты, мечтающий о собаке? Под каким знаком родился?

Если родился под знаком Весов, не бери себе пса, рожденного под тем же знаком. Ослушаешься — оба бу-

дете страдать от нерешительности друг друга.

Звезды показывают: если щенок родился под знаком Льва, ему будет присущ «комплекс превосходства». Не вздумайте на такую собаку кричать и вообще посягать на ее самолюбие. Будьте хитры, как змеи! Играя на тщеславии «Льва», похвалой и лестью можно заставить его творить настоящие чудеса.

Если вы одинокая женщина, постарайтесь раздобыть собачку, родившуюся под знаком Рыб. «Рыбки» чувствительны, добродушны, это тон-

кие и покладистые натуры, они щедро вознаграждают за внимание и заботу.

Считаете себя сдержанным, мужественным человеком? Прекрасно! Ищите себе «Водолея». «Водолей» презирает сюсюканье и чрезмерные нежности. Он не склонен к бурному проявлению эмоций, он строг. Ну и как водится, справедлив.

Ах, эти звезды!.. До них далеко, как до царя, и высоко, как до Бога. Звезды предполагают, но не навязывают, иное дело — люди. Люди непременно озабочены целью, практическим смыслом. Иначе зачем бы они выво-

дили, к примеру, собаки породы? Зачем бы у нас появились и крошки ши-тцу, и огромные доги?

Вспомните: пограничник с овчаркой, егерь с охотничьей собакой, монах с сенбернаром, спортсмен с фокстерьером, большое семейство с пуделем, старушка с болонкой — и так далее и тому подобное. Человек принимает собаку в свой дом, к себе в душу, на долгие годы и, делая это осознанно, ищет определенной гармонии.

Впрочем, случается и наоборот — и тогда собаки бывают кусачими, соседи превращаются во врагов, а друзья перестают ходить в гости. Люди легкомысленны и недалёковидны, а нашего, «совкового», человека особенно мучает комплекс неполноценности. Он жаждет возвыситься, обрести уверенность с помощью... ротвейлера или кавказской овчарки. Жалкое, угнетающее душу зрелище — неумелый хозяин во власти своего невоспитанного пса!

Давайте играть, будто вы хотите купить собаку, но никак не решите, какую же выбрать породу.

Хорошо, разберемся. Прежде всего мы посмотрим на вещи с практической стороны.

Допустим, вы купите собаку очень больших размеров. Сможете ли вы, мой дорогой соотечественник и современник, обеспечить большой собаке полноценное питание? Взрослому сенбернару нужно полтора-два килограмма мяса в день, немецкой овчарке — чуть меньше. Не забудем еще и про творог!..

Допустим, вы хитрый. Вы прошли советскую школу жизни и умеете изворачиваться. И вы, предположим, махнете рукой на строгие нормы и предписания: часть мяса замените костями, вместо творога будете кормить хлебом и кашей. Какая наивность!

Пища живого существа — это вам, извините, не гайки от железной дороги откручивать. Вы обманете только себя, но не природу: пес начнет толстеть и болеть. Опустошающие карман визиты ветеринара, поиски вечно дефицитных лекарств, тягостный вид собачьей немощи — вам этого хочется?

Теперь мы все с той же практической стороны посмотрим на эстетическую сторону нашего предмета — то есть собак.

Кто прекрасней всех на свете?

Лично мне очень нравятся собаки мохнатые: колли, афганы. Как приятно их тормошить! Как роскошны они в движении!..

Будет ли у вашей собаки длинная

раздражительны, не берите себе терьера и прежде всего: фокстерьера, бультерьера, керри-блю-терьера и велш-терьера, потому что вам будет плохо с ними. Эти псы чрезвычайно подвижны, непоседливы и беспокойны — в них живет дух бессмертного Монморанси. Таких собак обожают заядлые спортсмены и добродушные флегматики.

Если вы не охотник, не тащите в дом пойнтера, пудель-пойнтера, немецкого бракка, гриффона, легавых. Они совершенно непригодны для жизни в городской квартире, в семье.

Кто хотел бы иметь дома собаку с уравновешенным темпераментом, не слишком злобную и не пустилайку, не очень большую, но и не чересчур маленькую, пусть присмотрится к породам, наиболее популярным в Европе: коккер-спаниель (английский и американский), спрингер-спаниель, пудель, французский бульдог, миттельшнауцер, шотландский (скотч-) терьер и, конечно же, такса.

Чувствую, вы уже догадались, что у меня есть собака.

Допустим, вы проницательны. Правильно!

У нас коккер-спаниель. Английский. Рыжий, ушастый, веселый... Обворожительный!

Фото Ю.Штукина
Б.Кремера
Т.Шахвердиева

или короткая шерсть, пусть решает хозяйка дома. Длинношерстные собаки линяют весной и осенью, а если в доме есть ковры и мягкая ворсистая мебель, от падающей шерсти избавиться очень нелегко, даже с помощью хорошего пылесоса. Не забудем и о возможной аллергии! И еще: длинношерстной собаке, дабы сохранять красоту, понадобятся и стрижка, и прочие парикмахерские услуги — а сколько же это может стоить?

Так что: все прекратили завидовать, соблазняться и быстренько расселись по своим саням!

Прорицаю: если вы не катаетесь на лыжах, на велосипеде, не бегаєте трусцой, не совершаете дальних пеших прогулок — не связывайте свою жизнь с такими собаками: боксер, дог, доберманы, эрдельтерьеры, ирландский терьер (керри-блю-терьер), ирландский сеттер, сеттер-гордон и ризеншнауцер. Им будет плохо с вами. Для хорошего самочувствия им нужно много двигаться.

Если вы импульсивны, нервны,

ФЛИС НЕКРАСИВЫХ ЖЕНЩИН НЕ ВСТРЕЧАЛ...

Игорю Флису 32 года. Молод. Но уже очень известный фотомастер. Давно работает в печати («Огонек», «Семья»). Много публикуется за рубежом, даже в знаменитом журнале «Роллинг стоун». А еще он интересен тем, что «некрасивых женщин не встречал» (цитата из С.Мнацаканяна), что в то время, когда золотой телец поработает все новые и новые, даже самые стойкие души, когда на каждом углу (плюнуть негде!) продаются различные порнографические газетки и журнальчики, воспевают ее величество Женщину. Воспевают нежно, робко и одухотворенно!

Почувствуй у Игоря Флиса!

ТИХИЙ СМОТАЛСЯ ПО-ТИХОМУ

Мушкетер режиссерского факультета театрального училища им. Б.В.Шукина авангардист Саша Тихий, шокировавший в свое время театральную Москву спектаклем «Школарусского самозванца» (да-да,

именно одним словом!), где в течение 15 минут на сцене обмывали труп голого мужчины и разбивали пакет молока молотком, окатывая зрителей первых рядов, ныне свои эксперименты продолжает в Сан-Франциско. Зарабатывает на хлеб насущный... преподаванием в тамошних учебных заведениях системы К.С.Станиславского.

КТО ИЗБИЛ ВЛАДИМИРА ГРАММАТИКОВА?

По столице начали распространяться мрачные слухи о покушении на жизнь популярного актера и режиссера Владимира Грамматикова. Корреспондент «Светских хроник» Диана Камская попросила Владимира Александровича прояснить ситуацию.

— Честно говоря, не хотелось бы об этом говорить. Мне страшно за мою семью.

— И все-таки, что произошло на самом деле?

— Я вышел из киностудии. В час дня. Какая-то машина, проезжая, облила меня водой. Потом меня толкнули в спину, повалили, стали бить. Ногами. Я закрывал лицо. Но били, кажется, два человека.

— Вы подали в суд?

— Да нет. Боже упаси. Но когда я лежал в больнице, ко мне приходил представитель

правоохранительных органов, сказал, что будут искать хулиганов.

— Как сейчас ваше здоровье?

— Спасибо. Ребра мои срастаются (сломали два ребра). Вместе с одним ребром был вырван кусок легкого. Но оно сейчас затянулось. Так что все нормально.

«ЗВЕЗДНЫЙ» КАТАЛОГ

Наши «звезды» эстрады — почти как большевики. У всех псевдонимы. Псевдонимы эти сурово законспирированы. Но «Светские хроники» откроют вам небольшие секреты. Мы начинаем печатать энциклопедию эстрадных псевдонимов. Не в алфавитном порядке. А по мере их «рассекречивания». За точность на сто процентов не ручаемся, но попробуйте нас опровергнуть!

Итак, мы начинаем.

Стас Намин — Анастас Микоян.

Наташа Королева — Наталия Порывай.

Маша Распутина — Алла Агеева.

Андрей Разин — Вадим Криворотов.

Надежда Бабкина — Надежда Заседастелева.

Сергей Лемох («Кар-Мэн») — Сергей Огурцов.

Пока достаточно. Если башку не прошибут, будем печатать энциклопедию эстрадных псевдонимов дальше.

Эм Си СОЛААР: «У НЕГО ФИНГАЛ, КАК ГРУДЬ У САМАНТЫ ФОКС»...

В Москве выступил с концертами самый крутой певец французского рэпа Эм Си Солаар. Солаару двадцать два года. С университетским образованием. Музыковед по специальности.

На пресс-конференции (которая прошла во французском культурном центре) на вопросы отвечал классно.

— Возможна ли в рэпе импровизация словами?

— Запросто.

— Какие языки вы изучали в университете?

— Английский, испанский, русский.

— Так вы говорите по-русски?

— Нет. Знаю одно слово — «здравствуйте».

— Кем вы себя больше ощущаете — музыкантом или автором слов?

— Я ощущаю себя больше поэтом!

Потом журналистам раздали стихи господина Солаара. В переводе на русский. Не удержусь, чтобы не процитировать один из «шедевров»:

Я ушел. Я поперся на
Лионский вокзал.
Там ко мне привязался
здоровенный амбал.
Он, как лев, рычал: «МС, не
удобно ли бокс?»
У него фингал, как грудь у
Саманты Фокс.

После пресс-конференции журналистов угостили шампанским и киви.

Рубрику ведет Евгений СТЕПАНОВ

UPGRADE

г. Москва, 103092, Малая Сухареvская площадь, дом 2, строение 1. Телефон 207 1033, 207 4069, факс 207 1033

ПРЕДЛАГАЕМ ИЗ США:

AT 486/33MHz	- RAM 8Mb, Cash 64Kb, Hard 320Mb, Floppy 1.2 & 1.4Mb, SVGA, Mouse	530 тыс.р.
	- RAM 8Mb, Cash 64Kb, Hard 200Mb+120Mb, Floppy 1.2 & 1.4Mb, SVGA, Mouse	550 тыс.р.
	- RAM 4Mb, Cash 64Kb, Hard 120Mb, Floppy 1.2 & 1.4Mb, SVGA, Mouse	390 тыс.р.
AT 386/25MHz	RAM 1Mb, Hard 80Mb, Floppy 1.2 & 1.44, SVGA, Mouse	250 тыс.р.
AT 386SX/16MHz	RAM 2Mb, Hard 80Mb, Floppy 1.2 & 1.44, VGA, Mouse	230 тыс.р.
AT 286/16MHz	RAM 1Mb, Hard 40Mb, Floppy 1.2 & 1.44, SVGA, Mouse, 287 Coprocessor, Printer OKI ML-183 руссифицированный	190 тыс.р.
Notebook 386/33MHz	RAM 2Mb, Hard 40Mb, Floppy 1.44, VGA 32shades, 3.6kg	295 тыс.р.
LASER PRINTERS:	- EPSON Action Laser II (RAM: 2.5Mb, запасной тонер)	200 тыс.р.
	- PANASONIC KX-P4420 (RAM: 2.5Mb, запасной тонер)	200 тыс.р.
MODEM:	COMPLUS 2400e, external, MNP 5	25 тыс.р.

НЕМЕДЛЕННАЯ ПОСТАВКА СО СКЛАДА В МОСКВЕ.

ЦЕНЫ НА 10 ИЮНЯ 1992 Г.

ГАРАНТИЯ 12 МЕСЯЦЕВ СО ДНЯ ПРОДАЖИ.

ФАКС И ТЕЛЕФОН: 207-1033, 207-4108.

МФ

«Кантри»

предлагает по безналичному и за наличный расчет:

- товары народного потребления,
- игровые автоматы,
- торговое оборудование.

Адрес нашего магазина в Москве:
ул. Никольская, д.4.
Тел. 921-37-69

МЫ ВАМ ПОМОЖЕМ
РЕКЛАМНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ БЮРО

«ШУВИ»

ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ВИДЫ
ИЗДАТЕЛЬСКИХ РАБОТ:

редактирование технической и художественной литературы, вычитка, корректура, перепечатка, подготовка рукописи к набору, изготовление оригинал-макета для высокой и плоской печати.

ОПЛАТА ПО НАЛИЧНОМУ И
БЕЗНАЛИЧНОМУ РАСЧЕТУ
НАШ КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН:

190-41-94

(вторник, среда, четверг с 9.00 до 13.00)

НОЧЬ ВПЕРЕДИ?

«Долгая ночь Менахема Бейлиса»
Киностудия независимых при участии Западуралбанка (Пермь),
реж. Г.Илугдин

Чтобы банк финансировал документальную картину? Впервые слышу о таком смелом шаге. Картина хорошая. Жидовская, как сказала мне знакомая патриотка на премьере в Доме кино. О трагедии евреев в нашей несчастной России — не зря о евреях так неоднозначно говорят в фильме Г. Старовойтова, В. Жириновский, Д. Васильев. Даже необычно, не так, как мы привыкли слышать от них о межнациональных отношениях. И это тоже хорошо. Но высказывания нынешних политиков — лишь один из пластов. Фильм построен на стыке игрового начала и публицистики, жанры сплетаются, как пальцы. Режиссер, до этого поставивший «Диссидентов», верен своему основному кинематографическому приему — стилизации. Он стилизует основную часть фильма под хронику тех дней, когда приказчик Бейлис был обвинен в ритуальном убийстве

Кадр из фильма «Долгая ночь Менахема Бейлиса»

мальчика Юшинского. Хроника незаметно переходит в игровые эпизоды, реконструирующие атмосферу дореволюционных лет.

И перебив — пейзажи сегодняшнего Израиля, Страны Обетованной. И перебив — Освенцим, Сталин, гибнущая Варшава. Завтрашний день Бейлиса, вчерашний день Бейлиса, нынешний его день? Вот он, основной вопрос фильма — кончилась ли долгая ночь Менахема Бейлиса или она продолжается, а если продолжается, то будет ли ей конец?

Владимир БАТШЕВ

СПЯЩИЙ КРАСАВЕЦ

«Жизнь без сна»
«Пирамида-театр»,
реж. Н. Мартынов

Андерграунд — гони его в дверь, влезет в окно — у нас жив и (по-своему) процветает, хоть пиши о нем заметки, хоть издавай справочники. От того, что на поверхности и на слуху, отличается он, пожалуй, тем, что, в то время как вся окружающая среда напоминает разбуженного принца из драмы Кальдерона «Жизнь есть сон», андерграунд, сердечный, не просыпался и продолжает

сучить свои потерянные фенечки.

Так что, в частности, если увидите дымчатую афишку, сообщающую, что там-то тогда-то состоится спектакль театра (см. выше) режиссера (см. выше) и спонсор его — общество «Наука — производству России», верьте лишь со следующими амортизирующими ограничениями: ни такого театра, ни режиссера такого, с криминогенными в отношении «луны русской поэзии» ФИО — нет. Это — сон. Спонсор, правда, есть. А также спектакль, что и ценно. Нет нужды, что старая (1968 г.) малоизвестная короткая повесть В. Высоцкого трактует в сюрреалистическом духе тему всеобщего сумасшедшего дома, на который смахивает страна, — то есть то, от чего теперь спасу нет в телевизоре. Спектакль декадентски и ностальгически прислушивается к этой заезженной пластинке, каждый хрип которой и шорох вышибает у него слезу, фосфоресцирующую в виде белых одежд на безумных дельфинах; спектакль перебирает «волоски седые на головке детской», умиляясь их шелковистости. Нет нужды, опять же, что автор текста успел стать «суперстаром» и покрашенным серебрянкой бюстом: для создателей спектакля он — дядя Владимир Семенович, под «Коней привередливых» коего была некогда выпита первая рюмка водки, и в горле тогда першило так сладко... Напоминает все это отчасти «психологические» ламентации «Медгерменевтики», заботливо реставрирующей и ретуширующей образ детства, которое — ах! — осталось «там», а теперь все уже «здесь», и мы движемся к капитализму и совсем побросали уродливые мягкие игрушки, и рваные книжки с аршинными буквами, и доброго дедушку Ленина, и злого дедушку Гитлера... В общем, очень литературный спектакль на самом-то деле, совсем не «про психоз», а про то, что кое-кто все спит, спит... И не будите нас.

М.С.

Т. Деткина. Гражданская оборона
 (экспонат выставки
 «Баталия и идиллия»)

ГРЯДЕТ ЗОЛОТОЙ ВЕК АБСТРАКЦИИ

Галерея «Велта»

Судить художника, как известно, надо по законам, им самим над собою признанным. Особенно удачно получается, когда критик и живописец признают одни и те же законы и привержены одному и тому же «изму» — в данном случае это абстракционизм. Итак, попробую: «Весна, треугольник, зеленая земля, черная вода, оранжевое небо с неровным краем, у, 27, белый квадрат, л, ночь...» и так далее. Текст следует продолжать как угодно, любимыми словами, цифрами, буквами или фразами, но — обязательно долго, чтобы он стал конгруэнтен по величине полотнам Бориса Марковникова, которого «Коммерсантъ» уже припечатал как «большого абстракциониста». Настолько большого, что работы доставлялись к месту выставки на грузовике «Урал». Кстати, место само по себе выдающееся: галерея «Велта», открывшаяся несколько месяцев назад в Доме Советской Армии. Первой своей выставкой — «Баталия и идиллия» — она удачно и изящно отработала воинскую повинность, продолжила мирную тему экспозицией «Still liven» («Тихая жизнь»), а теперь обратилась к абстрактному искусству. Уже прозвучало и

совершенно абстрактное предложение (в телерепортаже, где в связи с вернисажем была высказана эта мысль, но не были названы ни художник, ни галерея) превратить «Велту» в галерею этого «изма». Думаю, военные не станут возражать. Тем более, что «Велта» приютила под своей крышей весьма конкретный «Золотой век», и, судя по прошедшим выставкам, есть надежда, что галерейщики возьмут на вооружение принцип этого журнала — опираться только на «золотую роту» искусства.

М.К.

ПРОЕКЦИЯ НА ЮНЫХ

«Бременские музыканты»
«Ленком», реж. П.Штейн

Детский спектакль — значит, много музыки и танцев, стремительное действие, не позволяющее задуматься, максимум световых и прочих эффектов и минимум назидательности. Спектакль «Ленкома» вполне соответствует расхожему стандарту: в нем взрывают и стреляют, пляшут светящиеся безголовые скелеты, в зал бьют разноцветные прожектора и летает в воздухе главный герой. Современные (и не слишком) выразительные средства избыточны, количество костюмов, которые беспрерывно меняют персонажи, как и число деталей выполняющей со сцены декорации, начисто отрицают стоны о бедности культуры вообще и театра в частности. Для обозначения всех, кто трудился на постановку, потребовался даже спецкладыш в программку. Правда, пение под фонограмму заставляет вздыхать о правде актерского существования, которую проповедовал когда-то художественный руководитель труппы. Правда, известная и уже несколькими поколениями любимая история о трубадуре и его друзьях потеряла в «современной версии» не только смысл, но и элементарную связность.

Правда, действующих лиц невозможно отличить друг от друга, отчего некому сочувствовать и не над кем потешаться. Правда... Но ведь взрослые могут предложить только то, что у самих есть за душой, — торжество телодвижений при отсутствии чувств и мыслей.

Алексей НИКИТИН

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ НИКИТЫ

«Урга»
К/ст. «Тритэ» и Франция,
реж. Н.Михалков

Если женщина, как говорят, не может быть отчасти беременной, то фильм, как выясняется, может быть отчасти классным. Например, когда в нем танцует под ветром желтый степной сухостой и китайские монголы с художественным изяществом разделяют барана. Или когда дикий человек из юрты едет в город за презервативами, а вместо них покупает телевизор и тот становится существом одушевленным вместе со всеми сопутствующими материалами (чего стоят одни круглые целлофановые подушечки на упаковочной пленке, суть которых пытаются поймать узловые темные пальцы монгольской старухи)... Вечный Восток и конечный Запад, несокрушимая Природа и обреченная Цивилизация, точный Инстинкт и ненадежный Разум. Пока виднеется в степи длинный шест под названием урга, оберегающий брачные игры возлюбленных от случайных свидетелей, — мир не пропадет. Торжество Дела тем очевиднее, чем очевиднее несостоятельность Слова. Не того, которое было вначале, а того, что в устах Михалкова, который посреди языческого праздника вдруг пускается в порядок надоевшие дискуссии по поводу почвы, корней и прочих радостей Русской Идеи. А в ней благополучно тонет классное кино про траву, барана и телевизор с презервативами.

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

КНИГА С ПРИВЕТОМ

Д.Хармс. «Горло бредит бритвою»
Издательство «Глагол»

Поздравляю независимое издательство с тем, что ему удалось преодолеть наваждение трех переизданий романа «Это я — Эдичка» и обратиться к фигурам менее спорным. Хотя и эта книга тоже вызвала бурные споры, но более локальные, чем «Эдичка», а потому менее заметные. Во-первых, «Независимая газета» по своему обыкновению сама себя высекла, сначала обругав книгу, потом похвалив и в заключение полемики с самой собой добавив нечто невразумительное. Во-вторых, круг хармсологов, воинственно настроенных друг против друга, в очередной раз забредил бритвою в горло соперника. Так и хочется им сказать: «Ребята, живите дружно». Ведь главное, что книжка, включившая «случаи», рассказы, дневниковые

записи с подробными комментариями, а также цикл «Псевдо-Хармс» (эти литературные анекдоты, сочиненные «под Хармса», в 70-х годах были модной салонной забавой), удалась и доступна читателю. Особенно это касается «Дневников» Хармса, поскольку при всем уважении к «Новому миру», тоже их опубликовавшему, номер журнала книгой назвать никак нельзя. Не обошлось и без традиционных для хармсиады «коровьевских штук»: в колонтитуле на странице 77-й неожиданно возник затерявшийся в постперестроечном литературном процессе писатель, тоже Даниил, но при этом — Гранин, и бесследно исчез уже на 79-й странице. Всякий, кто знаком с издательским делом, поймет, что это чистая чертовщина, ведь клише колонтитула изготавливается в одном экземпляре и им штампуются все листы издания подряд. Вот такой привет Хармсу от Гранина. Или наоборот?

И.Л.

Фирменная программа Никиты Михалкова «Перекресток» появилась в эфире со скандалом. Со скандалом она и канула в небытие. Вся фактическая сторона этого дела читателю должна быть хорошо знакома. Ей был посвящен специальный выпуск «Телескопа». О ней писали газеты. Нашло это событие свое отражение и в «Столице» — в статье В.Кичина (№ 24). Правда, опосредованное и вследствие этого далекое от реальной его фабулы. Получилась басня, состоящая из одной морали. Я как один из участников «коллективного харакири», как «унтер-офицерская вдова», как член секты Мэнсона, как «критик-самоубийца» мог бы от имени своего праха долго возражать автору. Но полагаю, что предлагаемый ниже текст, описывающий «случай Н.Михалкова», избав-

ляет меня от необходимости отдельно разбирать «случай В.Кичина».

Две вещи самоочевидны: а) телекомпания допустила непростительную глупость, сняв с эфира объявленную программу; б) Никита Михалков выжал максимум рекламного шума из этого обстоятельства.

Между тем за маршами, демаршами и контрдемаршами благополучно скрылась суть программы.

О чем она? Кажется, о Питириме, который перед Богом ответит, если он был генералом КГБ. Еще о Татьяне Митковой, которая должна была ответить перед ним, Никитой Михалковым, если бы приехала в студию. Кроме того, о Геннадии Бурбулисе, который еще ответит перед народом.

Юрий БОГОМОЛОВ

РОЛЬ И СУДЬБА. СЛУЧАЙ Н.МИХАЛКОВА

В роли Паратова

А также о русском писателе Иване Шмелеве, кусок прозы которого ведущий «Перекрестка» прочитал и участникам, и телезрителям в назидание.

Назидание нам, грешным, не помещает...

Не помещает ли и не мешает ли уже оно самому Михалкову?

Незадолго до «Перекрестка» по Санкт-петербургскому ТВ прошел «Жестокий романс». Этот фильм так уж сделан, что Паратов совершенно затмил Ларису. Во многом благодаря актерскому дару исполнителя — Никиты Михалкова.

Его Паратов — сама победительность, неотразимость и правота. Правота во всякой двусмысленной ситуации: искушает ли Ларису или отталкивает ее, холит ли свою гордыню или унижает Карандышева...

Он всегда прав, потому хотя бы, что он — «идеал мужчины», как выразилась о нем Лариса Дмитриевна. Конечно, она была пристрастна, поскольку была влюблена. А может быть, наоборот. Но несомненно также и то, что Никита Михалков постарался придать этому субъективному впечатлению объективный смысл.

Стать идеалом значит получить почти бессрочный кредит доверия. Идеальный мужчина Паратов может себе все позволить... Завлечь девушку, исчезнуть в решительный момент и объявиться как ни в чем не бывало. Да еще спросить с девушки за ее поведение. Он собрался жениться по расчету, но к себе требует любви безрассудной.

Ему многое дано и еще больше подавай. Но тут главный интерес не в аппетитах Сергея Сергеевича, не в его наклонностях к жизни с шиком, шампанским и цыганами, а в его нечаянной склонности к поучению, следствием чего стало небольшое моральное аутодафе, учиненное им Ларисе Дмитриевне: «Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека; на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц... имел ли право Гамлет сказать матери, что она «башмак еще не износила» и так далее».

Лариса смутилась, стала оправдываться... И, понятное дело, не оправдалась. Прежде всего в собственных глазах.

На V съезде кинематографистов Никита Сергеевич Михалков возвысил голос в защиту гонимого Сергея Федоровича Бондарчука, чем восстановил против себя многих из своих коллег. Его тогда забаллотировали

на выборах в новое руководство Союза.

Отвергнутый Михалков мог себя утешать тем, что такова участь всякого, кто идет поперек господствующего мнения. Но суть размолвки идеально-го режиссера и актера с кинематографической общественностью заключалась в ином.

В менторской позиции. Он тогда кого-то корил в ребячестве, кого-то — в нравственной недоброкачественности. Он говорил как пастырь, что уж очень не вязалось с образом автора «Родни».

По его фильмам казалось, что человек, их сделавший, уж точно знает цену всякой претензии на учительство. И в «Рабе любви», и в «Механическом пианино», и в «Нескольких днях из жизни И.И.Обломова», и особенно в «Родне» человек переставал быть самим собой в тот момент, когда взбирался на амвон и пытался научить человечество жить, наставить его на путь праведный. Там на суд зрителя представлено несколько вариантов, и все они — пародийные. С тем лишь различием, что в одном случае перед нами злая карикатура (печенег Жмухин), в другом — дружеский шарж (обломовский визави Штольц). В третьем нечто гротескно-драматическое. Как, скажем, в «Родне», где городские колхозницы — сплошь несчастный опыт улучшения морального климата среди родных и близких.

«Родня» еще тем примечательна, что там была угадана нездоровая склонность коммунистического режима к тотальному морализаторству, его абсурдная амбиция быть руководящей и направляющей силой индивидов, стать для гражданина сразу начальником и исповедником.

Человек с умом и талантом да еще с юмором вроде бы застрахован от того, чтобы повторять подвиги собственных героев.

Широкая натура Паратов, вставший на котурны и отчитывающий Ларису, более или менее понятен. Он девушку охмуряет. Морализирование для него, стало быть, — прием, средство достижения вполне определенной цели. Много хуже, когда оно в удовольствии, для души. Когда оно становится потребностью души. Как для Опискина.

Кажется, вернее других угадал Паратова Карандышев. На восторженный рассказ Ларисы о необыкновенной смелости «идеального мужчины» тот заметил: «Сердца нет, оттого он так и смел». Но тогда ребром встает вопрос: как его угораздило остаться без сердца? В пьесе есть и ответ, правда, косвенный. Сергей Сергеевич

сам его и дает, когда объясняется с Ларисой: «Уступить я вас могу, я должен по обстоятельствам, но любовь вашу уступить было бы тяжело».

Человек, который так рассудительно расщепил другого человека на душу и все остальное, может поделить (уже поделил) и себя самого. А поделив, можно уступать себя в розницу и оптом. Кому руку за золотые прииски. Кому сердце в обмен на сердце, но не надолго. На время пикника за Волгой.

После того эпизода на кинематографическом съезде Никита Михалков исчез с подмостков общественной сцены и ушел в работу. Он снял «Очи черные», потом — «Автостоп», потом — «Ургу». Фильмы разные, но с одной пружиной: загадочная евразийская душа, познаваемая в сравнении с западными ценностями.

Коллизия, отчасти напоминающая сюжетные и идейные мотивы почвеннической литературы, как прошлой, так и нынешней. С одним, правда, существенным отличием: Восток и Запад не взаимоисключают друг друга; они друг друга взаимно оттеняют. Западный рационализм — стихийность образа мышления и чувствования на просторах России, прагматизм одной цивилизации — непредсказуемость другой.

Все историко-культурные категории на экране воплощены и претворены в понятные и конкретные образы. В «Очах черных» западная заорганизованность представлена складом жизни итальянского буржуа, а евразийская экзотика — хлебосольством, девственной природой и, разумеется, цыганами, танцующими, а также поющими.

Если это и славянофильство, то оно по глубине подхода к действительности идет не далее того, что демонстрировал все тот же Паратов, когда обличал машиниста-голландца: душа коротка, у них (иностранцев) арифметика вместо души-то.

Еще у них вместо «души-то» высококачественные технологии по производству автомобилей («Автостоп»). Или телевизоров («Урга»). А «по души» и «по чувства» иностранцы могут жаловать в российскую глубинку и далее в монгольские степи.

Вот что такое последние картины Н.Михалкова: славянофильство в экспортном исполнении. Исполнение качественное. Продукт имеет товарный вид и вполне конкурентоспособен на Западе в отличие от наших машин и фильмов, включая те, что созданы по западным технологиям.

Но дело, понятно, не в одном товарном виде. Успех «Очей черных» в Европе, судя по прессе, был до-

вольно значительным. Сложился, как я понимаю, не только из определенного предложения, но и из столь же целенаправленного запроса. Там, на Западе, интерес к России носит примерно такой же характер, как у нас интерес к цыганам. Пока они пляшут и поют, рвут страсть и надрыдают душу, мы млеем, как Федя Протасов, да и тот же Паратов, а в другое время и знать не хотим, кто они, где они.

Для средней руки западноевропейского интеллектуала, несколько отягощенного комплексом буржуазности, есть нужда в небольшой дозе яда, который подействовал бы как лекарство. Славянское — это всегда нечто антибуржуазное. Михалков удачно дозирует этот ингредиент в своих фильмах, и клиент испытывает некоторое облегчение. Клиент, не слишком жертвуя своим интеллектуальным имиджем, на фильмах Михалкова может позволить себе отвлечься от своих буржуазных будней. Как Паратов во время заволжского пикника.

Так ведь и Никита Михалков как Паратов. Был как Паратов. А нынче больше ассоциируется с Робинзоном, «потешным господином».

Для западной публики — «потешный господин» на случай сытой хандры. А для нас, соотечественников, — Учитель.

Учитель закона Божьего и человеческого. С тем и вышел Никита Михалков в эфир, организовав телевизионный «Перекресток»: преподавать несколько уроков высокой нравственности.

Как правило, моралисты — мастера экзаменовывать других, а сами сыпятся на первом же не слишком трудном вопросе. Так, сразу в двусмысленной ситуации оказался Михалков, уличая Т.Миткову в обмане. Он хотел показать, что вся эта история с ожиданием Митковой, с беспокоеством о здоровье ее ребенка заснята случайно или, точнее, по другому поводу. Но дело даже не в том, что инсценировка плохо сделана и еще хуже сыграна. Уязвимость моральной позиции Михалкова в другом: защиту чести и достоинства одного человека он строит на уязвлении достоинства и чести другого. Сначала Митковой, затем Глеба Якунина, потом Геннадия Бурбулиса.

Паратову не нужна была бесприданница, он не собирался отбивать ее у Карандышева. Но не мог себе отказать в удовольствии «поучить» жениха. У него правило: никому ничего не прощать. «А то страх забудут, забываться станут».

Похоже, у Михалкова такое же правило: он никак не может забыть Бур-

булису своего столкновения с ним в прямом эфире. И уж второй как минимум раз сводит с ним счеты.

А теперь, после снятия с эфира «Перекрестка» и затем несанкционированного автором показа передачи, будет, видимо, всю оставшуюся жизнь сводить счеты с первым каналом «Останкино».

Что же касается отца Питирима и его отношений с КГБ, то Михалков не считает себя обязанным входить в документально-фактическую сторону вопроса. Ему только хотелось бы выяснить, кому выгодно распространение информации (безотносительно — ложная она или правдивая) о связи видного иерарха церкви со спецслужбами.

Ход не очень новый. Еще свежи воспоминания о том, как по поводу любого разоблачения неблаговидного поступка какого-нибудь партийного иерарха ставился аналогичный вопрос: кому это выгодно? Всякий раз подразумевалось, что тень бросается не на отдельного человека, а на идеалы.

В прошлом — на идеалы коммунизма. Теперь, оказывается, — на христианские ценности.

Н.Михалков, как и его предшественники, подменил сугубо моральный вопрос о двуличии религиозного и общественного деятеля вопросом политическим. Не на Питирима Миткова, мол, руку подняла, а на Веру покусились.

Уступить Питирима Никита Михалков мог бы по обстоятельствам, но уступить его верование, саму веру — было бы невероятно тяжело.

Он и не уступает. Он, вероятно, исходит из того, что вера человека — это одно, а его поступки — другое, нечто отдельное. В этом случае — отвлекаясь от веры, можно говорить и делать нечто несообразное с ней, а забыв об обстоятельствах и слова — веровать. Иногда истово.

Лариса на это сказала бы то, что она сказала Паратову, когда узнала, что тот обручен: «Что же вы молчали? Безбожно, безбожно!»

А.Невзоров откликнулся на это по-другому: «Пусть и был он в связи с КГБ — может, нам так нравится! Наша вера, наше дело — чего лезут! Да я при встрече за перенесенные унижения на колени перед Питиримом опущусь и край мантии поцелую». (Из интервью в «Вечернем клубе» 16.V.92г.).

То, что Невзоров только собирается сделать, Никита Михалков сделал своим «Перекрестком».

Они не веру спасают и ограждают. Они родовой конформизм оправдывают.

СКОЛЬКО НАМ НУЖНО ЧАЙКОВСКИХ?

В недоброе недавнее время, в пору процесса над А.Синявским и Ю.Даниэлем, был популярен следующий анекдот. Иосиф Виссарионович спрашивает Берку:

— Это какого Синявского судят? Кто-то про футбол рассказывает?

— Нет, товарищ Сталин, это другой Синявский.

— Вот и подумай, Лаврентий, нужны ли нам два Синявских.

А в 16-м номере «Литературной газеты» в роли отца народов решил выступить писатель Андрей Яхонтов. Очень ему не нравится, что у композитора-классика Чайковского и его брата-либреттиста нашлась в наши дни пара однофамильцев, состоящих в таком же родстве и имеющих те же профессии. Почему это ему не нравится, понять трудно. Единственный аргумент, который он приводит, — это сочувствие к замороченным покупателям пластинок, которые приобретают грамзаписи наших современников, принимая их за классиков.

В отличие от лучшего друга советских музыкантов А.Яхонтова не намекает, что нынешних братьев нужно изничтожить (и на том спасибо!). Не предлагает им укрыться под псевдонимами, хотя ему «кажется, свою фамилию они восприняли слишком всерьез». Нет, он всего лишь считает, что если бы у них «было чувство юмора, то, может, они занялись бы каким-нибудь другим, более подходящим делом».

И рекомендуется это не начинающему композитору, но признанному мастеру, народному артисту СССР (разжалованному «Литгазетой» в заслуженные деятели искусств РСФСР), лауреату Государственной премии СССР.

Были во времена Рихарда Штрауса меломаны, говорившие, что из двух Штраусов предпочитают Иоганна, а из двух Рихардов — Вагнера, но при этом отнюдь не советовавшие автору «Тилиа Уленшпигеля» и «Кавалера розы» сменить профессию.

Из знаменитых однофамильцев Андрея Яхонтова могу припомнить только мастера художественного слова. Ну а если бы таковые оказались и в литературе, то неужели А.Яхонтов занялся бы «более подходящим делом»? «Каждый пишет, как он дышит» — в меру своего таланта и мастерства, интеллекта и эрудиции, остроумия и вкуса. А также воспитанности и такта.

Киев

В.Тольба

Алена СОЛНЦЕВА

НЕПРИМКНУВШИЙ СЕМЕН ФАЙБИСОВИЧ

Разговор на выставке
«Последняя демонстрация»

Для меня праздник Первое мая был самым веселым. Папа шел на демонстрации впереди колонны с баяном, весь в белом, брезентовые туфли начищались мелом. Мама, в белой юбке, белой майке и в белом берете, дирижировала хором. Пели все!

Людмила Гурченко. Аплодисменты

Праздник — и на столе сыр и шпроты, впереди — целый день. Готовы для выхода берет, короткие штаны, белые гольфы с кистями. Коммунальные склоки побоку, и соседи поздравляют друг друга. 1 Мая, счастье.

Пройдет время, и мы узнаем, что наши лучшие годы, расцвет пяти чувств, беспричинный восторг — не вполне, как бы это сказать, правомочны, обман детского восприятия. Что больше, чем кто бы то ни было на свете, мы были введены в заблуждение, праздника не было, а были: кровь, ложь, общее оскотинение. Что кому велосипед «Дукс» и липовые аллеи, кому сладкая горечь предреволюционного артистического быта, а кому — сиротский праздник 1 Мая, да и тот, как оказалось, обман.

Сергей Гандлевский. Разрешение от
сюрбис

Двадцатипятиметровая циклодрама Семена Файбисовича (а проще — натянутый по периметру зала холст с изображенным на нем в натуральную величину привычно-праздничным шествием трудящихся) — это отражение нескольких слоев наших воспоминаний о Первомайской демонстрации, из которых главные два: полный иронии соц-артовский взгляд на атрибуты советской реальности и память о счастливом празднике нашего детства.

Совмещение реальной праздничной даты с открытием выставки создало особый эффект поминок по советскому прошлому. Вернисаж сопровождался негромкой фонограммой Первомайского шума и попурри из советских песен эпохи Большого Стиля, которые так «подзавели» аудиторию, что стихийно образовавшийся хор из рафинированных искусствоведов продолжил их исполнение с неподдельным удовольствием, продемонстрировав этим, насколько время запечатлелось в каждом из нас.

Теперь, когда, ностальгируя, мы вновь начали «ловить кайф» от эстетики прошлых лет, нам только дай повод повспоминать и порадоваться безмятежной цельности советского искусства. Однако очевидное желание хозяев экстравагантной галереи «Риджина» сыграть в Первомайскую идиллию с демонстрацией, песнями и

обильным застольем далеко не исчерпывало содержания самой выставки, и уж тем более ее автора.

Поскольку сегодня единое поле искусства разделено на множество сегментов, для каждого из которых есть свои законы и системы восприятия, обычная публика вынуждена искать для себя хоть какие-нибудь ориентиры, и художникам, принадлежащим к тому или другому отчетливо выраженному направлению, гораздо легче найти себе место в неясной картине художественной жизни России.

Файбисовичу в этом смысле не повезло. Формально он принадлежал к группе художников соц-арта и в этом качестве начал выставляться сначала здесь, а затем в престижных галереях Нью-Йорка, Чикаго и Кельна. Однако скоро обнаружилось, что его работы не очень подверстываются под это модное направление, и если на Западе это не помешало его признанию, то из поля зрения отечественной критики он выпал.

ИЗ РАЗГОВОРА С СЕМЕНОМ ФАЙБИСОВИЧЕМ:

— Как случилось, что ваша популярность в профессиональной среде на Западе выше, чем в Москве?

— В Москве меня просто не знают. На Западе есть независимая критика, и

поэтому если те, кто занимается советским авангардом, обо мне не пишут, то находятся другие, кому я интересен. И после каждой выставки выходят рецензии и передачи по ТВ. А здесь — за все годы перестройки не было ни одного упоминания ни в одной статье.

Американцы вообще люди любопытные, и, судя по отзывам, они почувствовали, что я предлагаю нечто для них новое.

— А что про вас пишут? За что хвалят, за что ругают?

— Больше всего критика упрекает меня в том, что я плохо владею языком соц-арта. С другой стороны — выступали с аналогичными претензиями по линии гиперфотореализма. То есть меня обвиняют в том, что мои картины — это неправильный соц-арт, неправильный гиперреализм. К академической школе меня тоже не отнесешь... Такой вот феномен, который описывается с помощью только отрицательных определений. Хотя для меня интерес как раз и заключается в попытке собрать все, ни от чего не отказываясь, и избежать однозначности.

Есть критики, которые не без успеха доказывают всему миру, что только концептуальный соц-арт имеет право на существование, а все остальное здесь — глубокая провинция.

И у меня лучше других принимают работы, которые подходят под определение соц-арта. Там же, где этих значков и текстов нет, — провал.

Приятнее всего для меня рецензии, в которых с некоторым даже удивлением отмечается эмоциональное отношение, наличие какого-то света. Хотя обидно, что тебя стараются понять те, кто в силу простой разницы опыта этого до конца сделать не может, а свои — молчат.

Феномен существования в тотали-

Exchange. Часть диптиха

Ожидание. Из цикла «На вокзале»

тарном поле западным людям неведом, им незнакомо это присутствие печати на каждом лице, на любом принципиально тривиальном фрагменте бытия, собственно, то, что меня и гипнотизирует.

Концептуализм оперировал теми знаками системы, в которых она сама себя выражала. Меня же как раз интересовало происходящее в пустом, безъязыком пространстве, где один ужас и тоска, и мне казалось, что именно там бред, в котором мы живем, получая-полусон, слоистая ткань нашего существования и проявляется.

— Судя по тому, что на вашей выставке состоялся вечер поэта Тимура Кибирова, его стихи для вас как-то особенно близки?

— Когда я шесть лет назад впервые их прочел, мне захотелось познако-

Красавица
Из цикла «Праздничная демонстрация»

*В общем-то нам ничего и не надо —
только бы, господи, запечатлеть
свет этот мертвенный над авто-
страдой,
куст бузины за оградой детсада,
трех алкашей над речною прохладой,*

*белый бюстгальтер, губную помаду
и победить таким образом Смерть!*

И не потому «не надо», что другого не хотим и не знаем, а потому, что выросли с этим и именно этим открывается бесконечный ряд ассоциаций, на которые чем-то совсем затаенным отзывается душа.

У каждого свой путь, по которому из первых впечатлений собирается привычный круг понятий, но есть некий общий багаж, всем одинаково понятный и действующий безошибочно. Вот на этих-то струнах и играет Файбисович, так же как и Кибиров, обманывая нашу взрослую критичность и трезвость взгляда и поэтизируя то, что, казалось бы, никакой поэтизации не поддается.

Какой бы ни была наша культура — она наша. И те, кто рыдал когда-то над «Военной тайной» и, закусывая домашними пирожками с капустой вишнегрет, подтягивал подвыпившей родне «Утро красит нежным светом стены древного Кремля...», увы, не променяют эти сладкие мгновения на кусок пирожного «мадлен» из прустовской эпопеи. А раз так, значит, вечно будет щемить под ложечкой от взгляда на лица с картин Семена Файбисовича, припыленные отражением в зеркале памяти.

И Файбисовичу, и Кибирову удается то, что казалось уже невозможным: при помощи современных, вполне адекватных сегодняшнему культурному сознанию художественных средств вернуть своему искусству утраченную эмоциональность. Очистив от штампов и соблюдая нужную меру иронии, вернуть нам наше прошлое в той его части, в которой оно было на самом деле нашим, личным. Сохранить тот детский праздник.

миться с их автором, что и произошло. И у нас давно было желание сделать что-нибудь вместе, было ощущение, что его и мои вещи должны резонировать. Возникла идея альбома, книги, вот теперь — выставка. Мы с ним совершили параллельное движение от концептуализма, от работы символами и знаками — в жизнь, что ли...

Именно в поэзии родилось определение, на мой взгляд, очень подходящее тому, что делают Файбисович и Кибиров. Придумал его Сергей Гандлевский, назвав такое искусство критическим сентиментализмом. И раз уж нам нужно разложить все по полочкам, то можно воспользоваться этим.

Несмотря на кажущуюся объективность и строгость, Файбисович — художник теплый. И его с Кибировым живопись с поэзией объединяет прежде всего чувственное отношение к миру, который для них состоит из множества деталей, и каждую жаль было бы упустить. Им важно правильно найти первоначальное отношение к вещи, угадать ее первое значение, то есть вернуть ее в детство, к тем временам, когда еще не отягощенный знанием взгляд в любой помылке находил жемчужное зерно. Как

и поэзия Кибирова, живопись Файбисовича содержит инвентарный перечень примет нашей жизни, прежде всего, конечно, лиц — лиц с городских улиц. Как поэзия осваивала самые обиходные, совсем не литературные слои языка, так живопись фиксировала совсем не живописные подробности быта двора, очереди, электрички. Отсюда, по-моему, и фотореализм — именно фотография запечатлевает случайное, не осмысленное еще культурной традицией.

Черно-белая репродукция возвращает картины Файбисовича к первоисточнику, к фотоснимку, но когда видишь их непосредственно — заметно, насколько техника художника меняет, преобразует знакомый быт, придавая ему неожиданную поэтичность. В них печальная лирика признания этого мира своим, невозможность отречься от этих лиц, среди которых прошла и твоя собственная жизнь. Взгляд художника слишком внимателен к окружающему, чтобы возможно было отказаться от него, найти себе другие истоки и культурные корни вместо этих незамысловатых и скудных, но единственно органичных. И лучшим описанием картин Файбисовича оказываются строки из кибировского послания к художнику:

На добрую память. Из цикла «На пляже»

Наталья ИВАНОВА

О себе, как о мертвом: или хорошо, или ничего

Чем более всего привлекают и сегодня публику наши писатели? Нет, не новыми вершинными своими повестями и романами — сегодня как-то мало кто их пишет. Не глубокомысленными раздумьями о судьбах родного отечества, вроде бы все уже сказано, пластинка заезжена, а новых слов не находится. И даже не очередными «разборками» своими, схватками и «кулачками», то бишь околелитературными скандалами, число которых множится с каждым днем и за оттенками которых устают следить даже самые упорные их живописатели.

Если к вам внезапно нагрянули гости и вам нечем их радовать, почитайте им вслух писательские мемуары — о незабвенном недавнем прошлом, о столь быстро миновавшей молодости, о близком, я бы даже рискнула сказать, тесном общении с известными, выдающимися и даже великими писателями. Вернее (по мнению мемуаристов), равновеликими. Я предполагаю, что чтение это если и не заменит телячью ногу, то уж точно станет для гостей ваших истинным пиром духа. И одновременно — пропуском в домашнюю интимную атмосферу творчества, а

также литературного быта, куда не всякий и отнюдь не всегда — дабы не заставить мастеров пера врасплох — может свободно заглянуть.

Критику ведь не стоит уподоблять мужу из известного рассказа, который напрочь убил у поклонника его жены возникающую страсть, неожиданно распахнув дверь в спальню и продемонстрировав свою подругу жизни в неприбранном виде. Лучше уж последовать за официальным приглашением в гостиную.

Очередной номер «Молодой гвардии», юбилейный (семидесятый), приглашает всех отведать мемуары Юрия Бондарева, продолжающего серию своих «Мгновений», к которым он постоянно возвращается в краткой творческой паузе между работой над монументальными полотнами.

В ожидании «большой прозы» одного из ведущих советских прозаиков, за творческой эволюцией которого советская критика наблюдала с неослабевающим интересом; в тот самый момент, когда новых советских монографий о его вкладе в развитие русской словесности ожидать не приходится (за брежневское время, правда, успело выйти пять, кажется, книг, посвященных жизни и творчеству Бондарева), — тем более полезно и поучительно вдуматься в рассказ самого писателя — о своем окружении, о соратниках, особенно если уз-

наешь об известных тебе литераторах много нового и неизвестного.

А особенно — о нем самом.

Ведь никто откровеннее самого себя о себе и не расскажет. Причем расскажет даже то, что очень хотелось бы утаить.

Особенно ежели рядом и наравне с выдающимся, а ныне покойным знаменитым литератором и редактором «Нового мира» А.Твардовским не забыть поместить себя самого, да еще и вложить покойному в уста характеристику самого себя: «Бондарев — талантливый человек, смесь Шекспира с поэтом Буниным». Воспоминания, таким образом, согласитесь, тут же превращаются отчасти и в автопортрет (по аналогии с Рембрандтом — с Саскией — то бишь Твардовским — на коленях).

Короля, по правилам театрального действия, играет свита. Автопортрет же искусно лепится обильно насыщающими текст воспоминаний репликами по своему адресу.

Итак, беседуют в бондаревских «Мгновениях» автор плюс Твардовский. Кстати, на странице «Молодой гвардии» их высокохудожественные изображения схвачены одной рамой, одной виньеткой, напоминая не столько о Рембрандте, сколько о ранее славных, а ныне подзабытых портретах с доски почета. И вот Твардовский — пером Бондарева отвешивает Бондареву — один комплимент за другим.

Про Шекспира и Бунина уже сказано. Хотя и с оттенком юмора («пошутил Твардовский»), но ведь не без приятности определение.

Читаем дальше.

Например, о бондаревской повести. В уста Твардовскому вложен такой отзыв: «Могла принести вам огромную славу, но как-то мешал Казакевич со своей «Звездой». Или: «Написано у вас правдиво, сильно... и какая-то, что ли, обреченность. Критика к этому не привыкла».

А вот еще:

«В вашем романе есть блистательные сцены, о которых я не говорил».

А вот и ревность литератора к литератору-кинематографисту:

«Успех... Очереди-то на ваш фильм второй месяц мерзнут».

На фоне этих «штук», который посиленней, чем «Фауст» Гете, разворачивается история о том, как принципиальный Бондарев просвещал и учил подверженного дурным влияниям Твардовского и как Бондарев по мере своих сил освобождал его от этих самых «влиятий», от «цепко окружавших его пристрастных и льстивых критиков».

Короче, о себе пиши так, как римляне учили писать о мертвых: или хорошо, или ничего.

Человек, немного знакомый с историей советской литературы, в частности с

историей взаимоотношений Бондарева с «Новым миром» и его перехода в кочетовский «Октябрь», только руками разведают от изумления.

Но затем писательские мемуары и пишутся, чтобы оправдать себя перед историей. И тут уж не до реальных деталей и подробностей. Хотя... хотя иногда то, что представляется мемуаристу незначительным, случайным, мелочью какая-нибудь бьет в нос, выглядит более чем красноречиво.

В тех же «Мгновениях» помещает Ю.Бондарев еще один свой мемуар: «Леонид Максимович». О писателе Леонове.

Если писатель Твардовский в основном, оказывается, говорил писателю Бондареву комплименты, а писатель Бондарев был всегда прав, то к писателю Леонову писатель Бондарев относится, видимо, совсем без почтения. Записывает за ним даже то, с чем вовсе не обязательно знакомить широкую публику. Не с особым ли умыслом демонстрируются и удивительная банальность сознания, без всякого уважения и снисхождения к возрасту собеседника, цитируются умозаключения вроде «Все тайны народного слова — в русском слове» или «Работать, работать надо»? И закрадывается ужасная мысль: не хочет ли Бондарев тонко демифологизировать образ уважаемого патриарха с помощью его же, леоновского, слова? Например: «Сейчас бы надо, — мечтает изображенный Бондаревым Леонов, — разрешить нашей литературе писать обо всем, а потом — критикуйте, пожалуйста, громите, ругайте. Но стимула нет. С одной стороны, цензура, с другой — если и напечатается, то купить-то на эти деньги, в общем, нечего. Жене кофту не могу купить».

Да, хоть и с придыханием вроде бы написано, но мемуар есть все-таки вещь крайне безжалостная. И по отношению к изображенному, к своим героям и собеседникам, и мемуаристу. Будь ты хоть даже «смесь Шекспира с поздним Буниным», за пределы собственного «я» не выйдешь. И более того: своего «я» не утаишь.

«Я уже живу в том возрасте, — говорит Бондареву Леонов, — когда ежедневно хочется посмотреть на себя в зеркало. Вы тоже доживете до этого возраста».

Золотые слова.

Что такое эти воспоминания, если не зеркало?

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Если Вы подписались на журнал

«СТОЛИЦА»,

Вы будете раз в неделю получать
свежие новости из Москвы

По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь по адресу:

ECONEWS BOX 378 GENEVA 1211 SWITZERLAND

TEL.41.22-349.04.50 FAX.41.22-349.05.80

	ЦЕНА НОМЕРА В РОЗНИЦУ:	ЦЕНА НОМЕРА ПО ПОДПИСКЕ:
Швейцария	4,90 шв.фр.	3,43 шв.фр.
Франция	20 фр.фр.	14 фр.фр.
Германия	5,60 н.марок	3,94 н.марок
Великобритания	1,90 ф.ст.	1,34 ф.ст.
Другие европейские страны	3,80 ам.долл.	2,68 ам.долл.
Израиль	5,15 шек.	3,60 шек.
США	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.
Канада	4,85 кан.долл.	3,40 кан.долл.
Другие страны	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.

Mr./Ms. _____ initials _____ Family name

Address _____

Town/City _____

Postcode _____ Country _____

Please charge: Access/Mastercard/Eurocard Visa

Diners Club American Express

Card No _____ Card expiry date _____

Please find inclose my cheque in favour of ECONEWS

You will receive my payment on your bank account at SWISS BANK
CORPORTATION GENEVA SWITZERLAND No. CO.564.491.1

Signature _____

72 Weeks 36 Weeks

52 Weeks 26 Weeks

Please send this coupon to ECONEWS Box 378
Geneva 1211 SWITZERLAND

30%
СКИДКИ
ПОДПИСЧИКАМ

Д'Ор О.Л.

ПРЕДАНИЕ О ДРОВАХ

В день своих именин жена известного в городе банкира получила от мужа поистине царский подарок — золотое кольцо со вправленным в него настоящим, неподдельным куском дерева, величиной в грецкий орех.

— Это безумие! — ласково пожурила мужа именинница. — Зачем покупать такие дорогие вещи! Пожалуй, тысяч пять заплатил?

— Семь! — самодовольно сказал банкир. — Это настоящий дуб. Было одно кольцо в пять тысяч с сосной, но я остановился на этом... Дуб теперь очень большая редкость.

Кольцо переходило из рук в руки. Все восхищались им. Какой-то знаток долго рассматривал его на свет и заявил:

— Подделки нет! Семь тысяч, конечно, дорого. Но если бы вам удалось достать кольцо с черным дубом...

— Где же теперь достанешь! — недовольным тоном сказал банкир. — Может быть, среди фамильных драгоценностей у старинных родов вы еще найдете колечко или серьги с черным дубом...

— А я, — прервал знаток, — видел на днях у одной знакомой браслет с тополем... Понимаете, в платиновой оправе громадный кусок тополя. Кажется, тысяч двадцать заплатила...

Тут послышался дребезжащий старческий голос:

— А я помню, как деревом печки топили...

Говорил отец банкира, седой-седой старичок. Все повернулись к старику. У всех на лицах появились улыбки.

— Неужели, дедушка, печки топили?

— Топили, дети мои. Бывало, принесет дворник охапку дерева и в печку. Дерево, которым топили, называлось тогда дровами.

Слова дедушки сильно заинтересовали присутствующих.

Знали, положим, что дедушка, как и всякий старик, любит немножко приврать.

Так, он однажды рассказал, что в детстве он пил какой-то белый напиток, который доставали из живота какого-то рогатого животного.

Напиток назывался молоком, а название животного дедушка забыл и никак не мог припомнить.

В другой раз дедушка рассказал, что в его время существовали какие-то пернатые, называвшиеся не то курами, не то петухами. Куры или петухи несли яйца, которые ели с большим удовольствием.

Д'Ор О.Л.— настоящая фамилия Оршер Иосиф Львович (1878—1942). Печатался под многими псевдонимами в газетах «Речь», «Русское слово», «Утро России», в разных сатирических изданиях. В 1918 году редактировал в Петрограде один из первых советских сатирических журналов «Гильотина». Автор романа «Яков Маркович Меламедов», нескольких сборников рассказов, фельетонов и воспоминаний.

Рассказ «Предание о дровах» был опубликован в книге «Муза с барабаном» (1915 г.) и с тех пор не переиздавался.

Дедушке, конечно, не совсем верили, но слушали с удовольствием.

И теперь все придвинулись к деду и стали упрашивать:

— Расскажите, дедушка, про дрова. Это, должно быть, очень интересно.

— Что тут рассказывать? На Неве стояли огромные баржи с дровами. Дрова росли из земли.

— Росли?

— Росли, росли. Такое место, где росли дрова, называлось лесом.

— Куда же девались леса?

— Дровяники истребили. А истребив леса, стали повышать цены на дрова. Сначала брали десять рублей за сажень, потом двадцать, потом сто, тысячу, десять тысяч...

Деда слушали, затаив дыхание. Он продолжал:

— Дров было так много, что к ним относились с презрением. Вы знаете, что такое «полено»?

— Конечно, знаем. Это большой слиток дерева. Весьма, весьма изредка при раскопках еще можно найти полено...

— В мое время «полено» было ругательным словом. Еще большим ругательством считалось слово «колода».

Слушатели изумленно переглянулись. Одна из дам подошла к мужу и, погладив по волосам, нежно сказала:

— Ты не устал, дорогое полено мое?

— Не устал, милая колода! Не мешай слушать...

Дед улыбнулся.

— Вот видите... Теперь это звучит как «золото мое», «бриллиантовая моя», а тогда за слово «колода» жена в мужа стулья бросала. Кстати, стулья тогда также делались из дерева.

— Стулья из дерева?

— Не только стулья, но и вся мебель делалась из дерева. Мой отец рассказывал, что у него был письменный стол из дуба, который весил пудов двадцать. Отец уверял, что у последнего из бедняков были столы и стулья из чистого дерева.

Кто-то спросил:

— А вы, дедушка, помните, как топили дровами?

— Смутно помню... Положат, бывало, дрова в печку и зажгут. Все садятся у камина. В каждом доме был человек, который назывался «старым капитаном». Когда все усаживались у камина, начинал рассказывать сказки...

Все теснее и теснее окружали деда. Никто, конечно, ему не верил...

Но сказка была такая увлекательная... Так хотелось верить, что когда-то люди сидели на предметах, сделанных из чистого дерева, и грелись у камина, в котором горели хорошие сосновые дрова...

1915 г.

Публикация Р.СОКОЛОВСКОГО

**ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНЫХ
КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ
И ПРИКЛАДНОЙ
ПСИХОТЕРАПИИ
для РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ПРЕДПРИЯТИЙ**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

Программа обучения представляет собой модифицированный курс АМЕРИКАНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ в области управления, проводимый для РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ с целью повышения эффективности их личностной и профессиональной деятельности.

Обучение начинается с овладения навыками психоанализа, знание которого позволяет достаточно быстро и продуктивно проводить анализ поведения партнера в ходе только одной беседы, выявляя его скрытые мотивы, потенциальные намерения и ту «игру», которую пытается вести Ваш оппонент.

Завершающим испытанием будет умение взаимодействовать с любым человеком — вызывать у него желаемую реакцию.

Обучение откроет перед Вами новые возможности и значительно расширит Ваши навыки в работе с людьми.

Факультативно проводится обучение по программе: психология рекламы, увеличение объема рабочей памяти в 5—25 раз.

Занятия проводят специалисты в области гипноза, психофизики с международным опытом работы (США, Таиланд, Греция, Индия).

Более подробную информацию можно получить по тел.: 925-87-67 г. Москвы.

Магазин «Раритет»

покупает старинные: драгоценности, изделия из золота, серебра, бронзу, фарфор, иконы, часы, картины, фотографии. Оплата в любой форме.
Адрес: ул. Арбат, 31
Тел. 241-23-81

Уважаемые господа! Мы рады пригласить Вас в теннисный клуб «ЛИАНОЗОВО»!

В его составе:
высококачественные корты с синтетическим покрытием,
тренировочная стенка,
комфортабельная сауна,
массажный и косметический салоны,
парикмахерская, кафе.

К Вашим услугам тренеры и спарринг-партнеры, прокат ракеток и мячей.

Звоните прямо сейчас, и Вам гарантирован великолепный отдых!

Тел. 909-30-11

Еженедельник «Столица» предлагает:

- * проявка фототехнической (полиграф.) пленки
- * набор, верстка, изготовление бланков, визиток, календарей, фирменных логотипов с эскиза заказчика

☎ 921-35-42

Меняю:
благоустроенную новую 2-этажную дачу: участок 6 соток, есть хозблок, 80 км от МКАД (Орехово-Зуево), на квартиру в Москве.
Тел. 343-46-93

«МАЛЕКС»

Квартира или деньги?

Облигационные сертификаты «Малекс» — это и то и другое!
100% годовых и гарантия получения квартиры через 5 лет.

Кроме того, предприятиям, организациям и частным лицам предоставляем краткосрочный кредит.

Все подробности по телефону:
489-05-53

Звоните, господа!

Владимир МАТЛИН

«ПРОЩАЙ, ЕЛЕЦКОЙ: ТЫ НЕВЕСЕЛ»

Есть милая страна, есть угол на земле
Куда, где б ни были — средь буйственного
стана,

В садах Армидиных, на быстром корабле,
Бродящем весело равнины океана, —
Всегда уносимся мы думою своей.

Евг. Баратынский

Рабби Шворц был возбужден. Он говорил сбивчиво, путаясь в именах, и понадобилось некоторое время, прежде чем я понял, о ком речь. К тому же мешала Вера, она подавала знаки: давай, мол, короче — суп стынет. Я только пришел с работы, и мы собирались обедать. Но в конце концов я понял, что речь идет о каких-то советских писателях, прибывших в Вашингтон по приглашению местного университета. Ни одной фамилии рабби Шворц толком воспроизвести не мог («Ты же знаешь, Женя, их запомнить невозможно, эти русские имена»), но настаивал, что это те самые писатели (он называл их «советские нацисты»), которые пишут антисемитские статьи. Меня он просил узнать точно их имена, отыскать их статьи в советской прессе и перевести, хотя бы в отрывках, на английский язык. («Ты ведь, Женя, специалист по русской литературе, верно?» — «Был когда-то», — хотел я ответить, но удержался.) А уж остальное он возьмет на себя, он им устроит прием...

Я знал, что рабби Шворц говорит не зря: он устраивал демонстрации в защиту евреев чуть ли не во всех столицах мира — от Варшавы до Буэнос-Айреса, за что многократно был бит и побывал в полицейских участках многих стран.

Я обещал Шворцу связаться с университетом и узнать, кто эти приглашенные писатели. Но только я положил трубку и сел к столу, как снова раздался звонок.

Он сказал всего два слова: «Ты, Жешка?» — и я сразу узнал его. После двенадцати лет я узнал его сразу, по двум словам, и не мог ответить ничего, перехватило дыхание.

Вера взглянула на меня и вскоčila:

— Мама? Что случилось?

В трубке опять раздался его голос:

— Жешка, это ты? Почему не отвечаешь?

— Что с ней? Что с ней? — теребила меня Вера.

— Это Сева Бабурин.

Она мгновенно побледнела и прикрыла глаза.

— Где он? — спросила, не поднимая век.

— Ты где? — спросил я в трубку.

— Здесь, в Вашингтоне. Гостиница... как ее?... «Кэпитол инн», что ли? Нашел тебя по телефонной книге.

— Он здесь, в гостинице.

— Что? — спросил голос в трубке. — Ты что-то сказал?

— Это я Вера.

— Она здесь? Хотя где ей быть. Как вы тут, в Америке? Как живете? Ведь столько времени прошло... Повидать вас охота, поговорить.

Теперь Вера пристально смотрела на меня, и в ее взгляде был вопрос. Но я не знал, что делать, как себя вести, что отвечать. Я был в полной растерянности. Странно, уж о ком еще мы думали и говорили больше, чем о Севке! Каждый раз, натываясь на его статью в литературном журнале, я начинал снова и снова о том же: как это могло случиться? что с ним? да в своем ли он уме?! Столько лет мы были близкими друзьями, ходили домой друг к другу. Теперь это невозможно представить! Иной раз, читая его очередной опус в советской газете, я говорил Вере: «Ну, встречусь когда-нибудь с ним...» И вот он здесь, и сам хочет встретиться.

— Он хочет повидаться, — сказал я Вере, прикрыв трубку ладонью.

— Не знаю, — жестко сказала Вера. — Ты должен решать. Конечно, старая дружба... но после всего, что мы читали...

Старая дружба. Все пять лет в университете, да и потом... хотя мы жили в разных городах и профессиональная судьба складывалась по-разному. А когда двенадцать лет назад мы с Верой приняли мучительное решение, он был едва ли не первый, кому я сообщил.

— Слушай, хватит там в прятки играть, а? — сказал он вдруг изменившимся голосом. — Не хочешь со мной разговаривать — так и скажи, я к этому готов.

— Ладно, — сказал я в трубку, стараясь уклониться от Вериного взгляда. — Ладно. Где ты остановился?

— Я же тебе говорил: здесь, в гостинице «Кэпитол инн», номер триста три.

— Минут через двадцать сойди вниз и жди у входа, снаружи.

Он стоял у входа, мы его сразу увидели, хотя узнать его было нелегко: он заметно раздался виришь, волосы поредели, зато появилась лопатообразная борода. Увидев нас, он двинулся навстречу, широко раскрывая объятия:

— Ну, посмотри: на собственном лимузине! Во, буржуазия, средняя и крупная! А Вера просто биологическое чудо, за двенадцать лет только помолодела!

Он обнял Веру, расцеловал ее в обе щеки, мне протянул руку:

— И ты молодец. Нас с тобой рядом поставить — сразу видно.

преимущество американского образа жизни!

Он говорил весело, непринужденно, явно радуясь встрече. В общем-то Сева был сейчас самим собой: веселая непринужденность, подкупающая простота в общении со всеми. Он всегда был таким: не терялся, не робел и даже, казалось, никогда не сомневался, чем являлся резкий контраст со мной. Мама говорила: «Поучись у Севы» или: «Сева бы, наверное, знал, что ответить».

— А что Циля Мироновна? Как ее здоровье?

— Неплохо, — ответила Вера, — принимая во внимание ее возраст — неплохо.

— Она с вами живет?

— Нет, отдельно. У нее своя пенсия, небольшая, конечно...

— Пенсия? От кого?

Вера развела руками:

— Слушай, у тебя тысяча вопросов — и у нас не меньше. Что же мы будем тут говорить, в дверях?

— Извините, к себе в номер не приглашаю: кто-нибудь из группы зайдет.

— Зачем в номер? Пойдем куда-нибудь посидим. Вон Женя победать не успел. Здесь должен быть ресторан.

— Шутить? Я из любопытства взглянул на цены: по сравнению с нашими командировочными...

— Мы-то здесь, слава Богу, не в командировке, — сказал я, приоткрыв дверь.

Мы заказали по бифштексу («наконец поем по-человечески, а то перебиваюсь с салатов на бутерброды»), а когда выбирали напиток, он попросил «неразбавленного и безо льда».

— Кто вас принимает? — спросил я, когда официант удалился.

— Честно говоря, так толком и не понял: какой-то университет и центр по изучению России... или это одно и то же, кажется. Да ну их всех, мне про вас интересно знать. Как вы здесь?

— Нормально, как все, — Вера засмеялась своему ответу. — Нет, правда, как тут опишешь в двух словах? Живем. У нас дочка здесь родилась, Алиса, уже большая, девять лет.

Это известие поразило его:

— Господи, новый человек появился за это время! Где она — с Цилей Мироновной?

— Нет, в летнем лагере. Женя, покажи фотографию.

Я достал из бумажника Алисину фотографию.

— Слушайте, она же красавица! Посмотрите, Веркины глаза. И улыбка! С ума сойти!

Он разглядывал фотографию, поднес ее к светильнику на столе.

— Ты упомянул группу, — сказал я, дождавшись паузы. — Кто такие?

Он протянул мне через стол фотографию:

— Здорово, вы молодцы... Ну, этот самый университет или центр — он обратился в Союз писателей, и Союз отобрал по их просьбе пять русских писателей. Меня в том числе. А ты где работаешь? Что делаешь?

Вот он, тот самый вопрос, без него не обойдется... Но прежде, чем я выдал ответ, вмешалась Вера:

— Женя сменил профессию. Он программист, и очень хороший. За него, знаешь, как держатся!. Переманивают.

— Постой, постой, какой там программист? Ты же литературовед отличный. Девятнадцатый век. Лучше тебя Баратынского никто в мире не знает, это же факт!

Я постарался объяснить:

— Так случилось. Знаешь, в американских университетах постоянное место получить практически невозможно, тем более без степени. Каждый год — новый договор. То ли возобновят, то ли нет... а мы как раз ожидали ребенка...

— Если бы ты знал, каково это — переучиваться на техническую профессию, да еще на английском языке, — опять вмешалась Вера.

Мне эти разговоры всегда неприятны: Вера как будто оправдывается.

Пришел официант, поставил перед Верой вино, передо мной — бурбон со льдом, а виски безо льда перед странным человеком, который не говорит «thanks» и не улыбается.

— Программист? Вы меня ошорошили... Впрочем, главное — вы довольны жизнью, все в ажуре, даже размножаетесь! Верно? Давайте за это выпьем!

Он опрокинул стакан, прокашлялся и с удивлением сказал: «Неплохо». Я спросил:

— Ну и кто эти писатели в вашей делегации?

Он назвал четыре фамилии, три из них мне попадались. Те самые, оговоренные...

— Вы еще не рассказали про Цилю Мироновну. Как она живет?

Вера стала рассказывать про маму — про ее здоровье, пенсию, про ее анекдотическое английское произношение. Сева вроде внимательно слушал, реагировал, но в то же время настороженно поглядывал на меня, и я чувствовал, что мы думаем об одном и том же.

— Ты что — тоже писатель, как они? Извини, — это Вере; получилось нехорошо, я прервал ее на полуслове.

— Скорее, публицист. Я все в том же журнале, где начинал, только уже зав. отделом публицистики. Меня, наверное, выбрали как публициста: я ведь печатаюсь все время.

— Читали, как же, — я сказал это совершенно бесстрастно, с нулевой интонацией, что называется. Но он внимательно посмотрел на меня, потом на Веру, снова на меня. Усмехнулся.

— Давайте не будем здесь играть в прятки, а? Вы читали, вы знаете мое отношение к... мои взгляды, скажем так. И я не намерен за них изменяться. Я с вами встретился не для того, чтобы оправдываться, а просто... просто ради старой дружбы, так? Если я вам не хорошо...

— Я считаю, что он прав, — вдруг сказала Вера.

Я чуть не упал со стула. Она посмотрела на меня укоризненно и пожалала плечами.

— Ты мог с ним не встречаться, а раз уж ты здесь...

В этот момент возник официант с бифштексами на подносе.

— А выпить не принес? — спросил Сева. — Закажи еще такого же.

Я попросил двойное виски безо льда и бурбон для себя, Вера от вина отказалась.

— Как говорится, за присутствующих дам. Вера, истинно, истинно говорю: ты выглядишь лучше, чем прежде. Еще лучше, я имею в виду. А ты, старик, хоть помнишь, кто тебя с ней познакомил? Ты должен мне всю жизнь быть благодарен как не знаю кто...

— Сева, а ты женат? — поинтересовалась Вера.

Он вздохнул:

— Попытался. Вскоре после вашего отъезда, между прочим. Не получилось. Да что про это... Давай за Веру! Пока не найду такую же — не женюсь!

Он опрокинул залпом, покрякал и, глядя на меня заслезившимися глазами, спросил:

— Как это у Баратынского? «Прощай, Елецкий! Мне впрок твое вино». Что-то в этом роде...

— «-кой!» Не Елец-кий, а Елец-кой у Баратынского. «Прощай, Елецкой: ты невесел, и рассветает уж давно; пошло мне впрок твое вино: ух, я встаю насилу с кресел».

— «Цыганка», верно? Я помню твою диссертацию: женские образы, Сара, Вера, Эда... Интересная работа, вполне на современном уровне и сейчас.

— Это ты им объясни, ВАКу, — я почувствовал раздражение. Надо с этим бурбоном поосторожней.

— А ты слышал, — спросила Вера у Севки, — что председатель комиссии тогда сказал: «Хватит в русской литературе одного Евгения Абрамовича»? Ему не понравилось, что Женю зовут так же, как Баратынского.

— Не тот Абрамович, — не удержался я.

Наступила пауза. Сева смотрел в пустой стакан с отсутствующим видом. Мое раздражение рвалось наружу:

— Я не обсуждаю эти его взгляды, — я демонстративно обращался к Вере. — Но хотелось бы понять, что с ним произошло? Ведь он бывал у нас дома, отец еще был жив... Как-нибудь, да прорвалось бы, если бы у него что-то такое было на уме. Но ведь никогда, до самого отъезда... — Я не выдержал, повернулся к нему. — Первое время я думал, что это твой однофамилец, еще думал, появился какой-то Ве Баурин. Поверить не мог, спроси у Веры. Что с тобой произошло, в конце концов?

Он слушал спокойно, с полуулыбкой глядя мне прямо в глаза.

— Я тебе уже сказал, что обсуждать здесь свои взгляды не собираюсь. В моих статьях все и так сказано, ты же читал. Если уж хочешь, как говорится, на личном уровне, могу только сказать, что больше всего в этом смысле на меня действовал твой отъезд. Да, представь себе! Ты, надеюсь, понимаешь, что я не против эмиграции. Господи, скатертью дорожка! Но здесь другое: вот жили рядом столько лет, вместе ходили повсюду, учились, помогли друг другу. Власть вместе ненавидели. Надеялись на что-то. И вот ты поворачиваешься и — тютю! Обиделся из-за диссертации. Но ведь не с тобой одним так произошло. Я тоже, например, с первого раза не защитился. Однако мне уезжать некуда: утерся и пошел второй раз.

— Да что ты говоришь? — перебила его Вера. — Ты же знаешь, в ВАКЕ к евреям уже тогда было особое отношение.

— Брось ты! Если русский не прошел — значит, бездарь, а если ев-

рей — то антисемитизм. Двойной стандарт ввелся в наше сознание. Понимаешь? Судьба разная, вот в чем дело, и мы, русские, начинаем это все больше ощущать.

— Только уж за всех русских не выступай, я тоже русская, не забудь.

— Хорошо, что ты это помнишь.

Я не уловил, было это сказано с сарказмом или с горечью. Тон его изменился — теперь он говорил просительно, как бы увещевая:

— Ты всегда был проникательным, все на свете мог объяснить, пойми же и нас. Россия — наш единственный дом. Естественно, у нас и отношение к ней другое, не такое, как у евреев. Отсюда, как из посылки, и все остальное. А так, на личном уровне, у меня по-прежнему есть друзья евреи. Конечно, не такие близкие, как мы были с тобой... Помнишь, Жешка, поход в Карелию?..

Вот чего я хотел меньше всего — воспоминаний юности, этой задушевности, окутывающей нежным флером любые факты и приводящей все к некому общему знаменателю: «Что прошло, то сердцу мило»...

Я сказал:

— Допустим. Допустим, я в какой-то степени понимаю твои рассуждения. Ладно. Но чего я никак не могу понять — это интеллектуального уровня твоих статей. Что с тобой? Какая-то непролазная банальность, какая-то уместная инфантильность. Причем нарочитая! Ты даже гордишься тем, что опускаешься до уровня жлобов. Не можешь же ты, в самом деле, верить в «Протоколы сионских мудрецов»?

— О, Господи, — он поморщился. — Да что вы все? Все мне суют эту несчастную фразу... А что я написал, ты хоть прочел? Разве я сказал, что верю в их подлинность? Я этого не знаю. Все, что я сказал, это что они — порождение злого гения, который предвидел катаклизмы истории. Вот и все. А для вас это — красная тряпка, не смей даже упоминать! В чем дело? Вы же всегда были за интеллектуальные свободы, за свободу информации! Вот он — двойной стандарт... Страна гибнет, народ прямо на глазах звереет, а вас волнует — только не сказали бы плохо о евреях. Или, не дай Бог, против свободной эмиграции.

Я вдруг почувствовал жуткую усталость. Вера сидела какая-то подавленная, безучастная к разговору. Официант уже некоторое время топтался у стола, пытаясь привлечь внимание. Я попросил счет.

— Может быть, кофе? — спросил официант.

— Нет, счет, пожалуйста.

— У нас потрясающий миндальный торт, — сказал он, заговорчески улыбаясь Вере. Она покачала головой.

Официант ушел, но вместо него появился пожилой джентльмен в синем костюме. Он как-то смущенно улыбался:

— Прошу прощения. Я хотел бы предложить вам пирожные или печенье — за счет ресторана. Или, может, напитки? Дело в том, что там, в вестибюле, что-то происходит... неприятное. Кажется, демонстрация. Там полно народу, шум, толкотня. Мы очень сожалеем, но было бы лучше посидеть здесь некоторое время, что-нибудь выпить. За наш счет, разумеется. Пока все уляжется. Полиция уже вызвана.

— Что он говорит? — спросил Сева.

— Предлагает десерт. — Я взглянул на Веру — она понимающе кивнула. — Счет, пожалуйста.

Мой план был прост: выйти из ресторана и по второму этажу пройти в гостиницу, а там отправить его на лифте в номер. Но коридор вел в какую-то пристройку. Мы довольно долго блуждали, пока нам не сказали, что пройти в гостиницу можно только через нижний вестибюль.

Еще на подходе к вестибюлю мы услышали крики толпы — как на бейсбольном матче. Народу было, конечно, меньше, чем на стадионе, но люди вели себя шумно и агрессивно. В основном это были ребята студенческого вида, все в джинсах и рубашках. Они кричали, скандировали, размахивали плакатами. Я пригляделся. Здоровенный детина с крошечной ермолкой в кудрявой шевелюре держал плакат: «Америке не нужны русские нацисты. Хватит своих!». «Позор! Позор!» — скандировала толпа, и гул усиливался под мраморными сводами вестибюля.

Я посмотрел на Севу. Кажется, он догадывался, что происходит. Он поблудел, выражение лица было напряженным.

— Давай назад, в ресторан! — крикнула Вера.

Толпа окружала со всех сторон, но внимания никто на нас не обращал. Они орал и размахивали плакатами, все были поглощены своим делом. Мы начали пробираться обратно к коридору, и в этот момент я услышал крик:

— Женья! Женья!

К нам приближался рабби Шворц.

— Не бойся, тебя никто здесь не тронет. Они прекрасно знают, где нужно остановиться, — крикнул я Севе.

— Женья, они здесь, в этой гостинице, мы точно узнали. Добрый вечер, Вира. Вот, удалось собрать столько. Но в университете будет больше. О, вы привели друга? — он протянул руку Севе. — Ави Шворц.

— Наш друг не говорит по-английски.

— О, он недавний эмигрант? Из России? И уже пришел на демонстрацию!

— Он не эмигрант, он остановился в этой гостинице и не может поехать к себе в номер.

— Не беда, мы его проведем!

Рабби Шворц крепко обнял Севку левой рукой и стал продираться сквозь толпу правым плечом вперед, покрикивая на ребят: «Эй, Джошуа, посторонись!» При этом он толковывал Севе:

— Они здесь, эти нацисты из вашей страны. — Рабби Шворц принаделжал к тем американцам, которые убеждены, что по-английски можно объясниться с любым иностранцем, если говорить достаточно громко. — Понимаете, эти идиоты из университета приглашают их сюда, как приличных людей, а они — нацисты! Они создали там погромную обстановку. Может, вы на идише понимаете? Я говорю, сейчас придет полиция, и меня арестуют за нарушение порядка в гостинице... Эй, Дейвид, пропусти нас! Не беда, я привык, посижу немного. А вы там расскажите, в своей стране... «Позор! Нацисты! Позор!» — гремело под мраморными сводами. И вдруг, уже у самого лифта, Севка сбросил с себя руку Шворца и резко повернулся к нам. Лицо его было искажено, губы дрожали.

— Ну и что? Что вы мне здесь доказали?! — крикнул он срывающимся голосом так громко, что перекрыл крик толпы. — Что всем здесь заправляет Шворц — так, что ли?! Мы к вам со своей болью, ищем понимания... А вы в ответ — «нацисты»?

Толпа затихла, удивленные лица поворачивались к нему.

— Значит, это ваш ответ? Будем знать: в этой стране нам говорить не с кем!

И перед тем, как войти в лифт, в наступившей тишине, совсем уже тихим голосом сказал, глядя на Веру:

— И ты с ними...

В машине, по дороге домой, мы с Верой молчали. Невидящим взглядом она смотрела перед собой, не произнося ни звука. Когда въехали на мост, я вспомнил эпиграмму Баратынского, которая все время, пока мы разговаривали с Севой, крутилась на периферии моей памяти. Я громко продекламировал:

В своих листах душонкой ты кривishi,

Уродуешь и мнения и сказанья...

И вдруг Вера разразилась истерическими рыданиями. Я не на шутку испугался: за четырнадцать лет нашей совместной жизни ничего похожего с ней не случилось. Я съехал на обочину, выталзил ее из машины, уложил на траву. Она продолжала рыдать и не отвечала ни на какие расспросы.

Позади возникла полицейская машина, осветив яркими фарами скрючившуюся на земле женскую фигуру. Полицейский вышел из машины, остановился поодаль, наблюдал некоторое время молча, а потом предложил вызвать скорую помощь.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Это ничего, это так... она скоро будет о'кэй.

Он сел в свою машину, но куда не уехал, а когда я через некоторое время усаживал Веру на заднее сиденье нашей машины, он выскочил и подержал дверь.

Войдя из гаража в дом, Вера опустилась в кухне на первый же стул, положила голову на стол и замерла в неудобной позе. Я предлагал ей воду, лекарства, горячее молоко — она ни на что не реагировала.

— Да что с тобой? — не выдержал я в конце концов. — В чем дело?

Не поднимая головы, она проговорила сквозь всхлипывания:

— Не надо сейчас... потом. Иди спать.

Я подумал, что, может, правда лучше оставить ее одну. Пошел в спальню, лег. Долго ворочался, потом вроде заснул, но вскоре проснулся... Так и провел всю ночь — то впадая в беспокойный полусон, то просыпаясь.

И каждый раз, открывая глаза, я видел полоску света под кухонной дверью.

Аркадий ИППОЛИТОВ

СМЕРТЬ АДАМА

(Ветхий Завет)

Лука Лейденский. Смерть Каина

Скупой библейский рассказ о жизни первых людей послужил основой для многих поздних добавлений и переработок. Одной из таких вариаций стал сюжет «Оплакивание Авеля Адамом и Евой». В Библии ничего не говорится о горе прародителей, но уже в средневековых мистериях появляются рыдающие над Авелем Адам и Ева. Тогда же этот сюжет появляется и в изобразительном искусстве, а особенную популярность он получил в эпоху барокко. Во многом это связано с возрождением жанра средневековых мистерий, прямыми наследниками которых были «Смерть Авеля» Геснера и «Потерянный рай» Мильтона.

Гравюра Санредама по рисунку голландца Абрахама Блумарта как раз является образцом новой интерпрета-

ции библейских сюжетов. В этом произведении смешиваются два стиля: маньеризм и барокко. Элегантная поза Евы, ее прическа, похожая на прически античных статуй, прихотливый рисунок тел напоминают об изысканном декоративизме интернационального маньеризма, блестящего и холодного стиля европейских дворов конца XVI века. В то же время

зритель втягивается в пространство изображения, будто подхваченный вихрем, что делает его соучастником происходящего. Открытая динамика композиции отличается от замкнутой плоскости картин маньеристов, как бы помещающих между зрителем и произведением толстый слой стекла. Эмоциональное напряжение «Оплакивания Авеля»

Блумарта означает рождение нового, барочного восприятия и становится началом современной драмы.

Композиция Блумарта динамична и условна. Филипп де Шампень, французский художник XVII века, гораздо более повествователен. Смерть вошла в благостный первобытный мир, но об этой трагедии рассказано с обстоятельностью фламандской жанровой живописи, недаром сам художник был фламандцем по происхождению. В картине раскиданы приметы идиллии: дети играют с птичкой, овечка щиплет венки из цветов, по лугам бродят тучные стада. Собака Авеля с удивлением обнюхивает мертвое тело, не понимая, что случилось, как не понимает этого и природа, безразличная в отличие от природы, изображенной Блу-

мартом, к трагедии Адама и Евы.

Первые люди Филиппа де Шампёна одеты в звериные шкуры, что буквально соответствует тексту Библии и нашим современным представлениям о быте каменного века. Так в трактовке этого художника мировая трагедия превращается в рассказ из жизни первобытных людей. Поэтому условность Блумарта намного ближе романтизму мистерии Байрона, отрицающего в предисловии к своему «Каину» родство с Мильтоном и Гесснером, к которым гораздо ближе Филипп де Шампёнь.

Фигура Адама в картине Шампёна напоминает изображение Иоанна Крестителя в пустыне. Такая аллюзия из Нового Завета не случайна; в истории Авеля богословы очень часто видели прообраз жертвы Иисуса. Это было настолько распространено, что Байрон специально подчеркивал, что его «Каин» «не имеет ничего общего с Новым Заветом». Филипп де Шампёнь, очень близкий к янсенистам Пор-Руаяля, как раз акцентирует внимание на новозаветных ассоциациях, следуя богословской традиции, в отличие от Блумарта и Байрона. Разница между этими двумя «Оплакиваниями Авеля» — это разница между романтической динамикой раннего барокко и обстоятельным позитивизмом зрелого XVII века.

Ева в трагедии Байрона при-

читает над телом Авеля:

*О смерти! Не я ль ввела
Тебя в наш мир? Зачем же не
меня ты*

Взяла от мира?

Первая смерть связана с преступлением. Может быть, желание прекратить насилие объясняет странные слова Господа. И сказал ему Господь: «Всякому, кто убьет Каина, отмститися всемеро. И сделал Господь Бог Каину знамение, чтоб никто, встретившись с ним, не убил его». Далее в Библии есть темное место — Ламех обращается к своим женам: «Ада и Цилла! Послушайте голоса моего, жены Ламеховы! внимайте словам моим: я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне».

На этих словах основан сюжет «Убийства Каина Ламехом». Гравюра Луки Лейденского посвящена этой редкой истории. Апокрифы рассказывают, что после убийства Каина Ламех был поражен слепотой, в Библии указания на это отсутствует. Лука Лейденский изображает пораженного слепотой Ламеха и еще одного странного персонажа, его сына Тувалкаина, с которого начинается библейский бронзовый век, о нем сказано: «Цилла также родила Тувалкаина, который был ковачем всех орудий из меди и железа».

Смерти насильственной, противной Богу, противопоставлена смерть естественная. Смерть Адама в возрасте 930 лет стала сюжетом фрески

Блумарт. Адам и Ева оплакивают Авеля

Пьеро делла Франческа. Эта первая фреска из серии «Истории Святого Креста» напрямую не соотносится с текстом Библии. Рассказ о Святом Кресте

появился позже, и в нем повествуется о том, как святая Елена обрела крест, на котором был распят Иисус Христос. Крест был сделан из дерева, выросшего на могиле Адама. Таким образом Ветхий и Новый Заветы связываются в единое целое.

Адам и его потомки жили столетиями и были прозваны патриархами. Фреска Пьеро делла Франческа как нельзя более точно передает ощущение патриархальности. В ритмически расставленных фигурах детей и внуков Адама чувствуется размеренный покой, что исходит от знаменитого библейского перечисления: «Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот лет, и родил он сынов и дочерей».

Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет, и он умер».

В этом спокойном библейском повторении содержится то умиротворенное отношение к смерти, которое искали философы — дети Адама, и этим святым умиротворением наполнена фреска Пьеро делла Франческа.

Ф. де Шампёнь. Адам и Ева оплакивают Авеля

П. делла Франческа. Смерть Адама

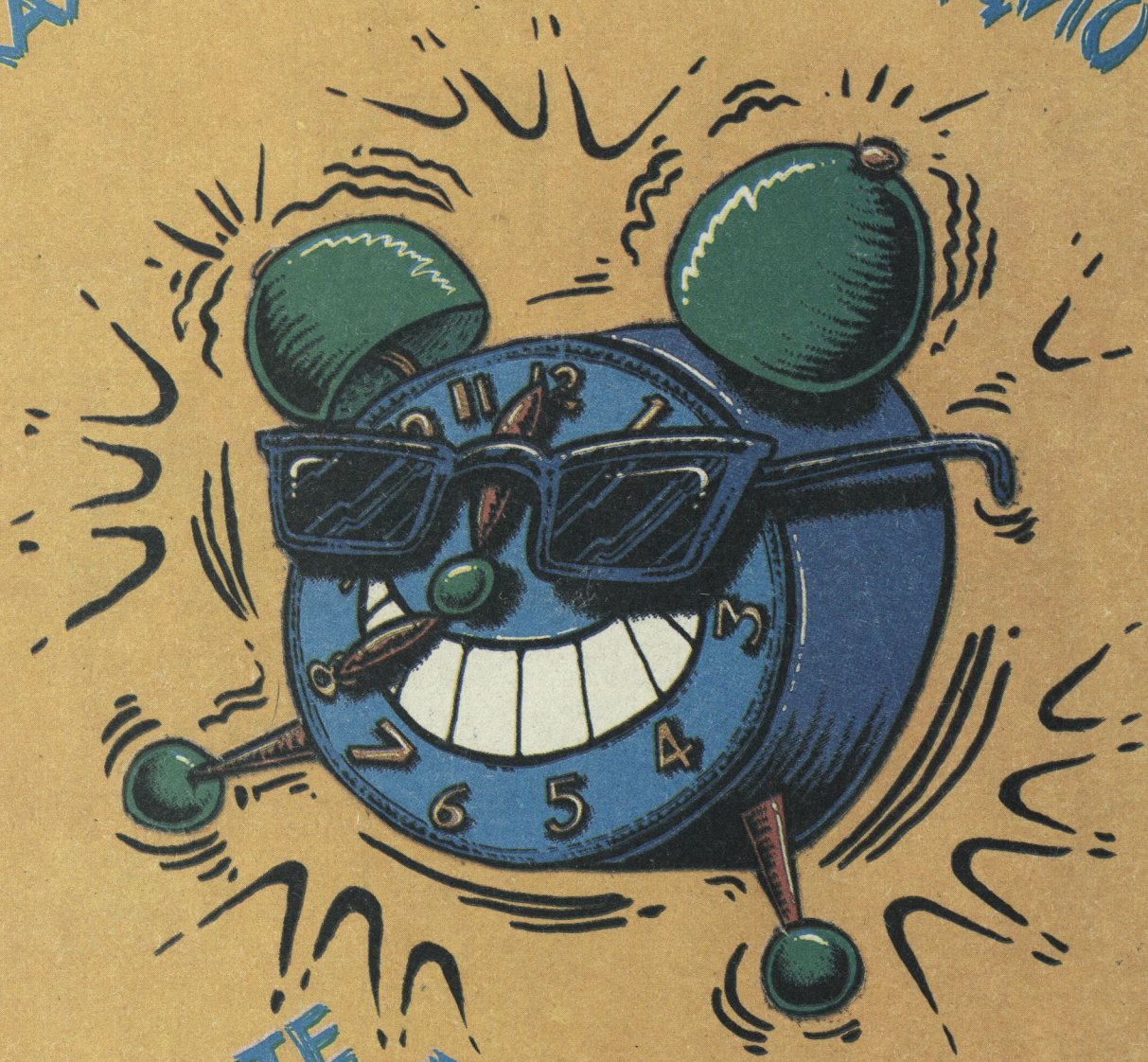
П. делла Франческа. Смерть Адама

В-ра

индекс 73746

КОНСТАНТИН-БУДИЛЬНИК

КАЖДОЕ УТРО НА М-РАДИО

ВХОДИТЕ БЕЗ СТУКА

127427, Москва,
ул. Академика Королева, 15
тел. 286-52-42